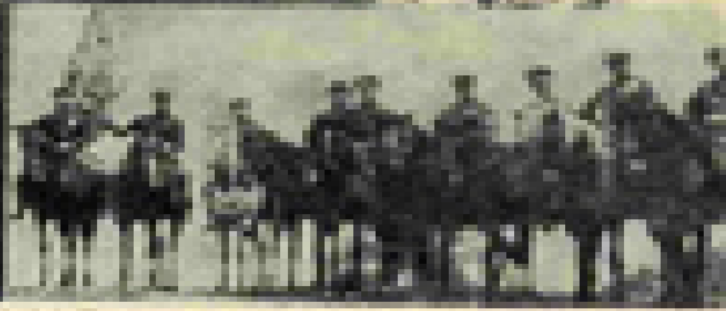
КОТОВСКИЙ



Геннадий Ананьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Представлена биография легендарного полководца гражданскойвойны Г.И. Котовского

-
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.И. Котовского
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- Фотографии

Г.Ананьев
КОТОВСКИЙ

«Молодая гвардия»
МОСКВА 1982
ЖЗЛ-623

1

Бессильный гнев душил Григория Котовского. Связав по рукам и ногам, холопы помещика Скоповского избили его и вот теперь куда-то везут по тряской дороге на телеге. Болит все тело, отекли туго перетянутые руки, но Котовский словно не чувствует этого, он вновь и вновь переживает позорную сцену избиения.

По распоряжению помещика Котовский переправил в Кишинев большую партию свиней и, выгодно продав их, вернулся

в имение. Но вместо того чтобы немедленно отчитаться перед хозяином, пошел проведать больного батрака и отдать купленные для него лекарства. И надо же такому случиться, что и Скоповский пожаловал в барак. И не один, а с ключником и конюхами. Помещик считал, что батрак симулирует, поэтому решил его наказать. С бранью слуги Скоповского накинулись на больного батрака, начали бить, заставляя идти на работу.

- Прекратите! - не выдержав, крикнул Котовский и оттолкнул конюхов от больного.

Скоповского это вмешательство взбесило, и он приказал связать управляющего.

…В степи телега остановилась, Котовского сбросили на снег.

- Развяжите! - потребовал Котовский, понимая, что его хотят оставить на верную гибель.

- Барин не велел, - спокойно ответил приказчик. Февральский холод начал пробирать до самых костей, но, как ни напрягался Григорий Котовский, ему никак не удавалось даже хоть чуть-чуть ослабить веревки. Выход один - найти какое-нибудь дерево и тогда, поднявшись, перетереть веревку о шершавую кору. И Котовский покатился по снегу, проклиная Скоповского и его холуев.

«Дерево нужно. Дерево, - отчаянно повторял Котоз-скии. - Тогда спасусь!»

Григорий Котовский родился в июне 1381 года в небольшом молдавском селе Ганчешты в 35 верстах от Кишинева. Отец его Иван Николаевич Котовский, как записано в церковной метрической книге, - мещанин Каменец-Подольской губернии города Балты, мать - Акулина Романовна… Но Иван Николаевич не мещанин, а сын потомственного дворянина, храброго полковника, служившего под началом генерал-фельдмаршала Воронцова.

У него было много боевых наград, но это не помешало уволить его из армии с должности командира полка за сочувствие польскому освободительному восстанию 1863-1864 годов, особенно его левому крылу, так называемому «красному». Крыло это возглавляли Ярослав Домбровский, будущий герой Парижской коммуны, Зыгмунт Падлевский и Зыгмунт Сераковский.

После смерти опального его дети Петр и Иван, покинув не единожды заложенное имение в Подолии, перебрались в Балту и приписались к сословию мещан. Иван Николаевич нанялся к известному на всю Бессарабию предприимчивому князю Манук-Бею заведующим машинным отделением винокуренного завода и

получал 50 рублей в месяц. Детей с рождением Григория стало четверо, вот и приходилось, что говорится, сводить концы с концами. Но все же дух гордой независимости, традиционной для рода Котовских, семья Ивана Николаевича не растеряла в борьбе с житейскими невзгодами. В духе семейных традиций воспитывал Иван Николаевич и Гришу.

Едва мальчику исполнилось два года, как утонул в княжеском пруду старший брат Николай. Потрясенная смертью любимого сына, Акулина Романовна заболела горячкой, у нее начались тяжелые преждевременные роды, но в Ганчештах не было ни врача, ни акушерки. Так и не поднялась Акулина Романовна с постели.

Сиротское детство Гриши как могла скрашивала крестная мать - Софья Михайловна Шаль, подруга Акулины Романовны.

Когда Гриша подрос, отец соорудил у дома голубятню. Турманы, дутыши и любимые сизари доверчиво садились на Гришины плечи, ворковали, клевали с руки зерно, а потом, подчиняясь лихому свисту, стремглав взлетали ввысь. А соседские мальчишки стояли с разинутыми ртами, и каждый из них много бы отдал, чтобы стать владельцем вот таких же красивых голубей.

Гриша знал, что почти все, у кого голуби (таков уж закон голубятников), пытались .заманить и турманов; и трубастых саксонских, и сизарей в свои голубятни - осадить и загнать, пусть потом выкупает. Но чаще всего выкупать приходилось им самим - голуби Котовских возвращались домой, увлекая за собой чужаков.

Птица платила верностью за ласку и заботу.

Иван Николаевич не запрещал сыну ходить в бараки к рабочим, прощал ему детские шалости, не журил и за драки между «заводскими» и «верхнеуличными», в которых Гриша почти всегда участвовал. Отец справедливо считал, что жизнь - лучший учитель.

И жизнь учила борьбе. Даже право купаться в манук-беевском пруду приходилось отвоевывать. Ганчешты делились иа две части - крестьянскую и заводскую. Крестьян называли «верхнеуличными», по расположению улицы, иа которой они жили. У них имелись хоть и убогие, но все же свои дома. А «заводские» ютились в бараках. Тайная вражда между ними и выливалась в частые драки.

Красивы стены княжеского замка из красного кирпича. Можно долго любоваться добротной кладкой, строгими бойницами и изящной формой сторожевых башен; но табунок ребят с Верхней улицы бежит, не замечая всей этой роскошной красоты, к пруду, где купаются дети заводских рабочих. И вот

боевой клич проносится над прудом, сходится стенка на стенку, кряхтят упрямцы, тузят друг друга, трещат по швам рубашонки. Вот-вот дрогнут ряды «заводских», и в это время испуганный крик остановил всех - в пруду захлебывался Фиша Кройтер. Гриша Котовский не раздумывая кинулся в воду и вытащил на берег уже потерявшего сознание Фишку.

Забылись сразу распри, все кинулись помогать сверстнику. Откачали. И Фиша, благодарно и виновато улыбнувшись, сказал тихо:

- Спасибо.

В тот день они купались вместе: «заводские» и «верхнеуличные».

Гриша рос крепышом. И так получилось, что в любых играх, любых шалостях он оказывался первым. А сверстники стали воспринимать это как должное. Иной бы, может, и сам хотел стать первым, да побаивался силы и подчинялся.

Отец часто брал Гришу с собой на завод, чтобы тот видел, как трудно достается людям хлеб, а вечерами серьезно, как со взрослым, говорил о чести, о долге, о сострадании к обездоленным.

Отца и доброго наставника лишился Гриша, когда ему не исполнилось еще 12 лет.

Зима для винокуренных заводов - самая напряженная пора. И как раз в это время испортился один из паровых котлов. Иван Николаевич сам полез в еще горячий котел. Более часа пробыл там и вылез мокрый от пота. Поберечься бы ему, сменить насквозь промокшую одежду, а он остался в топочном отделении, где всегда сквозняки, чтобы самому убедиться в исправности котла. Это стоило ему жизни. Сильно простудившись, он проболел около года и умер от чахотки.

Ходатайствовать за младшего брата к Манук-Бею пошла Софья. И Манук-Бей устроил его в реальное училище.

И хотя хорошо сдал Гриша вступительные экзамены и учиться начал прилежно, его вскоре отчислили как «неподходящего». Предлог - плохое поведение.

Гриша вернулся в Ганчешты. Но Манук-Бей вновь сделал добрый жест - предложил Григорию протекцию в Кокорозенское сельскохозяйственное училище, и тот с благодарностью принял эту помощь. Не задумывался он тогда над тем, отчего Манук-Бей так благодушно заботлив, не понимал, что тот блюдет свой интерес. Справедливо считая, что по лозе и гроздь, помещик хотел подготовить себе честного, как и его отец, работника.

Кокорозенское сельскохозяйственное училище создано было в

1893 году губернским земством и содержалось на средства бессарабских помещиков и монастырей. В училище настойчиво внушалось будущим агрономам: живи и работай ради хозяина, ставь интересы хозяина превыше всего, и тогда хозяин тебя не обидит.

И система учебы была продумана так, чтобы выпускник училища мог бы с одинаковой сноровкой вырастить саженцы плодовых деревьев, заложить виноградник, готовить вино и сыр, консервировать фрукты и овощи; обязан уметь подковать лошадь, подоить корову, сложить печь, сделать оконную раму либо дверь, отремонтировать локомобиль, наладить сноповязалку.

Были в училище и такие, как Иван Саввич Лысенко - преподаватель русского языка и литературы, исключенный за неблагонадежность из Киевского университета. Иван Саввич дружил с украинским писателем-вольнодумцем И.С. Нечуй-Левицким. На уроках литературы Гриша, слушая учителя, начинал сомневаться в том, что нужно ли ожидать, как призывали их на уроках закона божьего, пока господь соизволит ниспослать то благодатное время, когда «милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются»?

Биться за него нужно как Спартак, Степан Разин, Пугачев…

А потом в Кокорозенском училище тайком от надзирателей прочитал он «Овода». Книга потрясла его.

А тут и листовки, запрещенные книги и брошюры. В те годы в Кишиневе еще не было крепкого марксистского ядра революционеров, больший политический вес имели тогда в Бессарабии народники и «экономисты», вот их листовки чаще всего и попадали в училище.

Не обходили вниманием училище и анархисты.

В одних листовках восхваляли террор, в других проповедовали лишь один метод борьбы - экспроприацию помещичьей собственности, третьи призывали бороться только за то, чтобы помещики и фабриканты раскошеливались посмелей да платили пощедрей…

Григорий Котовский увлеченно читал запрещенную литературу, горячо спорил на сходках, но и не отказывался петь в церковном хоре. Он защищал слабых, всячески им помогал, но вынужден был мириться с жестокими порядками в училище, с тем, что ребят заставляли работать не меньше, чем батраков, а кормили скудно. Только в те дни, когда готовились к встрече бессарабского губернатора фон Раабена, выдали всем ученикам новую форму, в столовой появились мясные блюда, творог и масло, но на второй же день после отъезда губернатора все вернулось «на круги своя». Форму отобрали. Кормить, как и

прежде, стали одними клецками с брынзой и галушками с молоком.

Он старался и учиться и работать больше и лучше всех. Не случайно же управляющий училищем И.Г. Киркоров говорил, что Котовский все работы исполнял с любовью и усердием, служил примером для других товарищей. В свободное время Григорий успевал прочитывать все специальные книжки, интересовался и русскими классиками, книги ему разрешалось брать из собственной библиотеки Киркорова. Гриша Котовский в течение четырех лет считался одним из самых лучших учеников.

И лишь один раз отважился Григорий на открытый протест. Ребята тогда работали на сборе початков кукурузы. Физическая нагрузка большая, а питание - все те же клецки да галушки. Полуголодные подростки начали роптать, а однажды даже подняли шум у окна раздачи, требуя добавки. Когда же на шум прибежал надзиратель Комаровский, чтобы успокоить учащихся, Котовский первым потребовал справедливого к ним отношения.

Этот «бунт» усмирял урядник. Зачинщику грозило исключение. Но, к счастью, все закончилось предупредительным письмом опекуну Горскому - мужу сестры Софьи.

В последних классах Кокорозенского сельскохозяйственного училища Григорий Котовский усиленно изучал немецкий язык, рассчитывая по окончании училища, поработав немного в каком-либо из частных хозяйств и получив отличные характеристики, поехать в Германию и поступить при финансовой поддержке Манук-Бея на высшие сельскохозяйственные курсы. Не знал Котовский, что «бунт» учащихся не обошелся без последствий, полиция взяла его на заметку, а после одной из сходок, которая чуть не закончилась провалом (кто-то донес о ней надзирателю Комаровскому, ребята, однако, успели попрятать листовки), попал он в список поднадзорных полиции. Его не исключили из училища и не посадили в тюрьму лишь потому, что не нашли прямых улик.

Окончив училище, Григорий Котовский получил направление в имение Скоповского Валя-Карбуна на должность управляющего. Помещик принял его радушно, сразу же выдал деньги для покупки одежды, жилье выделил приличное во флигеле.

К своим обязанностям Котовский относился добросовестно, к зимовке скота все подготовил заблаговременно. И к весеннему севу загодя очистил зерно, отремонтировал плуги и сеялки, а недостающий инвентарь закупил в Бендерах и Тирасполе. Побывал он и в колонии Шабо. Виноделы приехали сюда еще при Екатерине II из французской Швейцарии и прижились на благодатной земле. Много перенял у колонистов Котовский и

применил затем в имении Валя-Карбуна.

Все, казалось, шло хорошо. Но вот как-то гостили у Скоповского соседи-помещики, и в их присутствии хозяин Валя-Карбуна похвалил своего молодого управляющего но добавил при этом:

- Батракам потакает только. Щедр непомерно. Вот беда.

- А возможно, он руководствуется правилом: не гони коня кнутом, а гони его овсом, - предположил кто-то из помещиков.

- Батраки - тоже люди! - резко ответил Котовский. - Этим я руководствуюсь в обращении с ними.

- Вот как?! - с деланным недоумением воскликнул Скоповский.

Так произошла первая размолвка.

А тут еще молодая жена Скоповского. Она не любила и боялась надменного мужа, и, когда в имении появился молодой красивый управляющий, потянулась к нему. Узнав об этом, Скоповский устроил скандал, состоялось неприятное и тяжелое объяснение, после которого Котовский уехал из имения.

Новым хозяином Григория Котовского с мая 1901 года стал Якунин, владелец имения Максимовка. Хозяйство большое, хлопотное, но Котовский со свойственной ему энергией успевал делать все: вести финансовый учет, контролировать полевые работы, заботиться о фруктовом саде помещика, о винограднике и ферм? И еще он всякий раз проверял, как кормят батраков, из колодца ли, а не из пруда привозят им воду.

Недолго, однако, длилась спокойная жизнь Котовского в новом имении. Осенью, когда уже были окончены основные полевые работы, Григорий Котовский поехал на несколько дней в Одессу. Дома у него осталось около 200 рублей помещичьих денег. Когда он вернулся, обнаружил, что шкаф взломан, а деньги похищены. Котовский пошел к Якунину, чтобы сообщить о краже, но тот уже знал о ней со слов Осадчего - помощника управляющего. Тот ловко повернул дело так, будто деньги Котовский израсходовал, а вину решил свалить на другого. Потому имитировал воровство.

Оскорбленный Котовский взял расчет. Тем более что за несколько недель до скандала получил от Скоповского письмо с приглашением вернуться в его имение.

И вот вновь Валя-Карбуна. Но примирение было недолгим. Скоповский начал подозревать управляющего в том, что он распространяет крамольные листовки, и ждал случая расправиться с вольнодумцем управляющим в назидание другим.

2

Григорий Иванович не замерз той лютой ночью. Ему удалось освободиться от веревок. Добравшись на следующий день до Балты, решил ехать в Кишинев, искать работу. Но получить приличное место без хорошего отзыва от прежних хозяев или рекомендации какого-либо влиятельного лица было невозможно. Ради куска хлеба пришлось соглашаться на любую временную работу. Даже грузить баржи. В те месяцы скитаний Котовский познакомился с социал-демократической, марксистской литературой.

Политическая обстановка в Бессарабии к тому времени значительно изменилась. В Кишиневе все больший вес приобретали марксисты. Южная группа содействия «Искре» командировала Леона Гольдмана в Мюнхен к В.И. Ленину. Из Вильно в Кишинев был доставлен ручной печатный станок, а И.И. Радченко, соратник Ленина, привез в крестьянской телеге восемь пудов типографского шрифта. Вскоре из одноэтажного белого домика, расположенного как раз напротив полицейского участка, начала вывозить «няня» семьи Гольдмана Г.А. Корсунская коляску с ребенком, под матрасиком у которого были аккуратно уложены большевистские листовки и брошюры.

Полиция жестоко боролась с искровцами, то и дело проводились обыски, аресты. «Искра» изымалась полицией в Кишиневе, в Аккермаие и в других городах Бессарабии.

В ночь на 23 ноября 1901 года на конспиративной квартире комитета РСДРП в Кишиневе полиция захватила склад нелегальной марксистской литературы. В перечне изъятой литературы была прокламация В.И. Ленина «Начало демонстраций» и его же брошюра «Задачи русских социал-демократов».

Но, несмотря на все попытки полиции захватить подпольную типографию, «Искра» продолжала выходить в Кишиневе. Здесь же были выпущены отдельными оттисками тысячи экземпляров статей В.И. Ленина «Начало демонстраций», «Новое побоище», «Борьба с голодающими». Вполне вероятно, что Григорий Котовский читал и приветствие «Искры» по случаю образования в Кишиневе комитета РСДРП, и прокламацию «К товарищам», которую выпустил вновь созданный комитет. Не мог не слышать и о приказе военного коменданта города Кишинева о применении оружия против демонстрантов. Приказ тот опубликовала «Искра», и он вызвал возмущение всего трудового люда своим средневековым деспотизмом: «Его Высокоблагородию Г-ну

Ротному Командиру …ского Пехотного полка. Отношение. Предлагаю В. В. назначить роту в 32 ряда для подавления могущих возникнуть в городе беспорядков. Находиться в ведении Г-на полицмейстера. Выступать по приказу. Действовать решительно и ни перед чем не останавливаться. Каждому нижнему чину иметь 15 боевых патронов и одну веревку…»

Возможно, что именно в то время возникли у Григория Ивановича мысли о необходимости бороться силой оружия против тех, кто жестокими репрессиями подавлял любые выступления народа. Неожиданный арест окончательно убедил его в этом.

1 октября 1902 года Григорий Иванович явился в воинское присутствие в Балте для отбывания воинской повинности. Но там ему сказали, что призыв откладывается до ноября. Тогда Григорий Иванович едет в Ганчешты проведать сестру. А там узнает, что по распоряжению мирового судьи и судебного следователя он разыскивается становым приставом. За что? Теряясь в догадках, Котовский пошел к приставу, но был арестован и отправлен в Кишинев. Ему предъявили обвинение в том, что он якобы растратил 77 рублей, когда работал у Скоповского, и посадили в арестный дом.

Да, не успокоился Скоповский на том, что вышвырнул управляющего, связанного и избитого, в морозную ночь. И вот уже скорый и позорный суд с загодя известным исходом. Виновен невиновный. Месяц лишения свободы.

С тоскливым скрипом закрылась дверь в сырую и холодную камеру. Жизнь осталась там, за толстыми прочными стенами.

Не знал Котовский, что привыкнет он позднее к ржавому скрипу тюремных дверей, к прочным стенам, к застоялому тюремному удушью, которым, казалось, пропитаны не только стены, нары, двери и решетки, но и одежда, все тело, и что после каждого очередного ареста первой станет мысль о побеге. Сейчас же свой первый арест он воспринял с болезненной озлобленностью.

Медленно, словно иззябшая черепаха, ползло время. Такими же тягучими и безрадостными были рассказы крестьян и мастеровых, с которыми оказался в камере Котовский.

Через несколько дней после ареста Котовский заболел нервной горячкой. Его перевели в тюремную больницу, а после выздоровления вновь вернули в камеру. Вид его был настолько жалок, что даже тюремный врач Василевич предложил следователю освободить Котовского, оставив его под надзором полиции.

Но не выпустили Григория Ивановича из тюрьмы. Последние

сутки показались особенно длинными, считал часы и минуты. Твердо решил после освобождения поехать в Ганчешты к своей сестре. Как будет добираться до Ганчешт, не думал. Денег ни копейки. Да и силенок кто бы дал взаймы.

Ужаснулась Елена, когда увидела брата, так он похудел.

- Ах, Гриша, Гриша! Ну когда же ты будешь жить как все?! - в отчаянье воскликнула она.

Григорий промолчал. Одним словом не ответишь, а разве время сейчас говорить о том, что он пережил и передумал, что решил посвятить свою жизнь борьбе за правое дело, борьбе с притеснителями народа?

Но прежде чем он возьмет в руки оружие, пройдут месяцы. Он еще до дна выпьет горькую чашу нужды и скитаний, будет трудиться чернорабочим в экономии, а затем поденным рабочим в имении Недова, вновь окунется в самую гущу революционной агитации, а затем побывает в Харькове и Киеве, где, как теперь все более уверенно делается предположение, встретится с руководителями комитетов РСДРП, которые и дадут ему задание сформировать боевую дружину. Выполнит он его тоже не сразу. Сменит еще не одну фамилию и, перейдя на нелегальное положение, начнет подбирать наиболее надежных и верных товарищей. И в это время его вновь арестуют за «уклонение от воинской повинности».

3

«…Балтское уездное полицейское управление, рассмотрев переписку о задержанном в г. Кишиневе балтском мещанине Григории Ивановиче Котовском, нашло, что Котовский подлежал отбытию воинской повинности в 1902 году, но к исполнению таковой до сих пор не являлся, скрываясь в разных местах, а потому постановило: названного Григория Котовича (так в документе. - Г. А.), в целях воспрепятствования дальнейшего уклонения от исполнения воинской повинности, содержать под стражей при полиции, впредь до открытия заседания Балтского воинского присутствия 3 февраля 1905 года, о чем ему объявить, а копию сего постановления препроводить товарищу прокурора по Балтскому участку.

Пом. исправника :

Журавский».

Вскоре заседание воинского присутствия состоялось, и Котовского препроводили в 19-й пехотный Костромской полк, который был расквартирован в Житомире. А уже 31 мая (13 июня по новому стилю) 1905 года Григорий Котовский, воспользовавшись тем, что его положили на лечение в лазарет, бежал, и полковник Воронов подписал приказ «исключить его из списков полка, роты и больных Житомирского местного лазарета».

Не мог Котовский стать солдатом армии, которая расстреливала петербургских трудящихся, мирно шагавших 9 января с иконами и царскими портретами к Зимнему дворцу, надеясь получить защиту у царя от притеснения алчных хозяев. Узнал о Кровавом воскресенье Котовский буквально за день до ареста в Кишиневе. В этот же день пришла весть о расправе над батраками Ганчешт. Голодные, отчаявшиеся крестьяне поднялись всем миром, самовольно стали забирать муку у торговцев. Но в Ганчешты вошли две роты солдат, и началась расправа. Крестьян пороли, хотя еще в 1903 году царь официально отменил телесные наказания.

Дезертировавший из армии Григорий Котовский в конце июня вернулся в Бессарабию, где в то время проходили стачки, митинги, демонстрации. 21 августа в Кишиневе состоялась организованная комитетом РСДРП всеобщая забастовка, которая на следующий день переросла в политическую демонстрацию. На улицах Кишинева, Аккермана, Белграда и других городов все чаще появляются лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой царя!»,

«Долой эксплуатацию!»

Усиливаются к тому времени в Молдавии и крестьянские волнения, которые охватили почти все уезды. Власти направили туда карательные отряды, чтобы потопить в крови народное движение за землю и свободу. Не задумываясь, Котовский становится на сторону поднявшегося на борьбу трудового люда.

1 декабря 1905 года в Иванчском лесу, между Кишиневом и Оргеевом, отряд Котовского конфискует деньги и ценности у дворянина Дудниченко, затем у купца Когана. Часть этих средств Котовский использовал для нужд боевой группы, остальные раздал беднякам.

Через двенадцать дней Котовский со своей группой в Бардарском лесу (что между Кишиневом и Ганчештами) конфискует деньги у ганчештских купцов. А 22 декабря между Кишиневом и Оргеевом экспроприировал деньги у шестерых помещиков и купцов.

Деньги эти Григорий Иванович раздал землякам.

Но не только деньги и ценности экспроприировал отряд Котовского, а и оружие.

В декабре 1905 года революция достигла своего высшего подъема. 7 декабря восстали московские рабочие. Эхо Декабрьского вооруженного восстания в Москве докатилось и до Бессарабии. Вот что об этих событиях писало «Русское слово»: «Десятитысячное население Комрат - центр белградского района - в руках восставших. Объявлена автономия, власти низложены и арестованы. Драгуны бессильны».

Десять дней жила Комратская республика трудящихся. С большим трудом власти сломили упорное сопротивление восставших. Их жестоко избивали, многие из них были отданы под суд и сосланы в Сибирь на каторгу.

По всей Бессарабии поднимались крестьяне, готовились взяться за оружие революционные силы Кишинева.

В начале 1906 года дружина Котовского расширила свою деятельность, стала нападать на полицейских, отбирая у них оружие, отбивала у военных конвоев арестованных за аграрные беспорядки крестьян.

Долгое время полиция не могла напасть на след отряда Котовского, ибо он пользовался защитой и поддержкой рабочих и крестьян. Выходить на облавы они отказывались, всякий раз предупреждая Котовского о появлении больших групп полицейских либо воинских подразделений. Кроме того, Котовский попросту подкупил некоторых полицейских. Так секретный агент Новацкий, состоявший непосредственно при

губернаторе и получавший по 50 рублей за каждого арестованного по его доносу «опасного преступника», столько же брал и с Котовского «за услугу». Помощник пристава 3-го участка Зильберг постоянно сообщал не из-за симпатии, конечно, к Котовскому, о намечавшихся засадах. Но Зильберг готовился и к тому, чтобы подороже продать самого Котовского. Однако до поры до времени отрабатывал получаемые от Котовского деньги.

Росло число нападений на помещиков, купцов, полицейских и конвойных. Имя Котовского наводило ужас на эксплуататоров. Буржуазная газета «Бессарабская жизнь» и особенно черносотенные газеты «Бессарабец» и «Друг» старались вовсю изобразить Котовского как атамана бандитской шайки, главная цель которой - грабеж. Властям такая трактовка борьбы вооруженной группы Ко-товского была выгодна.

Но факты говорили о другом. Даже следователь Кишиневского окружного суда отмечал, что нападения группы отличались как крайней смелостью, так и строгой планомерностью в действиях. А в составе группы, судя по протоколу Кишиневского окружного суда от 20 января 1906 года, были люди, ранее обвинявшиеся в хранении и распространении антиправительственных брошюр и газет.

Когда полицейские арестовали одного из членов вооруженной группы Котовского, П. Демянишина, они нашли при обыске у него «Призывную песню». Вот отрывок из этой песни:

Ой вы, руки народные сильные,
Вы берите цепы молотильные,
Обмахните слезы соленые,
Отбивайте вы косы каленые,
Топоры навостряйте тяжелые…
Вот встает оно, войско народное.
Не спасут тебя пули свинцовые,
Не укроют и стены дворцовые.
Ой держитесь, министры-правители,
Палачи, кровопийцы, мучители,
Челядь царская, сволочь приспешная,
Жадных коршунов стая кромешная.

Ненавистью к угнетателям, к самодержавию проникнута песня. Она зовет на борьбу, она полна веры в конечную победу народа.

Не случайно и то, что отряд Котовского постоянно стремился добывать оружие. Ведь только у исправника, который вез оружие из Пересечина в Оргеев, группа Котовского отняла 30 ружей. А сама группа в то время состояла из 17-18 человек, хорошо

вооруженных. Больше группа не увеличивалась. А оружие куда-то уходило, кому-то передавалось. Не кишиневским ли рабочим-революционерам для создания боевых дружин?

Политический характер борьбы отряда Г.И. Котовского вынуждены были признать даже чиновники Кишиневского окружного суда и департамента полиции. Когда Григорий Иванович бежал из кишиневской тюрьмы, департамент полиции в секретной телеграмме сообщал: «Бежал опасный политический преступник». Не случайным явлением, не единичным, основанным на мести, была борьба Котовского и его боевого отряда. Она являлась звеном в той героической борьбе, которую вел революционный народ против ненавистного царизма. После восстания на «Потемкине» Котовский стал называть свою группу «черноморцами», объясняя это тем, что цели борьбы у них одни и те же.

Полиция, жандармерия и армейские подразделения, выделенные для борьбы с выступлениями трудящихся, делали все возможное, чтобы подавить революцию. Министр внутренних дел П.Н. Дурново в январе 1906 года требует от генерал-губернаторов истреблять мятежников и сжигать их дома при сопротивлении, силою оружия выбивать у крестьян убеждение, что земля принадлежит им…

Упорно обороняясь, революция шла на убыль. И именно в этот период был арестован Котовский. Предал его Зильберг. Выгодно для себя предал. Зная одну из конспиративных квартир партизанского отряда (на улице Куприяновской, в доме 9), Зильберг долго держал ее под постоянным наблюдением. И вот 18 февраля 1906 года Котовский появился в этой квартире. Дом тут же оцепили, но ворваться побоялись. Ждали, когда Котовский выйдет на улицу.

Не подозревая измены, Котовский собирался в лес, к своему отряду. Он натянул ботфорты, надел мягкую куртку, шляпу и вышел на крыльцо. Тут его и схватили.

Сопротивляться было бесполезно. Вмиг с ним бы расправились. Это сразу понял Котовский. Сказал только с сожалением:

- Разрушен теперь весь мой план.

Полицейские перевернули в доме все, но, увы, улик в их руках оказалось весьма немного: денег 4 рубля 25 копеек, свисток, маска и записная книжка.

В тот же день в доме на Киевской улице были арестованы и закованы в кандалы Прокопий Демянишин и Игнатий Пушкарев, а через несколько дней задержали и других членов отряда.

Арестовали и хозяев конспиративных квартир отряда Ирину Бессараб и Акулину Жосаи.

Зильберг получил солидное вознаграждение - 1000 рублей.

Котовский вновь в тюрьме. Она, с высокими сторожевыми башнями и узкими, в виде креста, окнами, напоминала средневековый замок, и только колючая проволока, которой были густо опутаны тюремные стены, нарушала это сходство. Теперь двойные железные ворота захлопнулись не на месяц, как в первый его арест, а на многие месяцы. Но не испытывал Котовский отчаяния. Он вовсе не собирался ждать решения суда и терпеть произвол тюремной администрации. Уже в апреле он пытается установить связь с оставшимися на свободе товарищами. Записку, однако, перехватили стражники. Но это не остановило его. Он продолжает готовиться к побегу, и не один, а вместе с другими политическими заключенными.

В середине апреля комратцы (так называли в кишиневской тюрьме организаторов Комратской республики. В 1905 году содержалось их здесь более шестидесяти человек) объявили голодовку, Заключенные выступили против избиений на допросах, против унижений й оскорблений. Комратцев поддержали политические, а затем под влиянием Котовского и многие уголовники.

Такая значительная поддержка требований комратцев привела к успеху. Часть их распоряжением губернатора была освобождена вовсе, иных отпустили домой под залог, третьих - на поруки, Авторитет Котовского и его друзей еще более возрос, и они, понимая это, решаются на организацию массового побега из тюрьмы.

Сложную задачу ставили перед собой боевой отряд и его сообщники - им предстояло разоружить более пятидесяти охранников, поэтому действовать предстояло не только решительно и смело, но и хитро.

План разрабатывали долго, и вот в один из майских дней, когда во двор, как обычно, начали выводить на прогулку арестованных из камер, заговорщики начали действовать. Они разоружали поочередно всех надзирателей, которые находились в здании тюрьмы, а затем я надзирателей внутреннего двора. Все развивалось точно по задуманному плану. С кляпом во рту и со связанными руками очутился в камере помощник начальника тюрьмы Гаденко. Но оставался привратник, и он мог в любую минуту заглянуть в волчок ворот, ведущих в наружный двор, и, не увидев надзирателей во внутреннем дворе, поднять тревогу. Момент напряженный. Котовский, однако, хладнокровен. Он моментально принимает решение. Командует:

- Открыть все камеры и выпустить арестантов во двор. Буду читать манифест.

Речь шла об известном царском манифесте от 17 октября 1905 года, крторый лживыми обещаниями был направлен на ослабление революции.

Во двор высыпали арестанты, а Котовский, встав так, чтобы заслонить собой волчок, выкрикивал:

- Эге-ей, манифест! Манифест!

Услышав необычный шум, привратник приоткрыл дверь, и в это время Котовский крепко схватил его за горло. Ключи тут же были отняты, ворота открыты, и арестанты выбежали в наружный двор.

И все-таки побег не удался. Причину провала объясняют по-разному. Кто говорит о предательстве двух провокаторов (фамилии их не называются), кто утверждает, что иные нетерпеливые уголовники не стали ждать, пока будут открыты последние ворота тюрьмы, полезли через тюремные стены, а разъезды конной стражи, которые постоянно патрулировали вокруг тюрьмы, обнаружили их. Восстановить истину сейчас, видимо, вряд ли удастся. Но как бы то ни было, подоспевшие на помощь тюремщикам конная и пешая полиция, жандармерия и армейские подразделения схватили почти всех, кто успел бежать, а раненый Котовскай закрылся в одной из камер. У него были револьверы, и жандармы боялись взламывать дверь.

Переговоры вел вице-губернатор Кнолль. Он пообещал выполнить требование Котовского - не истязать заключенных, - и тот выбросил в окно револьверы.

Слово вице-губернатор не сдержал. Началась расправа. Избиения, допросы. Котовского перевезли в специальную камеру, которая у тюремщиков именовалась «железной». Расположена она была в «Больничной» башне на высоте шестиэтажного дома. К этой одиночной камере тюремное начальство приставило постоянного надзирателя, а во дворе, у башни, выставило дополнительный пост…

«Одиночный режим… с прогулкой 15 минут в сутки и полной изоляцией от живого мира. На моих глазах, - писал Г.И. Котовский, - люди от этого режима гибли десятками, и только… решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасли меня от гибели».

31 августа 1906 года во все концы царской империи полетела секретная телеграмма, в которой сообщалось, что из кишиневской тюрьмы бежал опасный политический преступник Григорий Иванович Котовский. Строжайше предписывалось

установить самое бдительное наблюдение, а в случае появления бежавшего немедленно арестовать и препроводить под усиленным конвоем в кишиневскую тюрьму.

Сам Котовский не оставил рассказа о побеге, его соучастники, а без них, конечно, он не мог обойтись, тоже не стремились к саморекламе. В телеграмме от 4 сентября 1906 года губернатор официально сообщил, что побег произошел при следующих обстоятельствах: Котовский проник в коридор из своей камеры, сломав скобы у двери, а из коридора выбрался на чердак башни и оттуда по веревке через окно спустился во внутренний двор тюрьмы. Из второго двора Котовский прошел через ворота, у которых был расположен пост надзирателей, во двор мастерских, откуда при помощи доски, приставленной к ограде, перелез через нее на улицу.

Жандармерия и полиция, шпики и провокаторы подняты на ноги. В Кишиневе, Киеве, Одессе, Унгенах, Могилеве-Подольском - везде велся активный поиск. У домов сестер Котовского выставлены секреты.

Летели телеграммы с грифами «Секретно», «Экстренно», «Циркулярно». Шли ответные рапорты. В одном даже утверждалось, что Котовский в сентябре ночью перебежал через русско-австрийскую границу.

Страницы газет пестрели фантастическими рассказами о неуловимом «атамане», Котовский же находился в Кишиневе в доме № 20 по улице Гончарной у Михаила Ивановича Романова.

Следствие о побеге Котовского поручили вести приставу 2-го участка Хаджи-Коли, человеку хитрому и умному, хорошо знающему свое дело. Ему удалось подкупить эсера Еремчия, и тот поначалу указал лишь район (большего он пока не знал), где скрывался Котовский. После получения таких данных Хаджи-Коли большую часть времени стал проводить в том районе города. И они встретились. Совершенно неожиданно, на Тиобашевской улице.

Оба были поражены, но быстро опомнились. Котовский бросился вверх по улице. «Держи! Стреляй!» - крикнул Хаджи-Коли городовым. Те открыли огонь, Котовскому, однако, удалось скрыться, хотя одна пуля попала в ногу.

Раненый Котовский забежал в квартиру своих знакомых - Прусаковых. Те оказали ему помощь, перебинтовали рану, приютили на несколько дней. Но долго оставаться у гостеприимных хозяев Котовский не стал, считал небезопасным и для себя, и для хозяев. Он вновь вернулся к Михаилу Романову.

Провокатор Еремчий, узнав об этом, дал в руки Хаджи-Коли точный адрес, и дом Михаила Романова оцепили полицейские.

Котовский увидел их, но поздно. Он все же попытался бежать - выпрыгнул из окна во двор соседнего дома и даже перепрыгнул через забор, но наскочил на засаду и снова был ранен. Хаджи-Коли сам защелкнул наручники.

Одиночная камера. Допросы, допросы… Но Котовский на все вопросы отвечать отказался.

Немного оправившись от ран, Григорий Иванович снова готовится к побегу. К началу апреля ему были переданы два браунинга, но об этом прознало тюремное начальство, и побег не удался.

Суд над Г.И. Котовским начался 13 апреля 1907 года. Рядом с руководителем отряда - его боевые товарищи Демянишин, Пушкарев. Зал окружного суда переполнен. Люди хотели увидеть своими глазами тех, кто в течение нескольких месяцев держал в страхе купцов и помещиков всей округи, кто отнимал у богачей деньги и отдавал неимущим, рискуя ради этого своей жизнью.

Симпатии зала были на стороне Котовского. Это признавали даже буржуазные газеты. Нет единства и среди присяжных заседателей. Одни требуют сурового наказания, другие - оправдания.

Конечно, наивно было бы рассчитывать на оправдание. Не для того же так усиленно ловили Котовского, чтобы отпустить после суда. Приговор прозвучал сурово - 10 лет каторги. Но и он показался кишиневским властям слишком мягким. Сразу же после суда дело передали на вторичное рассмотрение.

23 ноября 1907 года. Вновь взбудоражен Кишинев. Председатель суда отдает распоряжение пускать публику в зал заседания только по специальным билетам. И вновь звучит уверенный голос Котовского, который защищает себя сам. Он признает, что освобождал арестованных крестьян, и бросает гневно: «Не вижу, за какие преступления их осудили. Как вы докажете, что лес принадлежит помещику? А он где взял тот лес? Вы заковываете в цепи людей только за то, что они хотели есть и кормить своих детей. Не меня надо судить, а вас!»

Судьи обвиняют Котовского в том, что он принял в свой отряд крестьян, арестованных и конвоированных в тюрьму за якобы уголовные преступления. Григорий Иванович отвергает это: «Лица эти арестованы за аграрные выступления, а не за уголовные».

Приговор был вынесен более суровый - 12 лет каторги.

Из зала суда Котовского доставили не в одиночную камеру, а в общую. К уголовникам. Здесь верх держали знаменитые в Бессарабии бандиты Загари и Рогачев. Они собирали со всех дань,

вели скрытую торговлю табаком, имея на кухне своего человека, разворовывали продукты. Котовский, верный своему принципу, потребовал прекратить произвол, не притеснять слабых и беззащитных. Это подействовало. Загари и Рогачев не посмели открыто возражать Котовскому, потому что авторитет его в тюрьме был высок, к тому же свои требования он вполне мог «подкрепить» силой, которую признавали все и которой побаивались. Но без боя они не собирались сдавать свои позиции. Это хорошо понимал Котовский и был настороже. Увернулся от кипятка, выплеснутого из таза, но сделал вид, что ничего не заметил. Баня не место для драки.

Загари готовился проучить и Котовского, и всех, кто примкнул к нему, - устроить резню во время прогулки. Григорий Иванович, однако, узнал об этом и, конечно же, предупредил своих друзей.

«Разговор» начал Загари. Но Котовский сразу же сильным ударом отбросил его. Когда бандит поднялся, в руке у него сверкнул нож. Загари было кинулся на Котовского, но в это время друг Григорий Меламут ударил бандита булыжником по голове, и тот упал.

Дружки Загари схватились за булыжники. На помощь Котовскому уже спешили друзья.

Крики всполошили тюремщиков. Ворота открылись, и появился начальник тюрьмы Францевич, но тут же торопливо скрылся за спины надзирателей. Он испугался, не задумал ли Котовский новый побег, а все, что происходит во дворе, - искусная прелюдия. Сейчас все они кинутся разоружать охрану, а его, начальника тюрьмы, упрячут связанного в одиночную камеру.

А во дворе продолжала литься кровь. Убит фальшивомонетчик Попу, покалечены многие из бандитов. Но они еще жестоко сопротивляются. Вот убит член отряда Гроссу, а надзиратели трусливо попрятались. В страхе и начальник тюрьмы. Однако он наконец-то отважился сорваться во двор с большой толпой охранников.

Бандиты разбежались, а Котовский шагнул было к начальнику тюрьмы, чтобы объясниться, но тот испуганно попятился. Рассмеявшись, Григорий Иванович отбросил прут и направился в свою камеру.

Вскоре Котовский вновь попытался бежать. Он вместе с анархистами-«белоцерковниками» начал новый подкоп. Их было тридцать анархистов, посаженных по делу о нападении на кишиневскую контору банкира Белоцерковского. Им грозила

смертная казнь. Понимая, что им терять нечего, они были согласны на все. Подкоп начали из камеры политзаключенных в «Крестовой» башне. Сделали уже много, однако нашелся провокатор, и двухмесячный труд оказался напрасным.

Очередная неудача не остановила Котовского. Он начинает вести подкоп из тюремной церкви, ходит ради этого на спевки церковного хора. Одновременно готовит массовый побег заключенных, но тоже неудачно.

Один из политических заключенных, С. Сибиряков, который сидел с Григорием Ивановичем в кишиневской тюрьме более трех лет, вспоминал, что, стоило Котовскому узнать об объявлении политзаключенными тюремной администрации протеста, обструкции или голодовки, он тотчас поднимал всю тюрьму в поддержку. Весь корпус ходуном ходил… Гремели чайниками, бачками, котелками, ломали двери, печи, в ход пускали все, что попадется под руку. И никакие увещевания тюремного начальства, угрозы пустить в ход оружие не помогали.

Тогда начальство сдавалось, обещало удовлетворить требования узников и просило Котовского успокоить тюрьму.

Котовский хорошо знал всех политических. Особенно сблизился он со студентами Суховым, Поповым, Берковым, Андреем Галацаном, которого товарищи называли президентом Комратской республики, и Михаилом Сибировым, тоже одним из организаторов и вдохновителей комратского восстания. Сибиров редактировал выпускаемый политзаключенными рукописный журнал «Голота» («Беднота»). Кстати говоря, в этом журнале была помещена карикатура на Котовского - он делает физзарядку, а кандалы лежат на полу рядом.

Политзаключенные приглашали Котовского на свои конспиративные собрания, давали ему книги и брошюры революционного характера, которые он с интересом прочитывал. В тюрьме Котовский проходил хорошую политическую школу.

Понимали это, видимо, и тюремная администрация, кишиневские власти. Они боялись, что с помощью политзаключенных он в конце концов совершит побег, и постарались избавиться от опасного и беспокойного заключенного - отправили его в николаевскую каторжную тюрьму, сопроводив соответствующими характеристиками. Его посадили в одиночную камеру, а надзиратель при этом предупредил: «В окно не смотри. Убьют». Боялись, что и отсюда он может убежать, поэтому лишали его любой возможности связаться с внешним миром.

Николаевская тюрьма была «образцовой». Двухэтажное здание, побеленное и оттого выглядевшее не так мрачно,

огорожено высоким забором, по углам которого высятся башни часовых. Во дворе сооружены железные клетки для надзирателей, чтобы они могли укрыться в них, если во время прогулки взбунтуются арестанты.

Считалось, что побег из этой тюрьмы совершенно невозможен, что стены надежно крепки, а глаз надзирателей зорок. Все это, как думал Котовский, можно преодолеть, но не одному. А Григорий Иванович даже не знал, кто сидит в соседней камере. Полная изоляция. Тогда Котовский требует бумаги и чернил и пишет о том, как Зильберг и другие продажные полицейские чины помогали ему за взятки.

Все закрутилось, как предполагал Котовский. Сначала пригласили на допрос, но он наотрез отказался давать показания без очных ставок. Иначе, утверждал он, дело может повернуться так, что его обвинят в клевете.

Властям не оставалось ничего делать, как под усиленным конвоем препроводить его в Кишинев. Это произошло зимой 1910 года. Котовский теперь отвечает на все вопросы, называет все новых и новых свидетелей. И вот уже в кишиневскую тюрьму по соизволению Петербурга собраны двадцать свидетелей. Тех, с кем Котовский намеревался устроить очередной побег.

Свидетели подтверждают, что Зильберг брал деньги и вещи, реквизированные группой Котовского у помещиков.

Активным обвинителем Зильберга выступил и пристав Хаджи-Коли. Нет, его не интересовала честь полиции или истина, просто Зильберг был его соперником но службе.

Сохранился любопытный документ в архивах уголовного кассационного департамента - жалоба Зильберга:

«…Я доказал бы фактами, что Хаджи-Коли не только старался раздуть в преступниках чувство злобы против меня непозволительными разоблачениями моих служебных действий против них, но и подкупал их…»

Зильберг утверждал, что Хаджи-Коли подкупил Анну Пушкареву, хозяйку конспиративной квартиры, дав ей швейную машину и пообещав еще 90 рублей, если она будет тверда в своем ложном сговоре. Подговорил якобы Хаджи-Коли и еще одну хозяйку конспиративной квартиры - Людмер, чтобы и она удостоверила знакомство Зильберга с Котовским в период деятельности его шайки. Зильберг, правда, не отрицал того, что часто встречался с Котовским, но что делал это якобы в интересах сыска с ведома и по распоряжению своего начальства - полицмейстера г. Рейхарда и даже губернатора г. Харузина и товарища прокурора г. Фрейнета…

Зильберг доказывал, что в день его ареста - 15 сентября 1908

года - Хаджи-Коли потребовал от агента Пини Меламуда показать на следствии, что не Котовский, а Зильберг был главою разбойничьей шайки и доставлял шайке оружие. Меламуд на следствии подтвердил это.

Конечно же, Хаджи-Коли перестарался. Зильберг не был и не мог быть главой отряда. Его удел - взятки, забота о собственном благополучии. Зильберг продавал и государственные тайны, продал и Котовского, когда стало выгодно это сделать. От фактов не уйдешь. При обыске у Зильберга был найден ковер, принадлежавший помещику Крупенскому, подаренный шахом. Ковер тот у Крупенского реквизировал Котовский.

Много и других очевидных доказательств подтверждало продажность Зильберга, и, как ни пытались бессарабские власти спасти его, он все же сел на скамью подсудимых.

Вместе с ним судили помощника пристава Лемени-Македони и околоточного надзирателя Бабакиянца.

И хотя дело слушалось при закрытых дверях, процесс получил большую огласку, продемонстрировав еще раз гнилость и продажность самодержавного строя.

Чиновники были наказаны. Зильберг получил 4 года каторги. Однако побег, ради которого Котовский начал этот процесс, не удался. Всех свидетелей срочно отправили в их прежние тюрьмы.

4

После завершения суда над Зильбергом Котовского препроводили в Смоленский централ, подальше от друзей, от товарищей по борьбе. Там он просидел до декабря 1910 года в ожидании отправки на каторгу. Потом кандалы на руки и ноги, тщательный обыск - и товарный вагон. Нары достались немногим, остальным пришлось сидеть прямо на полу. А чем дальше в Сибирь, тем холодней. Все больше больных среди арестантов.

Котовскому, привыкшему к теплому югу, и вовсе трудно. Но крепок его организм, закален, не поддается простуде.

Проследовали Иркутск и вскоре остановились на небольшой станции. На дворе пурга. Переждать бы ее, но конвойные выгоняют заключенных из вагонов. Им-то что, они в добрых овчинных полушубках, в валенках. А каково арестантам, одетым не по сезону?

Но приходится подчиняться. Выходит на морозный воздух и Котовский. Становится в колонну. И идет вместе со всеми, звеня кандалами.

Шли они несколько часов, и когда наконец добрались до Александровского централа, им, измученным, продрогшим, камеры пересыльной тюрьмы показались раем.

Александровская центральная каторжная тюрьма считалась пересыльной. Но режим здесь был строгим. В камерах - железные кровати, которые на день откидывались. Узники, а их число здесь достигало более четырех тысяч, днем работали на ткацких станках либо ремесленничали. Норма устанавливалась высокая, а кто не справлялся, получал наказание вплоть до карцера.

Внешне Александровский централ чем-то напоминал Котовскому замок Манук-Бея. Та же прочная, на века, кладка, такие же толстые стены, и даже узорчатые карнизы имели сходство с карнизами замка, только те смягчали угрюмость средневековой архитектуры, а эти словно в насмешку кружевно тянулись по фронтону с четкой надписью «Центральная каторжная тюрьма» и белыми надбровными дугами бугрились над подслеповатыми решетчатыми окошками, подчеркивая мрачность этого знаменитого царского застенка.

День шел за днем. Котовский старался быть рядом с политическими заключенными. Часами слушал их споры (вместе сидели эсеры, меньшевики, большевики, анархисты), стремясь вникнуть в суть разногласий, осмыслить, кто же прав.

Однажды Котовский услышал рассказ о том, что над Александровским централом реяли красные знамена.

Хладнокровно и продуманно действовали политические. Неторопливо подошел староста политического барака Элий Балталон к надзирателю Емельянову и попросил передать записку начальнику тюрьмы. Но только тот перешагнул порог внешних ворот тюрьмы, как из барака выбежали заключенные и быстро забаррикадировали ворота бревнами и досками от разобранной мусорной ямы.

Поднята по тревоге охрана, часовой с вышки открывает огонь, но поздно. Ворота укреплены, а от пуль спасут толстые стены.

Вскоре над воротами взметнулся красный флаг, а немного погодя на трубе бани был поднят еще один. Объявлена «свободная республика». Зазвучали в полный голос революционные песни.

Так в полдень 6 мая 1902 года началось восстание политических заключенных под руководством двадцатичетырехлетнего Феликса Дзержинского. Они требовали объявить им места ссылок (а это нужно было, чтобы заранее выписать газеты, журналы и книги, установить связь с родными и товарищами по борьбе), требовали более гуманного отношения к ссыльным, требовали отдать им полученную на их имена корреспонденцию без предварительной пересылки для просмотра в Иркутск, требовали человеческого обращения со всеми заключенными.

В село Александровское из Иркутска спешит вице-губернатор и помощник Иркутского губернского жандармского управления с вооруженными солдатами. Но не испугались восставшие, не открыли ворота, хотя им грозили суровой расправой, и пришлось представителям власти вести переговоры с республиканцами через крохотное оконце, выходящее во двор уголовных заключенных. Губернские и тюремные власти угрожали, требовали безоговорочного повиновения, восставшие неизменно повторяли свои требования. Вели себя с достоинством. Все переговоры вела выборная тройка.

Революционные флаги развевались над царским застенком до тех пор, пока вице-губернатор не принял все требования «свободной республики».

Слушая рассказ о тех событиях, Котовский невольно сравнивал их с восстанием, которое сам пытался поднять в кишиневской тюрьме и освободить заключенных. Все шло хорошо до тех пор, пока действовала небольшая группа по заранее продуманному и согласованному плану, а как только была выпущена во двор не подготовленная к восстанию толпа арестованных - все усилия пошли насмарку. Предполагал же Котовский, разоружив тюремную охрану, вызвать по телефону в

тюрьму товарища прокурора, полицмейстера, приставов, жандармских чинов, поодиночке арестовать их и запереть в камеры, а затем, вызвав конвойную команду якобы для проведения повального обыска в камерах, разоружить и ее. Получив таким образом в свое распоряжение оружие и форму конвойников, инсценировать отправку большого этапа в Одессу…

Котовский был уверен, что этот план удалось бы осуществить, если бы все арестованные действовали заодно. Этого, однако, не случилось. Разобщенность испортила все дело. Она же дала возможность в дальнейшем тюремщикам выявить организаторов и расправиться с ними.

Здесь же, в Александровском централе, никто не пострадал. Потому что стояли они один за всех, все за одного. В своем докладе представители губернской власти вынуждены были даже признать, что, несмотря на все усилия, руководителей выявить не удалось. Да и как нее могло быть иначе, если за все время восстания политзаключенные были во всем полностью солидарны?!

Много расспрашивал тогда Котовский о Дзержинском, очень хотел встретиться с ним. И не предполагал, что жизнь так распорядится, что ему, комбригу Котовскому, через несколько лет придется выполнять особое поручение председателя ВЧК Дзержинского.

Незаметно летело время в камере политзаключенных, с интересом слушал Котовский рассказы революционеров о себе, о своих товарищах по борьбе. В камере уголовников шли больше «бытовые» разговоры - строились предположения о том, куда направят. В шахты Нерчинской каторги либо на «колесуху». Так заключенные называли строящуюся Амурскую железную дорогу.

В рудниках, как говорили все «бывалые каторжане», намного лучше. И когда при распределении местом каторжных работ определили Горный Зерентуй, Котовскин посчитал, что ему повезло.

Двое суток под привычно-монотонное бряканье кандалов плелись до Иркутска. Там их ждали вагоны с маленькими решетчатыми окнами. А потом торопливый перо-стук колес, непроглядная темень частых и длинных тоннелей, злобный крик часового: «В окна не смотреть!»

Байкала Котовский так и не увидел. Лишь иногда на затяжном повороте глаз выхватит крутой берег с гладкой, отполированной волной галькой, и тут же сердито, с хрипотцой пробасит охранник:

- От окна!

Вся эта дивная красота не для арестантов. Прогромыхали стыками рельсов версты немереные. Но вот наконец и Чита.

- Выходи! - проносится по вагону.

Гремят кандалы, неторопливо сбиваются в неровный длинный строй заключенные, и вскоре серая, с конвоирами по бокам длинная колонна потянулась через весь город в пересыльную тюрьму. Привыкли здесь к кандальному перезвону.

Вновь, как и в Александровском централе, потянулись дни ожидания. Снова Котовский проводит много времени с политическими, вновь слушает споры эсеров, анархистов и большевиков о том, какими путями идти революции. И когда в горячке спора он безапелляционно заявил, что главное в революции - уничтожение всех эксплуататоров, что только револьвер может устранить эксплуататоров, один из большевиков дал ему прочесть статью Ленина «Партизанская война».

Охотно, как и все, что давали ему читать политзаключенные, взял он вырезку из газеты. Суть статьи, как понял ее Котовский, заключалась в том, что марксизм не навязывает революционным массам какой-либо одной канонизированной формы борьбы. Все зависит от конкретных политических, исторических, национально-культурных, бытовых и других условий. Именно они определяют главную и второстепенные формы борьбы. Партизанские действия (и это было особенно близко Котовскому. - Г. А.), утверждала статья, - это вооруженная борьба. Ее рождают конкретные исторические условия, и она становится совершенно неизбежной, когда массовое движение перерастает в восстание.

Вождь большевиков называл ошибочным мнение тех, кто считал, что партизанские действия дезорганизуют и деморализуют политическое движение. Политическое движение лишь тогда будет дезорганизовано партизанскими действиями, утверждал он, если слаба партия, если она не может взять в руки эти действия. Неорганизованность, беспорядочность, беспартийность партизанских действий вредны. И именно партийное руководство придает этому движению главную силу - идейность, организованность, действенность.

Теперь Котовский еще больше уверился в том, что его боевой отряд был нужен революции. И он твердо решил, бежав с каторги, вновь собрать друзей. Еще масштабней, станет действовать, еще организованней, еще смелей.

Но пока об этом он только мог мечтать. Побег без подготовки не совершишь. А когда готовиться, если вновь арестантские вагоны, торопливый перестук колес и окрик охранника:

- От окна!

Выгрузились в Сретенске. И потянулась серая лента мимо небольшого вокзальчика и длинных приземистых бараков к парому через Шилку. А там уже конвоиры оттесняют ожидавших очереди на паром казаков и казачек с подводами, у многих коровы, овцы, собаки. Недовольство, шум и злобные выкрики:

- У! Каторга!

Вот она, опора царская. Верная, надежная. Ибо не только трон оберегает, а и себя, свое вольготное житье. А что они живут безбедно, сразу видно - добротные дома осанисто стоят на левом берегу, дворы большие, крытые. Торговый ряд тоже солидный. Стоит особняком посреди широкой площади. Множество подвод, лошади под седлом, у коновязи. Пестрый люд снует беспрестанно.

А дальше поля. Не убогие клочки, как в Бессарабии либо в России, а неохватные, безбрежные.

За полями строгая щетина тайги. Через нее лежит утрамбованный натруженными ногами каторжников знаменитый тракт до Нер-завода. Невдалеке от него через тайгу, думал Котовский, придется пробираться обратно. Нелегкое предприятие. Но не ждать же окончания срока, не смириться же с судьбой, не превратиться же в услужливого кандальника, «похвальным поведением» вымаливающего сокращения срока. Нет, это не путь борца.

- Заходи! - кричит конвойный, и очередная партия, звякая кандалами, заполняет палубу парома.

Первые шаги по забайкальской земле. А сколько их будет? Трудных, тревожных.

Чем дальше они отходили от Сретенска, тем ниже и реже становилась тайга. Уже не могучие сосны подступали к тракту, карабкавшемуся с сопки на сопку, а тонкоствольные осинки да березки, чахлые сосенки, зато багульник и боярышник стояли на обочинах ветвистые, не задавленные деревьями, но и они километр от километра становились все более убогими - чувствовалась близость Даурской степи, вымороженной, иссеченной метельными ветрами. И станицы, которые встречались по пути, выглядели не так осанисто, и форма у казаков была более помята и поношена, не так ярки сарафаны на казачках, зато добрей взгляд.

Заводы (так называли здесь бараки для ночлега этапов. - Г. А.) сменялись заводами. Около дюжины их на пути. Последний перед Горным Зерентуем - Нер-завод. Большая станица с двухэтажным торговым рядом, с добротными пятистенниками вокруг него и с покосившимися лачугами на окраинах.

Обычные гвалт, толкотня, даже драки из-за лучшего места на

нарах (подальше от двери) - и трудный, в удушливой тесноте сон до рассвета. И снова дорога, однообразно-унылая. Только подъемы стали круче и сопки справа и слева все выше и каменистей, а деревья посолидней. Уже не жалкие тонкоствольные перелески, а настоящий лес с березами и соснами, осанисто разбрасывавшими свои пышные ветки. Начало тайги - немереной, нехоженой.

Вот наконец Горный Зерентуй. Деревушка в три улицы на дне лощины, окруженной горами, в центре церковь. От нее веером по косогору раскинулись домишки. И сразу же за огородами - березняк, боярышник, осинник, ерник и черемуховые заросли. Остановиться бы, вдохнуть полной грудью дурманящий аромат черемухи, полюбоваться багульником, словно сотканным из розовых кружев, послушать, замерев, заливистый звон жаворонков, пересвист и щебет щеглов, чечеток и других пичуг, но иной звон отдается в душе - кандальный, иное видится - высокая каменная ограда у подножия высокой горы, сторожевые вышки по углам; а по косогору, сразу за тюремной стеной, - кладбище. Последний приют не доживших до свободы арестантов.

Кому из этих вот угрюмо шагающих к воротам каторжной тюрьмы уготовлены здесь кусочки забайкальской землицы?

Как и во всех тюрьмах царской империи, здесь шла непримиримая борьба между уголовниками и политическими. Долгое время верх держали уголовники, но после 1905 года, когда политических заключенных прибавилось, они стали хозяевами положения. И хотя среди политзаключенных были эсеры, анархисты, меньшевики, большевики, держались они вместе. По инициативе большевиков, которых было сравнительно немного, но которые пользовались авторитетом, создали тюремную коммунию с общим фондом, пополнявшимся за счет помощи от родных, знакомых, от товарищей по партии.

Но единый правовой статус политзаключенных не подразумевал единства взглядов всех партий на роль трудящихся масс в революции, на пути борьбы с царским самодержавием, во многом они оставались различными. Особенно противоположным было отношение к роли крестьянства в революции.

Меньшевики твердо стояли за решения Женевской конференции, а также резолюции II съезда украинской революционной партии и считали, что борьба крестьян с помещиками есть борьба мелких буржуа с крупными и следует поэтому решительно выступать против захвата крестьянами помещичьих земель и не поддерживать крестьянские

выступления.

Котовскому близки и понятны были позиции большевиков, считавших, что основным лозунгом в крестьянском вопросе является конфискация помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель и организация крестьянских комитетов как революционных органов в деревне. Большевики были горячими сторонниками резолюции III съезда партии «Об отношении к крестьянскому движению», в которой говорилось об огромной пользе политических демонстраций в деревне, коллективного отказа от платежа податей и налогов, от исполнения воинских повинностей и постановлений правительства. Нужно делать все возможное, считали большевики, чтобы сельский пролетариат и пролетариат городской шел в едином революционном строю под знаменем социал-демократической партии.

Разделял Котовский взгляды большевиков на значение Декабрьского вооруженного восстания. Меньшевики выступали вообще против восстания. Большевики отстаивали точку зрения Ленина - напротив, нужно более решительно и энергично браться за оружие.

В тюремных застенках Котовский проходил свои революционные университеты. Котовский каждый раз, побывав у политических, с неохотой возвращался в свою камеру к уголовникам. Здесь была совершенно иная обстановка - грязь, карты, площадная брань и воровские песни. Котовского, правда, не трогали - побаивались. Он много читал, делал гимнастику, закалял свой дух и тело. «Будущее принадлежит сильным», - часто говаривал он. Мысль о побеге не оставляла его.

Одним из очередных планов побега он поделился с политзаключенным Азаровым.

…Заранее подготовленные боевики разоружают надзирателей и внутреннюю охрану, затем следует арест администрации Нерчинской каторжной тюрьмы и разоружение всей охраны. Часть восставших берет под охрану дороги, другая часть освобождает арестованных из всех тюрем Нерчинской каторги, а вслед за тем и всего Забайкалья.

Однако Азаров отверг этот план Котовского как совершенно неприемлемый.

- Он не нов, - объявил Азаров Григорию Ивановичу. - Более восьмидесяти лет назад поручик Суханов, декабрист, пытался сделать примерно то же самое. Кто-то из уголовников выдал его. Двадцать человек были приговорены к смерти. Суханов повесился. Без поддержки народа, без поддержки беднейшего казачества в условиях Забайкалья этот план обречен.

После многих поисков родился новый план. Приступить к его выполнению, не вызывая подозрений, помог такой случай.

В Горный Зерентуй приехал чиновник из Петербурга. Начав обход камер, он решил поиграть в демократию.

- Здравствуйте, братцы.

Политзаключенные молчали. Промолчал и Котовский, который как раз был здесь. Чиновник оскорбился. За непочтение к высокому гостю всем по десять суток. А Котовскому пятнадцать.

Словно подменили Григория Ивановича после карцера, будто понял в конце концов, что плетью обуха не перешибешь. Молчаливым стал, совсем редко заходил в камеру политзаключенных, зато не пропускал ни одной службы в церкви. И конечно же, каторжный поп, отец Никодим, приметил усердного прихожанина и принялся изо всех сил «спасать душу заблудшего», подолгу беседовал с Григорием, советовал - замаливай грехи и уповай на господа бога. Правда, нередко такие беседы заканчивались тем, что отец Никодим пропускал не единожды по единой, закусывая просвирами, и тогда Котовский оставлял его, засыпавшего во хмелю, на попечение божие.

Но вот после очередной такой «беседы», когда поп заснул особенно крепко, Котовский переоделся в его одежду и неспешно вышел из церкви.

Никого не удивило, что батюшка навеселе.

Вот он, пошатываясь, миновал уже проходную. Свобода. Скорей подальше от ненавистной тюрьмы, в ерник, а оттуда дальше - в тайгу. Но… как часто бывает, случилось непредвиденное. Котовский-батюшка поздно заметил начальника тюрьмы с надзирателем, которым надо же было именно в это время появиться здесь.

Тут же последовала расплата - кандалы и карцер.

С каким наслаждением, когда вывели его из карцера, вдохнул он холодный, но уже пахнущий весной воздух. И едва не упал. Голова закружилась, непослушно-ватными стали ноги. Справился с головокружением, устоял на ногах, но слабость так и не проходила. А впереди лежал долгий путь. В окружении конвоя по еще снежной, но уже подтаявшей и разбитой дороге он двинулся на Каза-ковские прииски. Краюха хлеба и кусок сала, переданные ему политзаключенными, лишь немного восстановили силы.

Тюремщики много потрудились над тем, чтобы Котовский в пути не мог даже думать о побеге. Собирая слабеющие силы, мечтал об одном - удержаться, выдюжить до конца, не упасть посреди дороги. Дойдя до очередного завода, валился почти без сознания. А утром поднимался с превеликим трудом.

Одолел все же многодневный путь. Ввалился в барак,

набитый каторжанами, удушливо-вонючий. А рано поутру (так коротка показалась ночь!) скрипуче распахнулась дверь и грубый голос надзирателя известил:

- На работу!

Потянулись безрадостные сутки. Однообразно-тяжелые. Короткий сон и вновь шахта. Сырая, тесная. Кайлить золотоносную породу приходилось лежа. Грузить ее на тачку - согнувшись в три погибели. И только тогда распрямляешься, когда толкаешь тачку по шатким мосткам к главному стволу. Пересыпал там породу в бадью, посмотрел, как ее потянули вверх, и снова возвращайся к кайле, мостить поудобней в узкой щели. Да не трать на это много времени, ибо, если выполнишь норму, получишь фунт мяса и четыре фунта хлеба, не выполнишь - пустую баланду с куском хлеба.

Котовский выполнял норму постоянно, о побеге даже не было времени думать. Казалось, он начинает превращаться в примерного каторжника. Его даже начальство похваливало за трудолюбие и старательность. Однако стоило только тюремщикам набавить норму выработки, он тут же организовал забастовку.

Разгневанное начальство засадило Котовского в карцер, а затем постаралось избавиться от смутьяна - вернуло его в Горный Зерентуй.

Обратный путь был легче. Август еще хранил летнее тепло. Шагать, вдыхая пахнущий переспелой черемухой воздух, было приятно. Если бы не тучи комаров, можно вот так идти и идти, отдыхая душой и телом, все дальше и дальше от страшной золотоносной шахты. Даже на надоедливое позвякивание кандалов можно не обращать внимания.

Поднимало настроение и то, что вновь встретится он со своими друзьями, которые в трудную минуту поддержали его, написав записку: «Мужайся! Мы с тобой!» - и передали хлеб с салом. Там можно снова готовить побег. Политические помогут и словом и делом.

Как только Котовского приконвоировали в горнозерентуйскую тюрьму, администрация тут же предложила ему опасную работу - исследовать возможность восстановления заброшенной серебряно-свинцовой шахты.

Понимал Григорий Иванович, что уповают тюремщики на случай - вдруг завалит. Верно, риск большой. Там уже погиб не один каторжанин. Но, однако, согласился. Его устраивали и усиленное питание, и то, что при спуске в шахту снимают кандалы, и, главное, удаленность заброшенной шахты от тюрьмы

(пять или шесть километров), а что касается риска, так разве же он не рисковал и прежде?

Сопровождали к шахте двое конвойных. Настороженность их и недоверие Котовский постепенно усыплял прилежным исполнением всех требований. И вот, когда стражники уверились, что имеют дело с человеком, у которого больше уже нет намерения бежать, он начал действовать. Спустился, как обычно, в шахту, но вскоре, притворившись больным, попросился наверх. Конвойные поверили уловке, подняв его, дали «отлежаться» у костра, а когда один из них собрался было надеть на Котовского кандалы, тот сильным ударом оглушил конвойного. Такой же удар обрушился на голову и второго.

У стражников он взял винтовку и полушубок, чтобы ложно было хотя бы первые дни заходить в станицы, не вызывая подозрений. Но расчет его на то, что тюрьмы, заводы и станицы не так вот сразу получат уведомление о его побеге, оказался ошибочным. Он уходил все дальше и дальше от горнозерентуйской тюрьмы, наслаждаясь свободой, и не предполагал, что подняты уже на ноги десятки стражников, казаки, а каждый его заход в любую станицу им известен. Они идут по его следу, выжидая удобного момента для захвата.

И дождались. Навалились на спящего. Заковали в кандалы. Котовский даже не успел как следует опомниться, не то чтобы оказать сопротивление.

Обратный путь в окружении усиленной охраны через те же станицы, в которые он заходил за продуктами. Потом тюремные ворота - и карцер. А через две недели сообщили ему, что он будет переведен на строительство Амурской железной дороги, на ту самую «колесуху», о которой слышал много ужасов еще в Александровском централе.

И вновь дорога. Длиною в десять суток. Через глухую тайгу, в пересыльную тюрьму на станции Угрюм.

Тюрьма была небольшой. Дворик, окруженный невысоким частоколом, а в центре добротно срубленный одноэтажный барак. Сбежать отсюда нетрудно, вот только как избавиться от кандалов? С ними же далеко не уйдешь. Видимо, на это и рассчитывала администрация каторги, построившая такую несерьезную тюрьму.

Но еще более «несерьезная» тюрьма ждала Котовского на станции Зилово. Арестованные жили в землянках и даже в палатках. Поместили в палатку и Котовского, указав ему место на нарах, устланных гнилой соломой. Никаких каменных стен. Только тайга вокруг.

Отсутствие привычных тюремных вышек рождало у каторжников мысли о побеге. И естественно, о побегах говорили много, особенно новенькие. Но постепенно остывал их пыл, когда они узнавали, что никому еще не удавалось благополучно вырваться на свободу. Бежать пытались многие, но все до одного либо бывали схвачены, либо погибали, закрутившись в тайге. Котовский, однако, слушая печальные рассказы о неудавшихся побегах, приходил к обратному выводу: бежать можно. Только нужно хорошо приготовиться. Непременно раздобыть не только продукты и деньги, но и компас и спички.

И он начал готовиться. Пустил в ход свой проверенный, действовавший без осечки прием - добросовестный труд. Не было случая, чтобы он не выполнил нормы, весьма немалой. Артель из десяти человек обязана была за день свалить 15 деревьев, очистить их от веток и сложить бревна в штабеля. Все приходилось делать вручную. Единственный помощник - вага. Котовский работал за троих и старался быть дисциплинированным. Лишь один раз сорвался, когда конвойный кинулся с кулаками на обессилевшего пожилого простуженного каторжника. Запустил в конвойного лопатой. И получил за это 10 суток карцера - холодного погреба.

Начался 1913 год. Год 300-летия царствования дома Романовых. «Колесуха» жила ожиданием амнистии. Из рук в руки передавалась петербургская «Русская молва» с посулами об освобождении заключенных. Но все мечтательные пересуды соседей по нарам не трогали Котовского. Он ждал весны, готовил свободу себе сам. И спичками уже обзавелся, и пилкой, и компасом.

Медленно спадают морозы, неспешно отступает зима, но он не стал ждать, пока отогреются иззябшие за студеную зиму деревья, зардеет багульник, поднимется на полянах трава. Он считал, что именно сейчас, когда, по мнению охраны, побег в морозный ветреный февраль - дело безумное, нужно бежать. И Котовский стал переносить в тайгу, к месту работы, все припасенное для побега, прятал под корневищами старого дерева, что росло за огромным валуном. Тайком, чтобы никто не видел и не знал, даже соседи по нарам, подпилил кандалы. Надрезы замаскировал.

Наконец все готово. Во время работы зашел за валун, переломил кандалы и, прихватив мешок, побежал, огибая деревья.

Конвойные открыли стрельбу, но, к счастью, ни одна пуля не задела Котовского. Вскоре его надежно укрыла тайга.

Телеграф срочно разносил по Забайкалью весть о побеге 27

февраля 1913 года ссыльнокаторжного из мещан города Балты Подольской губернии, высокого роста, русоволосого, с рыжеватыми усами. Полицейским повелевалось той телеграммой обязательно беглеца арестовать и препроводить в распоряжение начальника команды арестантских работ Амурской железной дороги. Вскоре все дороги патрулировались, все станции и деревни держались под наблюдением, на железнодорожных станциях и полустанках дежурили усиленные наряды. У каждого из них - литографический оттиск портрета Котовского.

Но на сей раз Григорий Иванович не рисковал. Он обходил стороной все населенные пункты и, чтобы не наскочить на засаду, пробирался сквозь глухие чащобы, а если встречалась дорога, уходил от нее подальше. Он был уже научен горьким опытом прежнего неудавшегося побега. С упрямством одержимого брел и брел он вперед, подавляя робость и чувство беспомощности, затерянности в этой глухомани.

Какое мужество нужно, чтобы не отчаяться и не подойти хоть совсем нанемного к селению, увидеть человеческое жилье и убедиться воочию, что не один ты на всем белом свете?!

Уменьшались с каждым днем порции уже совершенно зачерствевшего хлеба. Но вот хлеб закончился совсем. А в тайге не осень, когда много голубики, когда гриб любой, на выбор. А снег стылый не еда. И вот силы с каждым днем тают, идти становится все трудней, но Котовский шел уже совершенно обессилевший. Не погибать же здесь, в этом простуженном безмолвии.

Побег, совершенный Григорием Ивановичем Котовским, фантастический. Осуществить его без посторонней помощи совершенно невозможно. Григорию Ивановичу повезло. Попал он на глаза не полицейскому патрулю, а рабочему человеку, путевому обходчику, который приютил его. Потом, выдав его за родственника, посадил на поезд.

Где же взял путевой обходчик документы для Котовского? Вполне можно предположить, что они были припасены заранее. Ведь известно, что по заданию партии в Сибири жили и работали на самых различных должностях люди, задача которых сводилась к тому, чтобы помогать политическим заключенным бежать с каторги, пробиваться сквозь все заслоны, которые царские ищейки понатыкали на единственной железной дороге, соединяющей Сибирь с центром России.

В воспоминаниях тех, кто знал Котовского, кто боролся с ним бок о бок, встречаются утверждения, что в Благовещенске Котовский имел и адреса и явки. Возникают естественные

вопросы, кто дал эти адреса? И только ли в Благовещенске? Увы, определенного ответа на эти вопросы пока найти нет возможности, хотя вполне понятно, что без явок и связей не удалось бы Котовскому долго скрываться от полиции.

В Кишинев Котовский прибыл примерно через год. Пешком он просто бы не осилил эти тысячи верст. А ехать по железной дороге без поддельного паспорта, без приличной одежды и, наконец, без денег просто невозможно, ведь секретный циркуляр о поимке Котовского был разослан во все концы царской империи.

И путь Григория Ивановича не сразу лежал в Бессарабию. Вначале он работал в Балашове на строительстве мельницы. Как-то в воскресный день пошел в иллюзион и случайно столкнулся с приказчиком кишиневского купца Стыкулова. Григорий Иванович немедленно покинул город, не взял даже документы у подрядчика. Значит, где-то он мог получить новые, на другую фамилию. Без паспорта до своей родины, до Кишинева, Котовский не добрался бы.

5

Отряд уже собрался в назначенный час. Как близки и дороги Котовскому эти мужественные люди - Игнатий Пушкарев, уже познавший горькую каторгу, Федор Стригунов, молодой рабочий парень, сын матроса с мятежного крейсера «Очаков». Не все еще испытаны в борьбе, но каждый из них сознательно взял в руки оружие, чтобы открыто бросить вызов ненавистным эксплуататорам.

Не так-то легко было создать новый отряд. Действовать приходилось осторожно, Котовский знал - в Бессарабии жандармы и полицейские ищут его. Хаджи-Коли, отстраненный от должности в связи с делом Зильберга в 1908 году и избежавший суда лишь благодаря влиятельному шурину, товарищу министра юстиции Люце, сейчас был приглашен в Кишинев и получил должность уездного исправника. Один неосторожный шаг, и желанная свобода обернется новой суровой каторгой.

Но первые трудные шаги сделаны. Отряд готов к своему боевому крещению. Ему предстоит заглянуть в гости к Назарову, побывать в конторе винокуренного завода у арендатора Фукельмана.

Прежде Назаров сумел избежать встречи с отрядом Котовского, и теперь свою первую боевую операцию отрядовцы решили начать именно с Назарова. К ней готовились тщательно. Продумали все детали. В Ганчешты на разведку был послан Степан Руснак. Котовского интересовало, живут ли в Ганчештах друзья детства, на которых можно положиться. И конечно же, хотел знать, живы ли сестры - Софья и Елена.

Степан Руснак вернулся с доброй вестью: сестры в Ганчештах. Здоровы. Остались и школьные товарищи. Один из них, Михаил Попеску, служит в церкви псаломщиком.

«Вот к нему и пойду, - решил Котовский. - И продуктами поможет, и о Назарове все расскажет».

Так и поступил. Обрядившись стариком, пошел ночью в Ганчешты.

Не ошибся Григорий Иванович в выборе. Михаил Попеску встретил его по-дружески, рассказал все, что знал о Назарове и Фукельмане, и снабдил отряд продуктами.

Дважды побывал Григорий Иванович у своего друга, чтобы получить нужные сведения. К сестрам же и на сей раз не наведался. А как хотелось повидать близких, обрадовать их, мол, жив и здоров. Но рисковать опасно, отложил встречу на будущее. Знал, что за домом наверняка ведется наблюдение. Если даже

удастся обмануть сыщиков теперь, то после налета на завод и имение полиция и жандармерия понаедут сюда и уж что-что, а в первую очередь станут дознаваться, был ли он у сестер…

- Не пора ли? - спросил Пушкарев, прервав раздумья Григория Ивановича.

- Пора. Тронулись.

Отряд разделился на две группы. Одна направилась к заводу, другая - к замку Манук-Бея. Эту группу повел Котовский.

Вот он, парадный подъезд. Сюда приводила Гришу сестра к влиятельному и богатому князю за милостыней. Как это было давно!

- Связать кучера - и в кусты его, - приказывает Котовский.

Дремавший кучер Назарова не сразу сообразил, что происходит, и этим воспользовались котовцы. Кляп - в рот, руки - за спину. Не прошло и минуты, а связанный кучер уложен за густой живой изгородью. На козлы взобрался Игнатий Пушкарев.

На второй этаж вошли без лишнего шума.

Назаров узнал Котовского сразу, хотя вошедшие были в масках. Узнал по тому, как уверенно тот открыл дверь, решительно подошел к столу и, слегка заикаясь, потребовал:

- Деньги на стол!

Знал Назаров, что в детстве Котовский падал с заводской крыши, после чего был долго прикован к постели и не мог поначалу вовсе говорить. Не прошло бесследно то падение. Хотя речь постепенно и вернулась, но осталось заикание. Оно было особенно заметным, когда Григорий Иванович волновался. И хотя Котовский старался говорить без заикания, пересилить недуг этот удавалось ему не всегда. Вот и сейчас не смог он справиться с речью. Волновался.

Назаров перепуган. Перед ним беглый каторжник, которого ищет полиция. Добра от этой встречи не жди. Но вида не показывает, что узнал Григория Ивановича. Вынимает из кармана кошелек и протягивает его…

- Именем революционного народа!

В голосе металл, едва скрываемая ярость. Назаров уже не может подавить испуга, торопливо открывает сейф.

Его не связали. Ему не заткнули кляпом рот. Просто Котовский предупредил, чтоб раньше чем через полчаса не выходил из кабинета. Назаров ослушаться побоялся.

Вскоре вернулась группа от арендатора винокуренного завода тоже с доброй добычей, и весь отряд Котовского успел отъехать далеко, прежде чем прибыл вызванный в Ганчешты Хаджи-Коли с конным отрядом для облав в Ганчештах.

15 апреля 1914 года «Бессарабская жизнь» с издевкой писала

о том, как ганчештский становой пристав, узнав, что в ганчештском лесу скрывается Котовский, в ночь на 14 апреля провел облаву в лесу. В облаве, кроме всего состава стражников, участвовало большое количество собранных из соседних сел и деревень крестьян. Она продолжалась несколько часов, но задержать так никого не удалось.

Пресса говорила о «беглом каторжнике», полиция, разыскивая Котовского, блокировала дороги, под усиленным наблюдением оставались дома сестер, дома всех, с кем был дружен или знаком Григорий Иванович, но все безуспешно. Никакие меры не могли помешать дружине Котовского действовать дерзко. Иной раз даже слишком.

7 мая 1914 года по инициативе благотворительного общества в Кишиневе намечено было провести «День синего цветка» - день пожертвований в пользу сирот. Газеты еще накануне умиленно взывали: «7 мая дети-сиротки ждут вашей помощи!», «Если у вас живо сострадание к ближнему, вы обязаны 7 мая купить синий цветок».

Утром курсистки, гимназисты и студенты вышли на улицы Кишинева с кружками и букетиками синих цветов. Все выглядело пристойно. Прихожане не подавали милостыню, а покупали цветы. Кто победней, платил, естественно, более щедро, богатые скаредничали. А иные и вовсе отказывались покупать цветы.

Об одном из таких скряг случайно узнал Котовский. Одетый франтом, он пришел прямо в благотворительное общество, чтобы пожертвовать большую сумму сиротам. Услышав жалобу на купца первой гильдии, не заплатившего ни копейки за синий цветок, откликнулся немедленно: «Я вам помогу».

В ту минуту он не думал о том, насколько рискован этот его шаг.

Он действительно помог. Поехал к купцу и, назвав свое имя, прикрепил к лацкану купеческого пиджака цветок. Перепуганный купец сунул в кружку пачку крупных купюр.

О том поступке много говорили. Смелостью и благородством Котовского восхищались.

Ходили слухи, будто Котовский способен перевоплощаться настолько, что никто его не может узнать. А он и в самом деле искусно гримировался, умел подражать нищим старцам, галантным щеголям и богатым воротилам. В Кишиневском театре его не сразу узнал директор Кокорозенского сельскохозяйственного училища.

«В антракте, - вспоминал И.Г. Киркоров, - ко мне подошел господин в цилиндре с окладистой черной бородой. «Иосиф Григорьевич, - говорит мне тихо, - я ваш ученик Гриша». Я

обомлел. Сколько смелости и изобретательности».

Сам Котовский, однако, хорошо понимал, что и смелость и изобретательность выручают до поры до времени. Дворники и полицейские весьма пристально присматриваются к новым жильцам. И он решает легализоваться. Выправляет паспорт на имя поселянина Рудковского и устраивается на кирпично-черепичный завод. И сразу почувствовал, что сделал верный шаг. Теперь он мог не только более спокойно готовить очередную операцию отряда, но и привлекать к борьбе наиболее революционно настроенных рабочих. С началом первой мировой войны в газетах напечатали изложение приказа главнокомандующего Юго-Западного фронта генерал-адъютанта Иванова о введении в Бессарабии и ряде других губерний военного положения. Это означало усиление полицейского режима с неограниченной властью главнокомандующего, введение военно-полевых судов.

Теперь в случае провала Котовского и его товарищей ждала уже не каторга, а виселица или расстрел.

Неспокойное было то время. Многие, считавшие себя до этого революционерами, дрогнули. Иных захватил шовинистический угар, иные испугались возможной жестокой кары. Котовский же остался верен благородному и опасному делу революционной борьбы. И его бесстрашные боевые друзья не изменили ему.

Вскоре после начала войны кирпично-черепичный завод, работа на котором позволяла Котовскому легально жить, закрылся, и Григорию Ивановичу пришлось вновь искать работу. На этот раз он облюбовал молотилку и устроился поначалу поденщиком, а затем хозяин перевел его как усердного и понимающего толк в технике помощником машиниста.

В свободное время этот старательный и умелый рабочий тщательно готовил очередную операцию.

Особенно много хлопот полиции и жандармерии доставило смелое нападение на бендерское казначейство. Бессарабское начальство вынуждено было запросить из Одессы опытного сыщика Лопатина. Полиция активизирует поиск. Котовский решает затаиться на время, но узнает, что в Бендерах на запасном пути стоит арестантский вагон, в котором ждут отправки в одесскую тюрьму «долгосрочники», «вечники» и даже «смертники». Вагон этот должен быть прицеплен к утреннему поезду Унгены - Одесса.

Всего несколько часов времени для подготовки операции, и тем не менее Котозский проводит ее блестяще.

До прихода поезда остается около часа, и тут к арестантскому вагону подходит железнодорожник, вызывает

начальника караула и передает приказ коменданта явиться к нему. Начальник караула поспешил на станцию, а к вагону в это время подходит конвой с новой партией арестованных. Конвой возглавляет офицер. Он требует принять арестованных, но как только открывается дверь вагона, туда врываются котовцы, игравшие роль и конвойных и арестованных.

Караул разоружен. Политзаключенные освобождены.

Всех арестованных развезли на подводах по заранее известным адресам. А ведь освобожденных было около шестидесяти. Сколько нужно повозок? Сколько конспиративных квартир? Под силу ли такое хотя и боевому, но все же небольшому отряду?

Думается, операцию в марте 1915 года по освобождению политических заключенных Котовский провел по поручению партийного комитета и с его помощью. Операция эта, как и вся его трудная и опасная революционная работа, была конкретным боевым заданием.

В урочный час Котовский, как всегда, в имении. Удобная, хорошая маскировка. Однако недолго проработал здесь Григорий Иванович. Его узнала приехавшая к хозяину племянница. Пришлось скрываться и сменить паспорт. Без него нельзя. Бессарабия на военном положении, проверить документы могут в любое время и в любом месте. А попади в полицейский участок как беспаспортный - сразу опознают.

Без работы тоже нельзя. Дворники враз оповестят полицию о «подозрительном типе». Котовский нанимается на поденную работу к землевладельцу Краусту. Работа от зари до зари не только изматывает силы, но и лишает возможности руководить отрядом, и Котовский бросает её. Переходит полностью на нелегальное положение. Очень опасно, зато налеты отряда становятся смелее и планомерней.

Губернатор, уже не надеясь на полицию и жандармов, обращается за помощью к военным властям. Опасность ареста увеличивается, и Котовский временно переводит отряд в Тирасполь, а затем в Одессу. Число боевых дел отряда растет. В центре внимания те, кто войну превратил в средство обогащения, кто наживался на военных поставках. Подвергались нападению отряда мировой судья Черкас, богачи Блюмберг, Гробдрух, Атанасиу, Сокальский, Финкелынтейн и другие. Котовцы «навестили» Леона Бродовского, предавшего еще в 1907 году товарищей но партии. Организовывать налеты котовцам помогали одесские революционеры.

Операции, кстати, еще раз подтверждают то, что

вооруженный отряд Котовского, меняя места своих боевых Действий, сразу налаживал связи с местными партийными комитетами и действовал по их заданию и с их участием.

Одесса взволнована. Город полон невероятными слухами, будто многочисленный отряд Котовского готовит новые нападения. Полиция подняла на ноги всю агентуру на поимку отряда. «Одесский листок» даже утверждал, что полиция Южного края теперь занята только поисками Котовского.

В Одессе, Балте, Тирасполе, Бендерах, Кишиневе, Измаиле, в Ганчештах - всюду крупные отряды полиции и жандармерии проводили облавы и обыски, а отряд Котовского продолжал свои дерзкие налеты. Котовский жил в эти дни в Одессе в гостинице «Бессарабия» на Екатерининской улице.

Но вот первый провал. Из Тирасполя Арон Кицис привез печальную весть: арестованы Михаил Афанасьев, Михаил Ивченко, Исаак Ротгейзер.

Котовский покидает Одессу. На следующий день Арона Кициса арестовали.

Полиция нанесла несколько тяжелых ударов отряду. -Облавы и обыски участились во всех городах Бессарабии, находиться на нелегальном положении становилось все опасней. Котовский принимает решение - часть из оставшихся товарищей снабдить «белыми билетами» (так назывались документы, освобождающие от воинской службы по состоянию здоровья) и новыми паспортами, другую часть легализовать. Сам он устроился ключником к помещику Стаматову в Бендерском уезде, имея паспорт на имя мещанина Ивана Ромашкана. Усердием в работе обратил на себя внимание хозяина, и тот вскоре возложил на него обязанности управляющего. Григорий Иванович, воспользовавшись этим, принял многих своих боевых друзей в имение рабочими, конюхами, кучерами, объездчиками.

На какое-то время отряд притаился, чтобы сбить с толку полицию. Но Котовский не прекратил борьбы.

Обстановка в тот период на фронте складывалась не в пользу русской армии. Кайзеровские войска теснили ее и под Кишиневом, под Бендерами. Вокруг многих бессарабских городов, ставших прифронтовыми, рылись окопы. Оборонительная полоса, которую готовили заранее, проходила и по земле помещика Стаматова. Согнаны были туда и военнопленные, и крестьяне окрестных деревень. Ужасные бытовые условия, недоедание, изнурительный труд изматывали людей, и управляющий Ромашкан-Котовский наладил доставку на рытье окопов фруктов, овощей и воды. Часто наведывался и сам.

Позже в своей биографии Григорий Иванович напишет: «Веду

агитаторскую и пропагандистскую работу среди рабочих, которые состояли из пленных австровенгерцев, солдат русской старой армии больших возрастов и деревенской бедноты окружающих сел, которых работает в этом имении свыше трех тысяч человек, а также между частями саперов, рывших окопы на территории имения».

Результаты той агитации стали сказываться быстро - случаи побегов с принудительных работ участились.

Исподволь готовил Котовский отряд к новым боевым делам. И вскоре они начались: 28 мая 1916 года в Бардарском лесу отряд изъял у купцов Левита и Кимельфельда крупную сумму денег. 17 июня на ганчештской дороге богатые купцы Гершенгольд и Ницканер также вынуждены были раскошелиться.

Всполошились полицейские. Газетные полосы запестрели броскими заголовками и сообщениями о новых налетах Котовского. «Голос Кишинева» писал, что «после долгого перерыва атаман разбойничьей шайки Григорий Котовский снова появился у нас и принялся за вооруженные грабежи».

Пойти бы в редакцию, как делал он прежде, заставить дать опровержение, что не грабитель он, а экспроприатор, возвращает награбленное истинным хозяевам, да время теперь иное. Слишком уж рискованно. По всей Бессарабии разосланы пакеты с фотографиями в профиль и анфас, сообщались подробные сведения о нем: окончил Кокорозенское сельскохозяйственное училище, прекрасно говорит по-русски, молдавски, еврейски, равно может объясняться и на немецком языке. Полицейские и сыскные агенты предупреждались, что беглый каторжник может выдавать себя за управляющего имением, машиниста или помощника машиниста, садовника, представителя какой-нибудь фирмы или предприятия, представителя по заготовке продуктов для армии, барышника. Кроме того, кишиневский полицмейстер С. Славинский разослал предупреждения, что лица, скрывающие Котовского, как соучастники его преступной деятельности будут переданы военно-полевому суду. Тому же, кто поможет задержать Котовского, полицмейстер обещал щедрую награду - 2000 рублей.

23 июня сообщение о вознаграждении за поимку Котовского и его фотографию поместила и газета «Голос Кишинева».

Надеялись, что найдется предатель, польстившийся на столь крупную сумму. И такой предатель нашелся. На следующий день после выхода «Голоса Кишинева» в полицейское управление поступил донос о том, что управляющий помещика Стаматова Иван Николаевич Ромашкан, проживающий в Бендерском уезде на хуторе имения «Кайнары», и есть Г.И. Котовский.

События дальше развивались спешно. Тут же было получено у

вице-губернатора Арсеньева разрешение на арест. Сформированный отряд полицейских во главе с кишиневским полицмейстером Славинским и Хаджи-Коли в машине выехал в Бендерский уезд. Все делалось быстро и тайно. О готовящемся аресте осведомлены были очень немногие, остальным же участникам операции сказали о цели столь спешной поездки лишь тогда, когда отряд прибыл в имение помещика Недова, соседа Стаматова. Котовского на сей раз никто не смог предупредить. - Ничего не подозревая, он утром, как всегда после физзарядки, начал утренний объезд полей. Распределял на работу поденщиков, делил сено, которое крестьяне исполу накосили на помещичьих лугах, и лишь к 12 часам вернулся в имение. Не знал, что уже каждый его шаг находится под наблюдением полицейских

Переодетые в крестьян, ждали они его в экономии. Им было приказано, начав переговоры о найме на поденную работу, выбрать удобный момент и схватить Котовского. Но они поторопились. Григорий Иванович еще не успел слезть с коня, как крестьяне-полицейские подошли к нему и стали проситься на поденную работу. Странным показалось Котовскому, что необычно смелы косари-поденщики. Обычно те вели себя робко, подходили лишь тогда, когда видели, что на них обратили внимание. А эти сразу наседают. И одежда словно с чужого плеча. Косы держат, словно обузу. Не так ловко и любовно, как крестьяне. Да и сапоги из-под крестьянских брюк выглядывают добротные, казенные.

«Пронюхали ищейки!» - с досадой подумал Котовский и, круто развернув лошадь, хлестнул ее.

Скакал и оглядывался, не видна ли погоня. Но дорога пуста. Никого нет на ней. С недоумением перевел он лошадь поначалу на рысь, а затем и на шаг. Вывод напрашивался один: раз нет погони, значит, он на сей раз ошибся. Поразмыслив немного, Котовский повернул коня.

В то самое время, когда Котовский неспешно возвращался в экономию, в имении Недова, где остановились под предлогом маскировки Славинский и Хаджи-Коли, седлали лошадей. Опростоволосившиеся «косари» примчались туда и сообщили о своем провале, и взбешенный полицмейстер решил сам возглавить погоню. Вскоре конный отряд полицейских наметом понесся к экономии.

Котовский и полицейские встретились неожиданно. Круто повернув коня, Григорий Иванович набрал повод, и послушный добрый конь сразу же взял в галоп. Преследователи вскоре поотстали, но с каждой верстой бег лошади Котовского

становился все тяжелей и медленней. Она устала. А под полицейскими были свежие кони. Догонят все равно. В лес бы сейчас, либо в овраг заросший. Однако вокруг, до самого горизонта, были ячменные поля. Выход один - попытаться укрыться в них и отлежаться до ночи. Последняя отчаянная попытка спастись.

Увы, она оказалась безуспешной. Полицейские быстро обнаружили его и плотно блокировали. Прочесывая поле, они сжимали кольцо. Вот полицейские уже совсем рядом. Сам полицмейстер с карабином наперевес. А рядом Хаджи-Коли. Наган в его руках. При малейшем сопротивлении убьют. И Котовский встал с поднятыми руками.

- Я без оружия…

В ответ прозвучало два выстрела. Из карабина Славинского и нагана Хаджи-Коли. В грудь. К счастью, раны оказались не смертельными.

На Котовского надели наручники и кандалы, а уж после этого перебинтовали.

Сопровождали его до Кишинева сам полицмейстер, Хаджи-Коли, пристав 3-го участка титулярный советник Гембарский, помощник пристава Чаманский и околоточный надзиратель Садовский. Они ликовали. Их ждали награды. Хаджи-Коли с большой радостью сообщал в жандармское управление о том, «что беглый каторжник Григорий Иванович Котовский задержан 25 июня с. г. утром на вотчине Кайнары Бендерского уезда».

Из городской полиции в Кишиневскую тюрьму переводили Котовского со страхом. Не сбежал бы по дороге.

Бывший начальник тюрьмы Поповненко рассказывал, что ни одного арестованного в ту пору не водили с таким конвоем. Когда его вели в тюрьму, то надели кандалы на руки, на ноги, а они были соединены цепью, которая охватывала и шею. Конвой состоял из 30 человек. Раненного, по дороге полицейские избивали его прикладами.

За поимку Григория Ивановича Котовского казна выдала 5000 рублей вознаграждения.

Полицмейстер на радостях щедро давал интервью журналистам. Красок не жалел, смело приписывая себе храбрость, мудрость и прочие благородные качества, якобы проявленные при поимке «страшного бандита, на совести которого десятки убийств». И, естественно, газеты пестрели небылицами. Но были, впрочем, публикации, которые рисовали портрет Котовского почти реальным. Так «Одесские новости» в статье «Задержание Котовского» признавали, что название «легендарный» вполне Котовским заслужено. В то время как его имя было на устах

местной полиции, Котовский, живя по подложному паспорту, разгуливал по Кишиневу, просиживал часами на веранде местного «Рабина», занимал номер в самой фешенебельной гостинице, посещал театры и увеселительные заведения, часто сталкивался как раз с теми чинами полиции, которые его знали, но не узнавали. Он щедро помогал бедным, В имении, где он служил управляющим, его очень ценили как опытного и знающего человека и относились к нему с большим уважением…

Пока шла газетная шумиха, полицейские власти решали, за какие тюремные стены упрятать Котовского. Из кишиневской он вполне может сбежать. И нашли одесскую.

9 июля Григория Ивановича Котовского, закованного в специально сделанные для него кандалы, вместе с небольшой группой заключенных вывели из ворот кишиневской тюрьмы. И каково же было удивление Котовского, когда он увидел на площади возле тюрьмы и на улице, ведущей к вокзалу, толпы народа. Кишиневцы, узнав, что «бесстрашного атамана» переводят в одесскую тюрьму, пришли проводить его. Иные хотели, не совсем доверяя газетам, воочию убедиться в том, что «гроза богачек» схвачен и можно, следовательно, жить теперь без страха, иные собрались лишь ради того, чтобы поглазеть на необычное шествие, но больше всего было людей сочувствующих, возмущенных, для кого имя Котовского звучало как символ справедливости, храбрости и непримиримости с существующим строем, как символ борца за народную свободу. Они теснили пеших и конных конвойных, плотным кольцом оцепивших арестованных, выкрикивали проклятия тюремщикам, а те в ответ пускали в ход нагайки.

Котовский шел спокойно, гордо подняв голову, как человек, твердо уверенный в правоте своего дела.

Арестантский вагон с усиленной охраной. Монотонный стук колес на стыках рельсов. Скрип тяжелых ворот одесской тюрьмы. Холодный металлический щелчок замка одиночной камеры. Григория Ивановича лишили прогулок, чтобы не смог наладить ни с кем связь, не начал бы организовывать побег.

Но, как всегда, Котовский не смирился с судьбой. Вскоре он добился первой победы, ему разрешили прогулки. Котовский сразу же воспользовался этим, чтобы наладить контакты с другими заключенными. Мысль одна - надо бежать.

Но не забывал он и о предстоящем суде. Написал письма адвокатам В.В. Шишко и В.С. Лузгину с просьбой взять на себя его защиту. На просьбу откликнулся Лузгин. Приехав в тюрьму, долго беседовал с Григорием Ивановичем, после чего дал официальное

согласие защищать Котовского. Это несколько ободрило Григория Ивановича, но мысль о побеге он не оставил.

Успешно налаживались связи. Котовскому, можно сказать, повезло. К нему в камеру вдруг вошел для смены параши Федор Стригунов. Осужден он был не как член отряда Котовского, а как дезертир, уклонившийся от воинской службы. Срок получил небольшой, считался неопасным, и тюремная администрация доверила ему обслуживание камер, в которых сидели опасные политические преступники и смертники. Так Стригунов встретился с Григорием Ивановичем и стал его верным помощником в организации побега.

Буквально через несколько дней Стригунов передал Котовскому ключ для ручных кандалов, пилку, чтобы спилить заклепки на ножных кандалах и заменить их винтами. Достать все это помогли политические заключенные.

Первая часть плана выполнена. Вторая, подкоп от тюремного кладбища, более сложная, требует много времени, и, чтобы выиграть его для товарищей, ведущих подкоп, Котовский затевает игру. Он пишет исповедь. Цель такова: каждый новый факт, который он укажет, будет проверяться. Слушание дела, естественно, оттянется.

Все, кажется, шло хорошо. Но случилось непредвиденное - у самой тюремной стены произошел обвал подкопа. Нет, тюремщики не дознались, для кого готовился подкоп, но на всякий случай произвели обыск в камере Котовского. И небезуспешно - в подошве ботинка Котовского была обнаружена пилка.

После этого последовали жестокие меры. Его стали выводить на прогулку только ночью. Стригунов в камере больше не появлялся. Связь с политзаключенными и с внешним миром вновь была прервана. Значит, все? Ждать суда? Ждать смертного приговора? Котовский перебирает все возможные варианты побега. Он знает еще от Стригунова, что в одной из общих камер заключенный-бессараб Наум Горлавый сильно застудил ноги. Он не может на них ступать, и тюремщики выдали ему костыли.

«Этим нужно воспользоваться», - решил Котовский. На листке, вырезанном из «Журнала для всех», написал записку заключенным общих камер: «Дорогие друзья, вы видите, что я гуляю теперь по вечерам при свете фонаря. Это верная свобода. Прошу вас и моего земляка на костылях приготовить мне из костылей лестницу».

Григорий Иванович дает совет, как это сделать. Он просит удлинить костыли швабрами, а для перекладин использовать скрученные простыни. Он даже прилагает рисунок такой

лестницы.

Записку ту Котовский бросил в окно в то время, когда во дворе были на прогулке заключенные общих камер. Он надеялся, что кто-то из них подберет ее. Но, увы… Она попала в руки надзирателю.

Теперь, кажется, все. На прогулку выводят его под охраной четырех вооруженных стражников. У его камеры специальный пост. Но Котовский продолжает затягивать время, подробно излагая все о своих акциях по экспроприации денег и ценностей у богачей, предполагая, что товарищи по борьбе предпримут что-то для его освобождения.

Следователи в конце концов разгадали его игру, да и нужны им были не факты, в большинстве своем известные, не фамилии пострадавших, не детали нападений - нужны фамилии тех дружинников, которые еще не арестованы, нужны адреса явок и конспиративных квартир. Следователям необходимо было знать, кому передавались деньги и ценности. Утверждению, что деньги направлялись в Красный Крест для помощи раненым, раздавались беднякам, они не очень-то верили. И игра, вполне понятно, подошла к логическому концу - дело передали к суд.

Приговор военно-окружного суда был неумолим:

«…подсудимого Григория Котовского, уже лишенного всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение…»

Он отказался подать прошение о помиловании. Лишь написал письмо Н.В. Брусиловой, жене командующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова, который по долгу службы должен был утверждать приговор.

Кто подсказал Котовскому написать ей письмо, каким образом оно было вынесено из камеры смертника, неизвестно. Ясно лишь из записей в дневнике Н.В. Брусиловой, что письмо Григория Ивановича было передано в полночь привратнику Брусиловой каким-то мальчуганом.

«Письмо длинное, подробное и очень хорошо написанное, - вспоминала Н.В. Брусилова. - На рассвете он должен был быть повешен. Письмо было написано за несколько дней ранее, но никак не могло быть передано…

Читая это письмо, первый раз в жизни я отдала себе отчет, что от меня зависит жизнь и смерть человека».

Брусилова, не теряя времени, позвонила генерал-губернатору Эбелову, губернатору города Сосновскому, прокурору Одессы и попросила их отложить казнь Котовского, чтобы иметь время написать мужу.

Не сразу было получено от них согласие на отсрочку казни. И Эбелов и Сосновский весьма настойчиво просили Брусилову не

беспокоить мужа, как они выражались, по пустякам, но Брусилова сумела упросить их отложить казнь Котовского на несколько дней.

А на следующий день А.А. Брусилов дал по прямому проводу распоряжение в Одессу о замене Котовскому смертной казни каторгой без срока.

Котовскому объявили об этой замене и перевели в камеру «вечников». Впервые после суда он вздохнул свободно. Сорок пять кошмарных ночей, когда каждый стук будил и вызывал тревожный вопрос: «Идут?!» - остались позади. Он вновь слышит человеческие голоса, даже смех и шутки.

Григорий Иванович был благодарен своей спасительнице. Как только Февральская революция позволила ему покинуть стены тюрьмы, он при первой же возможности нанес визит Н.В. Брусиловой и поблагодарил за спасение.

6

Весть о Февральской революции, свергнувшей царя в России, быстро докатилась до одесской тюрьмы. Все ждали больших перемен.

3 марта 1917 года в тюремном дворе собрали всех политических заключенных. Под восторженные крики «ура!» зачитал начальник тюрьмы телеграмму министра юстиции Временного правительства Керенского и объявил, что они свободны.

Решение правительства об амнистии только политических заключенных вызвало недовольство тех узников, которые были осуждены как уголовники, но уголовных преступлений не совершали. Дело в том, что по статьям уголовного кодекса царское правительство судило и тех, кто не хотел воевать за «царя и отечество». Таких заключенных в одесской тюрьме насчитывалось более семисот человек. Они подняли гвалт, принялись бить стекла в окнах, стучать в двери камер, требуя пересмотра и их дел.

Пять суток бурлила тюрьма. Котовский убеждал заключенных, что добиваться новых послаблений в тюремном режиме следует мирными коллективными требованиями, что придет время, и свободу получат все.

Но такой оборот не устраивал монархистов. Они намеревались, подняв восстание в тюрьме, обвинить затем в подстрекательстве большевиков и начать над ними расправу. Восстание они все же спровоцировали.

8 марта во время прогулки арестованные вдруг обнаружили во дворе ящики с водкой. Как и предполагал начальник тюрьмы, по распоряжению которого водка была «подброшена», многие уголовники поддались на провокацию. Пьяные, они ворвались в цейхгауз, который тоже оставался почему-то в тот день без охраны, расхватали винтовки, револьверы, кинулись к воротам. Тогда Котовский бросился наперерез.

- Стойте! Вы губите себя!

Он стоял у ворот решительный, уверенный. Хотя не мог не понимать, что возбужденная толпа уголовников может его и не послушать, может смять, растоптать. Но он пошел на риск. Ради их же спасения.

Многие, особенно трезвые, вняли его призыву. Подоспевшие на помощь верные товарищи из боевого отряда Афанасьев, братья Гефтманы, Ивченко, Кицис, Стригунов поддержали его. Толпа утихла…

Правда, иные уголовники попытались, используя момент, бежать, но, как только они перелезали через стену, их тут же хватали казаки. Как и предполагал Котовский, казачьи сотни были вызваны к тюрьме заблаговременно и лишь ожидали своего часа, чтобы пустить в ход нагайки и шашки.

Пока казаки и стражники ловили беглецов, во дворе тюрьмы шел митинг. Выступивший на нем Григорий Иванович предложил: охранять ворота силами самих заключенных из бывших солдат, снять со всех кандалы, двери камер, днем держать открытыми, разрешая свободное передвижение в пределах тюрьмы, контроль за поступлением продуктов и их использованием по назначению возложить на заключенных, разрешить свидания заключенных с родственниками, все камеры обеспечить матрацами и одеялами, наладить отопление всех камер…

Переговоры с начальником тюрьмы поручили группе каторжан во главе с Котовским. Почти все требования заключенных были приняты. Кроме того, Григорий Иванович потребовал, чтобы выяснили степень вины начальника тюрьмы и других должностных лиц, пытавшихся спровоцировать восстание арестантов.

Вскоре начальник тюрьмы как ярый монархист был арестован, а каторжане контроль за выполнением нового режима возложили на Котовского.

Так возникла «тюремная республика» во главе с Григорием Котовским, как когда-то жила несколько дней в Александровском централе «свободная республика» под руководством молодого Дзержинского.

Вновь имя Котовского появилось на полосах газет. Только теперь говорили о нем больше всего уважительно, расхваливали его организаторские способности. «Одесские новости» 13 марта 1917 года писали, что в местной тюрьме после происшедшего в ней восстания арестантов царит полный порядок. Во всех внутренних помещениях тюрьмы нет ни одного надзирателя. В тюрьме полное самоуправление. Во главе военных и уголовных узников стоят Котовский и помощник присяжного поверенного Звонкий. По их требованию администрация разрешила свидания родственников не только с осужденными арестантами, но и подследственными, которые многие месяцы не имели еще ни одного свидания.

Шумиха, поднятая в газетах, привлекала внимание одесситов к тюрьме. К ней потянулись любопытные, и Котовский охотно стал водить их как экскурсионные группы по тюремным корпусам. Показывал темные крохотные карцеры, сырые, холодные; показывал канцелярию начальника тюрьмы

Перелешина.

В те дни Котовский взвалил на себя еще одну непомерную ношу - перевоспитание уголовных преступников. Он созывает городское собрание уголовников Одессы, назначив местом для его проведения кафе «Саратов».

Собрание состоялось 15 марта. Присутствовало на нем 40 человек. Они приняли резолюцию, в которой инициативная группа от имени уголовных преступников Одессы, как находящихся на свободе, так и заключенных в одесской тюрьме, заявила о полной готовности содействовать поддержанию и сохранению порядка и безопасности в возрожденной Одессе, особенно если уголовникам будет дана возможность ознакомить все общественные организации с их положением и нуждами, если будет возвращена свобода всем узникам одесской тюрьмы и если им разрешат открыто собраться и обсудить способы устройства честной жизни и ликвидацию позорного прошлого.

Собрание поручило Г. Котовскому, А. Кицису, Поляку (кличка), И. Иванову и М. Медведеву в ближайшее время созвать общее собрание уголовных преступников Одессы.

Резолюция принята. Но чтобы выполнить ее, нужны соответствующие условия. Тем, кто порвет с преступным прошлым, надо на что-то жить, хотя бы первое время, пока не приобретена специальность, не найдена работа. И Котовский решает начать сбор средств. Он добивается разрешения 19 апреля провести в тюрьме благотворительный концерт, сбор средств с которого будет передан комитету содействия перерождающимся преступникам, и обращается в газеты с просьбой поместить сообщение о предстоящем концерте. Газеты охотно откликнулись на эту просьбу.

19 марта. Воскресенье. Трамваи переполнены. Извозчики нарасхват. Улицы запружены. Было такое впечатление, что все, кто может двигаться, устремились к тюрьме. Но концерт не состоялся. Воспротивились сами уголовники.

Огромные усилия, затраченные на подготовку концерта, оказались бесплодными. Может, и вся работа по перевоспитанию преступников пустая затея? Недаром же говорят: сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит. Котовский видел, как лицемерят некоторые заключенные, а иные и вовсе настроены враждебно, только боязнь идти на открытый конфликт сдерживает их. Но не мог не видеть он и положительные плоды своей работы. Уже через месяц после первого собрания устроились на работу около ста бывших преступников. Разве это не победа?!

Но неудачу с концертом комиссары Временного

правительства, эсеры и меньшевики, которых было большинство в Одесском Совете, использовали для того, чтобы начать травлю Котовского. Вскоре было опубликовано сообщение о том, что Котовский якобы бежал из тюрьмы.

Это была новая попытка буржуазии расправиться с Григорием Ивановичем. Но и она не удалась. Представители секции общественной безопасности исполнительного комитета Совета рабочих депутатов выступили с опровержением: Котовский не скрывался, а выполнял специальное задание секции общественной безопасности.

Вот она - главная причина недовольства меньшевиков и эсеров деятельностью Котовского. Ведь он не только занят перевоспитанием преступников, но и успешно выполняет задание партии, направленное на повышение революционной бдительности (если применить сегодняшнюю терминологию. - Г.А.), против происков как монархистов, так и буржуазии, которая с каждым днем все более открыто стремилась к полному господству.

Вступились за Григория Ивановича заводские и фабричные коллективы, общественные организации. Они ходатайствовали перед комиссарами Временного правительства и перед Советом об освобождении его, и под давлением масс власти вынуждены были дать указание органам юстиции пересмотреть дело Котовского. Решение, однако, удивило и возмутило многих: 12 лет каторги, запрещение вести общественно-политическую деятельность.

Котовский вступает в открытую полемику с чиновниками «свободных» учреждений, продолжавших политику царизма. Прокурору Желуднику, выступившему против «тюремной республики», Григорий Иванович дает достойную отповедь в письме, которое было опубликовано в газете «Власть народа».

Котовский рвется на свободу. Он обращается к министру юстиции Временного правительства с просьбой о помиловании. Эту просьбу по настоянию депутации от предприятий Одессы начальник штаба Одесского военного округа генерал Н.А. Маркс сопроводил прошением: «Горячо верю в искренность просителя и горячо прошу об исполнении его просьбы».

Министерство юстиции вернуло прошение в Одессу на решение местных властей. А они уже один раз решали и не в пользу Котовского. Но на сей раз трудящиеся города более настойчиво требовали освобождения Григория Ивановича, и исполком Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области («Румчерод») вновь вынужден был поставить перед Одесским военно-окружным судом вопрос о пересмотре

дела Котовского. И суд 5 мая 1917 года принял решение: «Подсудимого Григория Котовского… если он по состоянию здоровья окажется годным к военной службе, условно освободить от наказания и передать его в ведение военных властей».

Помощник прокурора Бонгард сам пожаловал в тюрьму и зачитал решение суда. Вместе с Котовским освобождался еще сорок один заключенный.

За воротами тюрьмы ждала их огромная толпа горожан. Котовского подхватили и понесли на руках…

В ожидании отправки на фронт Котовский не сидит сложа руки.

Котовский в этот период выполнял самые различные поручения штаба Красной гвардии. Григорию Ивановичу доверили ликвидацию контрреволюционного гнезда, которое «свил» на своей квартире барон Шваге. И Котовский блестяще справился с заданием.

4 августа 1917 года «Бессарабская жизнь» поместила очень короткое сообщение: «Вчера вечером отправился добровольцем-разведчиком на фронт Григорий Котовский».

Конечно, газета преследовала свои цели: еще раз поиграть на патриотических чувствах молдаван. Читайте, дескать, даже Котовский, атаман разбойничьей шайки, устрашитель помещиков и капиталистов, и тот взял в руки оружие, чтобы защитить отечество. Следуйте его примеру.

А то, что Котовского отправили на фронт во исполнение приговора суда, разве известно всем читателям?

Позже Григорий Иванович в своей биографии напишет так: «Еду в Кишинев. Начинается работа большевиков по разложению армии».

Руководствуясь лозунгом партии: превращение войны империалистической в войну гражданскую, большевики шли к солдатам с ясной программой, с четкими и понятными требованиями, которые выражали интересы и чаяния трудового народа России. Большевики разъясняли солдатским массам, что Временное правительство не делает практических шагов, чтобы дать народу землю, обеспечить восьмичасовой рабочий день, улучшить условия труда и быта, покончить с эксплуатацией трудящихся. Не сделано ничего и для того, чтобы прекратить братоубийственную войну ради прибыли капиталистов, ради их интересов. В армии, хотя теперь она не считалась царской, тоже мало что изменилось.

Упорная работа большевиков приводила к тому, что солдаты все более настойчиво требовали заключения мира. Целые

подразделения и части покидали окопы. И когда командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов попытался убедить один из полков остаться на передовой, то полковой комитет попросил разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут перед командующим фронтом появился плакат: «Мир во что бы то ни стало, долой войну…» После долгих уговоров солдаты дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя тем, что неприятель обещает не наступать, если не будет наступления со стороны русских. Солдаты рвались домой, чтобы пользоваться свободой и землей.

Случаи неповиновения солдат командирам и дезертирство стали носить массовый характер. Если с Румынского фронта в 1916 году дезертировало 68 тысяч, то после Февральской революции цифра эта намного возросла, И это происходило там, где влияние большевиков было не так сильно, как на других фронтах.

Румынский фронт находился вдали от революционных и промышленных центров. Большинство молдаван не знало русского языка, и находившиеся в окопах солдаты получали: всю информацию о политической жизни страны в основном от своих офицеров. А почти все они были если не монархистами, то сторонниками различных буржуазных партий. Большевистские газеты на Румынский фронт попадали весьма и весьма редко. Такая изолированность солдат фронта от революционной среды была на руку контрреволюции. Из румынских частей, стоявших в тылу русской армии, был создан настоящий полицейский кордон, для того чтобы не пропускать на фронт «подозрительных лиц» и ловить дезертиров. Румыны вместе с казаками разоружали те армейские части, которые не повиновались своим командирам.

Побывавший на Румынском фронте с армейской делегацией из Петрограда солдат А.А. Васильев сообщал, что офицерство и соглашатели ведут лихорадочную подготовку к наступлению, организуя ударные батальоны смерти. В войсках нет ни одной большевистской газеты, а самих большевиков травят. Дело дошло до того, что слово «большевик» объясняли солдатам как «большак», то есть кулак. Большевиков обвиняли в том, что они якобы хотят посадить на престол Николая II.

ЦК РСДРП (б), учитывая сложившуюся обстановку, принял решение о создании самостоятельной большевистской организации на Румынском фронте. И это сыграло огромную роль в развитии революционных событий как на фронте, так и в Бессарабии. Но это произошло немного позже, в октябре, а когда в начале августа Котовский прибыл к месту службы, обстановка была тяжелой. Под угрозой румынских пулеметов и пушек не раз

приводились «в чувства», как цинично говорил Щербачев, наиболее революционные полки.

Узнав, что командир саперной роты зверски избил пожилого солдата, Григорий Иванович пишет протест, собирает подписи наиболее смелых и революционно настроенных солдат и направляет письмо в армейский комитет. Позаботился Котовский и о том, чтобы оно получило огласку. Под давлением общественности офицер был отстранен от должности и предан суду.

После этого случая солдаты избрали Котовского в полковой комитет.

25 августа 1917 года Корнилов, выполняя волю буржуазии, стремившейся навязать народу гражданскую войну, и получив обещание представителей США, Англии, Франции оказать помощь его контрреволюционному выступлению, двинул с фронта на Петроград 3-й конный корпус якобы для свержения Временного правительства. Меньшевики и эсеры так и пытались представить дело. Они дружно призывали к защите Временного правительства.

В.И. Ленин выдвинул иную тактику, мудрую, отвечающую политическому моменту: поднимая массы против Корнилова, партия большевиков разъясняла, что Временное правительство - соучастник корниловского выступления. Ведя таким образом борьбу против попытки создания военной диктатуры, большевики разоблачали и буржуазную сущность Временного правительства, и главным образом предательство эсеро-меньшевистских соглашателей.

По призыву партии рабочие Петрограда взялись за оружие. Создавались новые отряды Красной гвардии. Мятеж Корнилова был подавлен. Он и его сообщники по настоянию масс арестованы. Попытка буржуазии и помещиков раздавить революцию провалилась. Но все могло повториться, и единственным выходом из сложившегося положения было свершение Временного правительства путем вооруженного восстания и установления диктатуры пролетариата.

Контрреволюционное выступление Корнилова переубедило многих из тех, кто до этого еще верил в революционность Временного правительства. В Бессарабии, как и по всей России, началось резкое размежевание революционных и контрреволюционных сил. Соглашатели всех мастей окончательно примыкают к контрреволюционному лагерю и принимают судорожные меры, чтобы сбить волну протеста, вызванного корниловским мятежом.

Но тщетны их попытки. Трудящиеся Бессарабии на многотысячных митингах требуют революционного суда над Корниловым. Эти требования поддерживают солдаты. Они отказываются идти в бой за интересы буржуазии. 26 августа отказался идти в наступление Коломенский полк, а 30 августа на заседании Совета кишиневского гарнизона и полковых комитетов было выдвинуто требование о передаче всей власти Советам и переходу к выборности командного состава в армии и устранения из нее контрреволюционных офицеров и генералов.

Но главным политическим успехом революционных сил в те месяцы можно считать сближение солдатских масс с крестьянством Бессарабии. Солдаты помогали крестьянам проводить конфискацию имущества и земли помещиков. Так было в Бодянах Сорокского уезда, так было в селах Журы и Грозешты Кишиневского уезда, где крестьяне с помощью солдат реквизировали у помещиков весь сельскохозяйственный инвентарь.

Бастуют рабочие, захватывают землю крестьяне, не повинуются своим командирам солдаты. Комиссары Временного правительства растеряны, их донесения тревожны.

Из сводки военио-политического штаба верховного главнокомандования (1-30 октября): «53 братания, 9 попыток насильственного прекращения боевых действий, 7 попыток самовольного оставления позиций, 104 случая неисполнения боевых приказов, 24 требования об увольнении командиров, 64 случая оскорбления лиц командного состава, 100 отказов от занятий и работ, 22 требования о немедленном заключении мира, 8 случаев оскорбления комиссаров Временного правительства».

Временное правительство и генералитет решают остановить демократизацию армии созданием ударных отрядов. Формировались они из наиболее преданных Временному правительству солдат и офицеров. Знамена ударным отрядам вручались черно-красные (красное - цвет революции, черное - готовность умереть за отечество).

Генерал Щербачев требовал создания одного ударного батальона на каждый полк. Полковые комитеты, однако, выступили против этого, и на Румынском фронте удалось сформировать всего два батальона.

Когда в Петрограде был штурмом взят Зимний, монархисты и сторонники Временного правительства пытались скрыть от армии это великое политическое событие. Начальник штаба верховного главнокомандования генерал Духонин распорядился на телеграфных станциях установить специальное дежурство для

задержки телеграмм только что созданного Советского правительства. Специальной телеграммой командующим фронтами и другим лицам высшего командного состава Духонин сообщил, что «ставка, комиссарверх и общеармейский комитет разделяют точку зрения правительства (Временного, низложенного. - Г. А.) и решили всемерно удерживать армию от влияния восставших элементов, оказывая в то же время полную поддержку правительству».

Иллюзорная цель. Непосильная задача. Но как утопающий хватается за соломинку, так и контрреволюция в то время шла на самые крайние меры, чтобы сохранить свои позиции. А на Румынском фронте монархисты и сторонники Временного правительства цеплялись за старое особенно судорожно.

Генерал Щербачев прилагал все силы, чтобы объединить всех контрреволюционеров. И это в какой-то мере ему удается. Заодно со штабом начинает действовать военно-революционный комитет во главе с комиссаром фронта эсером Тизенгаузером и его помощником правым эсером Андриановым. Фронтовой отдел «Румчерода» оказался представленным двумя эсерами и тремя меньшевиками.

По решению Военно-революционного комитета Румынского фронта подобные «комитеты» создавались в армиях, корпусах и дивизиях. Им вменялось в обязанность контролировать телеграф, все поступающие распоряжения, не допускать «самочинных выступлений», подавлять «всякого рода бесчинства и анархию» и формировать «сводную революционную дивизию из трех родов оружия, из надежных, преданнейших делу революции товарищей».

Дивизия эта под демагогическим лозунгом о защите революции должна была выполнять карательную роль, и ее формированию генерал Щербачев уделял особое внимание. 26 октября он предложил немедленно приступить к подбору такого личного состава «революционной дивизии», который явился бы «надежнейшим и преданнейшим делу борьбы с перекатывающимся к фронту восстанием». Снабженную в достатке всеми боевыми средствами дивизию предписывалось сосредоточить к вечеру 30 октября в особо указанных пунктах.

В тот же день меньшевики и эсеры готовились провести экстренный фронтовой съезд. Опираясь на реальную военную силу - «революционную дивизию», - они предполагали навязать фронту эсеро-меньшевистскую политику и тактику.

В некоторые части (особенно в те, которые стояли ближе к Юго-Западному фронту) все же проникло известие о революционных событиях в Петрограде. И в тот же день 32-я

дивизия на объединенном заседании полковых комитетов вынесла постановление отправить на имя Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов телеграмму:

«32-я дивизия приветствует истинных борцов за волю, за землю и мир, сообщает, что в случае если Временное правительство задумает на этот раз устроить трудовому народу кровавую бойню, то все вооруженные силы 32-й дивизии в распоряжении большевиков».

Подобную телеграмму отправила в тот же день 165-я дивизия. А всйоре и весь фронт узнал о том, что власть буржуазии свергнута. Солдаты приветствуют победу Октября, полковые комитеты бойкотируют создание «революционной дивизии», распознав истинные цели генерала Щербачева, и под нажимом солдатской массы армейские комитеты были вынуждены поддержать решение полковых комитетов.

«Считаем сохранение в армии спокойствия и единства лучшим залогом ее верности революции, а участие в формировании может вызвать недовольство и эксцессы в солдатских массах», - заявил комитет VI армии.

Но фронтовой съезд, задуманный меньшевиками и эсерами для объединения всех контрреволюционных сил фронта, все же состоялся. С опозданием на один день начал он работу в румынском городе Романе, подальше от промышленных центров.

Состав съезда: 80 эсеров, 15 большевиков. Обсуждались текущие события и вопрос формирования «революционной дивизии».

Жаркая была схватка. Эсер Андрианов (помощник комиссара) в пылу полемики бросил: «…кто к ним (большевикам. - Г. А.) присоединится, тот подлежит ответственности как за тягчайшее государственное преступление».

Эсеры и меньшевики готовы были разделаться с большевиками, но не могли не учитывать настроения солдат. И принятая резолюция носила половинчатый характер: «Фронтовой съезд считает выступление большевиков актом революционным, но несвоевременным и недопустимым».

Председатель съезда эсер Лордкипанидзе внес от имени эсеров поправку, в которой осуждался захват власти большевиками. После бурных прений поправка была принята. Большевики покинули съезд.

Эсеро-меньшевики, казалось бы, могли праздновать победу. Но, увы, резолюции соглашательского съезда солдаты не поддержали. Полки и дивизии приветствовали Советскую власть. И не только приветствовали, они помогали молдавским

крестьянам проводить в жизнь Декрет о земле. Так они совместно с батраками деревень Шишканы, Мариничи, Милешты Кишиневского уезда вынесли постановление о конфискации помещичьих земель и начали ее раздел. С помощью революционных солдат были разделены 17 тысяч десятин земли княгини Гагариной между крестьянами сел Николаевка, Александровна, Арсы, Бородино Аккерманского уезда; 20 тысяч десятин земли князя Стурзы между крестьянами Бельцского и Сорокского уездов.

Солдаты 334-го этапного полка передали помещичье имение в распоряжение крестьян Темелиуцы Кишиневского уезда и помогли им разделить помещичье имущество.

В Ганчештах и в окрестных селах крестьяне с помощью солдат разделили между собой несколько помещичьих имений. Поднялись крестьяне в Липканах, а когда командование Румынским фронтом приказало начальнику кишиневского гарнизона выслать для «усмирения крестьян» кавалерийский эскадрон, солдаты отказались выполнять приказ. Так было везде.

Но контрреволюция судорожно стремилась поправить свои дела. Прикрываясь революционной фразой, они подняли флаг борьбы за национальную автономию. В спешном порядке был подготовлен и проведен 21 ноября так называемый «Краевой совет» («Сфатул цэрий»), на котором был избран исполнительный орган «Генеральный совет директоров».

С помощью контрреволюционного штаба Одесского фронта и украинской Центральной рады «Краевой совет» начал формировать молдавские национальные части и летучие милицейские отряды. Для борьбы, конечно же, с революцией.

Рабочие Кишинева встретили решение «Краевого совета» массовыми демонстрациями протеста. Рабочие требовали передачи всей власти в руки Советов, проведения в жизнь декретов II Всероссийского съезда Советов о земле, о мире. 22 ноября Кишиневский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов по требованию трудящихся и революционно настроенных солдат 5-го и 6-го Заамурского полков признал верховной властью Совет Народных Комиссаров.

За сложной обстановкой в Бессарабии внимательно следил В.И. Ленин. Владимир Ильич 19 ноября направил в адрес Кишиневского Совдепа, 175-го пехотного полка и Первого Молдавского полка телеграмму с требованием немедленно освободить из тюрьмы политических заключенных. В ноябре Петроградский ВРК дважды обсуждал вопрос о положении в Кишиневе. Для оказания помощи большевикам Румынского фронта в Бессарабии Петроградский ВРК направил туда М.

Брянского и Н. Симонова, а СНК - В. Володарского и С. Рошаля.

Григорий Иванович Котовский во всей этой сложной борьбе принимает самое деятельное участие. Он пользуется большим авторитетом не только среди солдат своего полка, но и в дивизии, в армии. В период подготовки съезда Советов VI армии он разъясняет солдатам контрреволюционную суть решений экстренного фронтового съезда и призывает избрать делегатами на съезд армии большевиков. И можно уверенно сказать, что активная агитационная деятельность Котовского повлияла на то, что на съезде Советов VI армии большевистская фракция оказалась самой многочисленной: 200 делегатов из 450.

Среди делегатов съезда был и Г.И. Котовский.

Съезд начал работу 25 ноября 1917 года в небольшом румынском городке Галаце. И сразу разгорелась борьба между большевиками, с одной стороны, меньшевиками, эсерами и различными мелкобуржуазными партиями - с другой. Контрреволюция не хотела без боя отступать, тем более что она чувствовала поддержку командования Румынского фронта и VI армии.

Григорий Иванович - с фракцией большевиков.

Большевики победили на том съезде. Григорий Иванович был избран членом армейского комитета.

Реакция, чувствуя шаткость своего положения, сделала еще одну попытку внести смуту, разжечь национальную вражду. В городах южной части Бессарабии начались еврейские погромы. Большевистская фракция Советов VI армии предложила прервать работу съезда л направить делегатов в города, где идут погромы, чтобы остановить их.

Котовского с одним из отрядов направили в Болград. Там размещался штаб армии, и, естественно, черносотенцы сосредоточили там свои основные силы, и задача, таким образом, перед отрядом Григория Ивановича стояла нелегкая. Но и на этот раз задание партии он выполнил.

Член армейского комитета Л.С. Дегтярев, который председательствовал на съезде, а позже стал командиром VI армии, вспоминал, что Григорий Котовский прибыл в Болград в самый разгар погрома. Толпа собралась у подожженного кем-то еврейского магазина. Раздались провокационные выстрелы. Толпа бросилась грабить магазин и особенно винные склады. Поручик из штаба армии, пытавшийся образумить толпу, был убит. Кто-то вывел отряд солдат. Они отказались стрелять в народ и сами бросились за вином. В это время появился Котовский на грузовике с группой в семь человек.

- Остановись! - раздался его зычный голос. - Товарищи! Слушай мою команду! - обратился он к толпе.

- А ты кто такой выискался? - раздался чей-то голос.

- Я - Котовский!

Этого было достаточно, чтобы толпа на миг замерла.

- Именем армейского комитета приказываю немедленно разойтись!

В ответ прозвучало несколько выстрелов.

- Пальба взводом! Взвод… - раздалась команда. Затворы винтовок дружно защелкали. Толпа замерла в ожидании залпа. Его не последовало. Снова толпу прорезал голос Котовского.

- Вот этого арестовать и этого. Остальным немедленно разойтись!

И толпа покорилась Котовскому, мирно разошлась.

Разогнав черносотенные банды, делегаты съезда - большевики возвратились в Галац. Съезд продолжил работу. Окончился он победой большевиков - съезд выразил полную поддержку Советской власти.

Во второй половине ноября во всех дивизиях, корпусах и армиях Румынского фронта прошли съезды солдатских Советов. Почти все они закончились изгнанием из комитетов эсеров и меньшевиков и выборами новых революционных комитетов. А 2 декабря на общефронтовой конференции был избран большевистский комитет фронта.

Большевистским стал и «Румчерод». На II съезде представителей Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области, который начал работать в Одессе 10 декабря, соглашательские партии потерпели сокрушительное поражение. Избранный съездом «Румчерод» провозгласил себя высшим органом революционной власти во Втором южном районе, на Черноморском флоте и Румынском фронте.

Пришедшие к власти большевики сразу же развернули активную революционную работу. По просьбе трудящихся Бессарабии, обратившихся ко II съезду «Румчерода» за помощью, президиум съезда принял решение направить в Кишинев свой фронтовой отдел, и тот, прибыв в Кишинев, немедленно наладил связь с большевиками города, освободил из тюрьмы политических заключенных, взял в свои руки охрану общественного порядка и контроль за распределением продовольствия.

1 января 1918 года революционные отряды захватили станцию, телеграф, почту и другие стратегически важные пункты Кишинева. Власть перешла в руки народа.

Григория Ивановича Котовского комитет VI армии направляет в Кишиневский фронтотдел в качестве своего

представителя. Главная задача его заключалась в том, чтобы предназначенные для VI армии продовольствие и боеприпасы шли по назначению, а не перехватывались контрреволюционным командованием Румынского фронта и не «уплывали» на Дон к Каледину либо в Румынию. И Котовский успешно выполнял это важное задание. Вместе с тем он разоружал контрреволюционные части, участвовал в закрытии реакционных газет, выступал на митингах не только в Кишиневе, но и в окрестных селах, где его знали, где слово его было весьма авторитетным.

7

Недолго существовала в Бессарабии Советская власть. Подлый удар в спину нанесли националисты из «Сфатул цэрий». 20 декабря они обратились с просьбой к иностранным державам ввести в Бессарабию войска для подавления революции. Роль жандарма-захватчика взяла на себя боярская Румыния, поддержанная Антантой; 6 января ее войска вторглись на территорию Советской Бессарабии.

Активизировалась одновременно и внутренняя контрреволюция. Командующий Румынским фронтом генерал Щербачев формирует белогвардейские отряды, в основном из офицеров, призывает на помощь гайдамаков Украинской рады. Начинается белый террор: зверски убит комиссар Румынского фронта, питерский большевик, посланец Ленина С.Г. Рошаль, арестованы многие большевики и выборные командиры, солдатские Советы и их комитеты разогнаны.

С трудом, однако, давалась победа объединенных сил контрреволюции и интервенции. Революционные войска Румынского фронта оказывали упорное сопротивление, а при отходе передавали часть оружия и боеприпасов рабочим и крестьянам, которые под руководством оставшихся в подполье большевиков развертывали партизанскую борьбу как против оккупантов, так и против белогвардейско-националистических отрядов и банд.

В день, когда началась интервенция, готовился еще один удар по революции - захват Кишинева. Для этой цели контрреволюционеры планировали использовать румын-трансильванцев, которых Щербачев и Центральная рада сосредоточили в единый кулак под лживым предлогом отправки на родину. Эшелон должен был проследовать в Кишинев через Раздельную и Бендеры.

О готовившемся коварном замысле железнодорожные рабочие известили органы Советской власти Кишинева и фронтотдел. Председатель исполкома Кишиневского Совета И.И. Горькавый и начальник ревштаба революционных сил Е.М. Венедиктов поручили встретить интервентов Г.И. Котовскому.

На подготовку оставалось меньше суток. А нужно было сформировать специальный отряд, разработать план операции и проинструктировать командиров.

Когда 6 января эшелон трансильванцев прибыл в Кишинев, его уже ждала засада. Вагоны моментально были блокированы, и только небольшая часть интервентов из хвостовых вагонов успела

вырваться из окружения и, окопавшись за полотном железной дороги, вступила в бой. Но и он вскоре затих - спешившиеся эскадроны 5-го Заамурского кавполка окружили трансильванцев и вынудили их сдать оружие.

Итог операции: шестьсот вооруженных интервентов пленены и отправлены под конвоем в бендерские казармы.

«Сфатул цэрий» попыталась помочь трансильванцам, но молдавские национальные полки не выполнили приказа своих командиров и не подняли оружия против большевиков, против Котовского.

Разоружив эшелон интервентов, революционные полки стали готовиться к отпору главным силам румынских захватчиков, которые уже наводняли земли Бессарабии, жгли мирные села, расправлялись с крестьянами.

Крестьяне бежали от оккупантов на территорию, еще не занятую врагом, туда, где власть принадлежала Советам, и брали в руки оружие. Гарнизон защитников Кишинева пополнялся.

На помощь молдавскому народу спешили рабочие Одессы, Киева и других городов Украины. ЦИК «Румчерода» и штаб Красной гвардии объявили всеобщую мобилизацию рабочих Одесской области.

А обстановка в Бессарабии все осложнялась. Румынские войска совместно с белогвардейско-гайдамацкими бандами уже у стен Кишинева. Наступают они с двух сторон: от Ганчешт и Страшен. Но город сражается. Возглавил оборону революционный штаб советских общереспубликанских войск Бессарабского района, руководимый большевиком Е. Бенедиктовым, и направленный в Кишинев «Румчеродом» фронтотдел.

Григорий Иванович Котовский по поручению фронтотдела формирует рабочие дружины, выступает на заводах и фабриках с призывом дать достойный отпор румынским захватчикам и националистам.

Все усиливающийся нажим оккупантов на Кишинев, активизация контрреволюционных сил в самом городе усложнили обстановку настолько, что городской Совет и фронтотдел приняли решение оставить город и отступить к Бендерам и Тирасполю. Эвакуацию органов Советской власти и отход частей приказано было прикрыть кавалерийскому отряду, сформированному Котовским.

Отряд Котовского сдерживал яростные затяжные атаки, пока не вышли из города все революционные части, л затем стремительным броском оторвался от наседавших интервентов и догнал своих в районе Бендер.

Штаб обороны города, которым руководил большевик-

железнодорожник Г.И. Борисов, определил отряду Котовского участок на левом фланге оборонительной линии, проходившей на западной окраине Бендер вдоль железнодорожного полотна. Опорные пункты были созданы в станционных сооружениях и в старой крепости.

Приказав отряду спешиться и отвести копей в укрытие, Котовский определил места для окопов и огневых точек и сам взялся за лопату. Ему было не привыкать к такому труду, на «колесухе» навык получен хороший. Глядя, как ловко орудует лопатой командир, заработали энергично и бойцы. Вскоре основные окопы были уже отрыты.

В отряд тем временем прибывало пополнение. В него вливались разрозненные группы, отходившие к Бендерам после неравных боев с оккупантами. По распоряжению Борисова в отряд была направлена группа добровольцев-железнодорожников. Времени катастрофически не хватало. Котовскому приходилось ставить боевую задачу индивидуально каждому, кто прибывал в отряд. Переходя от бойца к бойцу, от одной огневой точки к другой, Григорий Иванович рассказывал о задаче предстоящего боя, советовал, как лучше подготовиться к нему, помогал, подбадривал, словно сам не устал до изнеможения. А бой предстоял жестокий. Бой за еще одну твердыню на бессарабской земле.

Оккупанты, сосредоточив большие силы, намеревались одним ударом смять оборону красногвардейцев и захватить город. Первый мощный удар защитники города выдержали мужественно. Среди них были старики и дети. Старый фейерверкер-молдаванин пришел на батарею и метко вел огонь по врагу. Внук подносил снаряды.

Много добровольцев пришло и в отряд Котовского. Среди них подросток Костя Гарбарь, во время боя он подавал патроны, несколько раз ездил на телеге в крепость за боеприпасами, отвозил раненых в город, а оттуда привозил пищу.

На следующий день интервенты возобновили нападение. Начался затяжной неравный бой. Защитникам не хватало оружия, боеприпасов. Трижды враг прорывался в город, трижды его выбивали.

Отряд Котовского, как и все защитники Бендер, сражался геройски. В критические моменты командир поднимал бойцов врукопашную, враг не выдерживал решительного натиска и отходил. Но силы были слишком неравны. Румынские войска, получив свежее подкрепление, ворвались в город. Пришлось отступить. Прикрывать отход войск штаб обороны Бендер поручил отряду Котовского.

Несколько часов малочисленный отряд, умело маневрируя силами, сдерживал врага, давая возможность революционным частям и всем, кто не хотел оставаться на земле, захваченной интервентами, уйти за Днестр. На лед родной реки вывел коня Григорий Иванович одним из последних.

Отступившие части - 5-й Заамурский кавалерийский полк, 6-й Заамурский, 1-й Днестровский полк, отряды Г.И. Котовского и К. П. Никольского и другие - расквартировались в районе Тирасполя. Началось их объединение в Особый отряд для борьбы с румынскими захватчиками. Во главе этих объединенных сил стал Е. М. Венедиктов, бывший начальник революционного штаба советских общественных войск Бессарабского района, стойкий и преданный делу революции коммунист. Уже через два дня он сумел подготовить и провести боевую операцию против оккупантов.

Повел на вражеский берег специально отобранный отряд Г.И. Котовский. При поддержке бронепоезда и бронеавтомобилей отряд неожиданно ворвался в Бендеры, сметая на своем пути все очаги сопротивления. Удар был так умело организован и так дерзок, что румынские части в панике бежали из города, приняв немногочисленный отряд за крупное войсковое соединение. Перепуганные, они двое суток боялись возвращаться в город, хотя отряд Котовского, освободив пленных и заключенных, пополнившись добровольцами, отошел за Днестр.

После возвращения в Тирасполь Григорий Иванович на несколько дней оставил свой отряд - командование Особого отряда направило его в Одессу для связи с «Румчеродом».

Поезд полз от полустанка к полустанку, с тревогой ожидая нападения какой-нибудь банды бело-сине-зеленых. Не доезжая Одессы, состав остановился на Заставе-второй. Проводники приказали освободить вагоны. Зло кричали мешочники-спекулянты. Из города доносится стрельба. Значит, бьются рабочие с гайдамаками и юнкерами, не сдали город. И он, Котовский, конечно же, должен быть там.

Через Молдаванку пробрался он на улицу Торговую, где в доме номер 4 размещался красногвардейский штаб, и сразу же, получив в подчинение группу красногвардейцев-железнодорожников, был направлен штабом на разгром гайдамаков и юнкеров, укрепившихся в районах 3-й и 4-й станций Большого Фонтана.

Целый день шел жестокий бой. Мятежники, отбивая атаки красногвардейцев, сопротивлялись отчаянно. И только артиллерийская поддержка броненосцев «Синоп» и «Ростислав» да крейсера «Алмаз» изменила ход боя. К вечеру Большой Фонтан

был полностью очищен от юнкеров и гайдамаков. В руках мятежников оставались лишь железнодорожный вокзал и юнкерское училище.

Выбить их оттуда было нелегко, и большевистский штаб принял решение сосредоточить силы вначале для штурма вокзала, а затем училища. Такие концентрированные удары обеспечили успех. Мятежники были выбиты из своих последних опорных пунктов.

Группа Котовского вместе со всеми освобождала вокзал, штурмовала юнкерское училище. Действовала бесстрашно, увлекаемая своим командиром. И это не осталось незамеченным - Григорий Иванович был награжден знаком одесской Красной гвардии.

Трудящиеся Одессы под руководством большевиков отстояли в городе власть Советов от внутренней контрреволюции, но на Днестре сосредоточились румынские войска, готовые в любой момент перейти в наступление. В Одессе начали спешно формировать отряды красногвардейцев на Советско-румынский фронт.

«Румчерод» поддержал и начавшееся формирование Особой армии, подчинил ее Одесскому округу и ввел в состав 3-й революционной армии иод названием Тираспольского отряда. Григорий Иванович получил четкое предписание по дальнейшему формированию и использованию частей Тираспольского отряда, ему выдали специальный мандат, которым удостоверялось, что Котовскому Григорию Ивановичу как испытанному и боевому товарищу поручается организация боевых частей дли освобождения Бессарабии от ига империализма.

Возвратившись в Тирасполь и передав командованию Тираспольского отряда предписание «Румчерода», Котовский энергично принялся за формирование кавалерийского отряда, и через несколько дней он был создан из добровольцев-молдаван. Приказом командующего 3-й революционной армией П.С. Лазарева отряд пополнили бойцами из маякского конного отряда и отрядом пехотинцев под командой И. Годунова, коммуниста, делегата Второго Всероссийского съезда Советов. Таким образом, под началом Котовского стало 127 конников и 160 пехотинцев. Годунов фактически стал комиссаром отряда.

Пока шло формирование отряда, Котовский заслал разведчиков на правый берег Днестра, чтобы получить данные о дислокации румынских войск, о местах и численности постов и заслонов, о строительстве новых оборонительных сооружений. Часто в разведку ходил Костя Гарбарь. При отступлении из Бендер он остался в отряде и теперь, не вызывая особых

подозрений, ходил от села к селу, выведывая все, что необходимо было для успешного налета на врага.

Дерзко и каждый раз неожиданно отряд Григория Ивановича прорывал оборону противника, «гулял» по его тылам, громя штабы, уничтожая гарнизоны в селах и помещичьих усадьбах, налетая на обозы. Возвращались всякий раз с большими трофеями.

Командование 3-й революционной армии и Тираспольского отряда планировало общее наступление против румынской армии. Первый удар, от которого зависел общий успех операции, был поручен отряду Котовского.

Утром 4 февраля его вызвали в штаб и приказали принять командование над специальным отрядом для участия в операции.

Нужно было, переправившись через Днестр в Слобод- зее, совершить налет на Кицканы. Вместе с бойцами Котовского должен был действовать отряд из астраханских казарм Тираспольской заставы. Переправу планировалось поддержать артиллерийским огнем. Начало артподготовки в два часа.

Приказ бойцы Котовского выполнили в срок, и 3-я революционная армия перешла в решительное наступление. Ему предшествовала большая организационная и агитационно-пропагандистская работа. Во всех подразделениях были проведены митинги, на которых выступили члены военного совета Е.М. Венедиктов, И.И. Горькавый, И.А. Рожков, И.Э. Якир, Я.Д. Мелешин и другие. На общем собрании делегатов полковых, ротных, батарейных и командных комитетов была принята резолюция: «Победа над румынской олигархией есть победа русской революции. Революция ждет от нас великих дел, подвигов и жертв. Вперед! Отступления нет! Смерть или победа! Да здравствует революция! Да здравствуют рабочие всего мира! Да здравствует социализм!»

Резолюцию эту горячо поддержали все бойцы Тираспольского отряда, в бой шли с ясным сознанием своего революционного долга.

Наступление началось успешно, и это вынудило правительство Румынии обратиться к Советскому правительству с предложением начать переговоры. СНК согласился с этим предложением: 5 марта 1918 года с Румынией был подписан мирный договор. Румыния обязалась в течение двух месяцев вывести свои войска из Бессарабии. Предусматривался и обмен военнопленными. Но договор этот румынское правительство не выполнило.

Воспользовавшись тем, что 9 марта немецкие войска

вероломно нарушили условия Брестского мира и вторглись в пределы Украины, подошли к Тирасполю и Одессе, румынские дивизии начали наступление с целью полной оккупации Бессарабии. Это еще более усугубляло и без того тяжелое положение наших войск. 3-я армия Лазарева, Тираспольский отряд Бенедиктова и другие войска, стоявшие на Днестре, оказались под угрозой полного окружения, и советское командование приняло решение отвести их на соединение с главными силами Южного фронта.

Григория Ивановича Котовского пригласил Евгений Михайлович Венедиктов.

- Тиски сжимаются. Румыны давят с юга, австро-немецкие войска рвутся к Одессе. По имеющимся сведениям, кайзеровцы намерены в ближайшие дни нанести удар в направлении Жмеринка - Бирзула - Раздельная.

Военный совет поручает вашему отряду создать оборонительный заслон у переправы в районе Дубоссар и вниз по течению реки, чтобы дать возможность основным силам оторваться от румынских войск. После выполнения задачи выйти на соединение с основными силами.

Выйти на соединение… Как скупо и буднично звучат слова приказа. А сколько испытаний, сколько отчаянной храбрости и самоотверженности нужно, чтобы выполнить приказ. Да и будет ли кому выходить на соединение? И другое может случиться - не согласятся уходить добровольцы-молдаване с родной земли…

- Понимаю, трудно, Григорий Иванович, - продолжил Венедиктов, - но кто лучше тебя и орлов твоего отряда справится? Скажи? - И, не ожидая ответа, добавил: - И вот еще что - поговори с бойцами. Остаться с тобой должны только добровольцы. А после выполнения задачи, если кто захочет, пусть остается в Бессарабии. Не неволь.

- Все ясно.

Попрощавшись, Котовский поспешил в отряд. Как только румыны узнают, что на Днестре остался всего лишь небольшой отряд, они возобновят попытки форсировать реку с еще большей настойчивостью. И если не подготовиться к тому бою хорошо, то и приказа не выполнишь, и отряд погубишь. Сомнут румыны.

Бойцы отряда собрались быстро. Все, кроме наблюдателей, которые остались на огневых точках. Молча курили. Ждали, что скажет командир. Неспроста же собрал он их всех.

Котовский заговорил о сложной боевой обстановке, в которой оказались Тираспольский отряд и вся 3-я революционная армия, о принятом решении отходить на соединение с войсками Южного фронта, о том, что их отряду приказано прикрыть отход.

- Я уверен, что бойцы нашего революционного отряда с честью выполнят свой пролетарский долг. Я хочу спросить о другом: как мы поступим, когда выполним приказ? Отойдем на соединение с главными силами или останемся здесь, в Бессарабии? Нам дано право выбора.

Вопрос непростой. Многие молдаване пришли в отряд, чтобы вместе с Котовским биться за свою землю, чтобы изгнать ненавистных оккупантов из своей деревни, со своей земли, отнятой совсем недавно у помещиков. Они жили мечтой о труде на свободной молдавской земле. На скорое возвращение домой они стали надеяться после подписания мирного договора с Румынией. И вот прошло всего лишь несколько дней, а так резко все изменилось. Надежды рухнули, мечты не сбылись. Нужно уходить. Куда? В неизвестность. Не лучше ли уйти в кодры? Партизанить, пока не вернется Красная Армия?

- В кодры надо подаваться, - как бы подытоживая раздумья всех, неуверенно предложил кто-то из бойцов.

- Верно, - поддержали его. - Дома и стены помогают…

- Командир наш опыт имеет…

- Да, имею. Наводил страх наш отряд на притеснителей народа. Верно и то, что стены нам помогали - крестьяне и рабочие поддерживали крепко. Но и ссылка была. Приговор тоже был: казнить через повешение…

Григорий Иванович сделал паузу, как бы подчеркивая, что сейчас скажет самое главное:

- Может, кто подумал, что это, дескать, Котовский труса празднует? Нет, смерти я не боюсь. Но твердо знаю: в одиночку даже вот таким отрядом помещикам хребет не переломать. Когда все вместе, - он поднял сжатый кулак, - тогда мы сильны. Каждый из вас волен решать, где быть. Я же после выполнения приказа догоняю Тираспольский отряд. И вернусь сюда вместе с ним. Обязательно вернусь! Освободим Бессарабию непременно! Решайте, кто со мной.

Остались почти все, и взволнованный Котовский, построив отряд, повторил приказ, полученный от Бенедиктова.

С честью выполнили приказ котовцы. Они удерживали в своих руках переправу, не давая возможности противнику форсировать Днестр до тех пор, пока все части и тылы Тираспольского отряда не вышли из зоны соприкосновения с румынскими войсками. И только тогда Котовский снял отряд с боевых позиций и вывел его форсированным маршем на Раздельную.

Но, как выяснила разведка, станция и город уже находились в руках противника. Тираспольцы отошли к Березовке. Положение

не из легких. Вот-вот румыны, которые наверняка уже обнаружили, что переправы не обороняются и начали беспрепятственное форсирование Днестра, догонят отряд.

После короткого совещания с командирами Котовский принимает решение, не теряя времени, с боем прорваться к своим. Он посылает усиленные разведгруппы, чтобы они «прощупали» систему обороны австро-немецких войск.

На рассвете отряд Котовского стремительным ударом прорвал оборону противника и вышел из окружения. Вышел вполне боеспособным.

После успешного прорыва у отряда появилась возможность передохнуть, закупить фураж и продовольствие. Но в деревне Березовке, где разместились котовцы, их поначалу встретили настороженно и даже враждебно. Оказалось, крестьян терроризировала анархистская банда атаманши Маруси. «Именем революции» они грабили население деревень, налагали контрибуцию. Вот и сейчас, ворвавшись в Березовку, атаманша потребовала «для нужд революции» кругленькую сумму денег. Условие такое: либо через сутки жители Березовки соберут деньги, либо все будут перерезаны.

Так бы и получилось, не вмешайся Котовский. Он потребовал, чтобы банда немедленно покинула Березовку, а если этого не сделает добровольно, будет вышвырнута силой.

До вооруженной схватки дело не дошло. Банда, почувствовав, что ей несдобровать, спешно исчезла. Благодарные жители снабдили отряд Котовского всем необходимым. Котовцы стали желанными гостями в любой хате.

Недолго длился отдых. Вражеские войска вновь начали наступление на Одессу, на Луганск и Екатеринослав, и Тираспольский отряд вынужден был отходить дальше на восток, к Екатеринославу, ведя сдерживающие бои. Первые дни отступления проходили планомерно, эшелоны почти беспрепятственно двигались от полустанка к полустанку, сминая мелкие вражеские заслоны. В нескольких десятках километров от Екатеринослава, в районе Пятихаток, на пути Тираспольского отряда встали вражеские полки, наступавшие от Знаменки и Кременчуга.

Жестокий бой длился двое суток. Красноармейцы сдержали натиск противника, устояли, а затем с боями начали отходить к Днепру, взрывая за собой мосты и железнодорожные пути. Но враг наседал. Переправа через Днепр могла стать трагическим концом для Тираспольского отряда. Значит, нужно остановить противника, задержать его, чтобы дать возможность переправиться и боевым частям, и тылам. И эту сверхтрудную

задачу поставили перед отрядом Котовского.

Здесь отряду пришлось еще трудней, чем у переправы в районе Дубоссар. Там хорошим помощником выступала водная преграда, здесь - лишь небольшие господствующие высоты, перед которыми тянутся глубокие, густо поросшие кустарником овраги. В них противник мог скрытно сосредоточивать свои силы для очередной атаки. Да и сил вражеских здесь побольше, боеспособность их тоже повыше. Правда, отряд тоже усилен станковыми пулеметами, а в умелых руках «максим» неприступен.

Семь бессонных ночей и семь дней почти без передышки сражался отряд. Многих бойцов недосчитались на высотках у Пятихатки, когда получили приказ отходить. Погиб в тех боях и Годунов, отважный коммунист, верный друг и помощник Котовского.

8

Части Красной Армии отступали с тяжелыми боями.

Неожиданно обрушилось еще одно бедствие - началась эпидемия испанки. Тяжело заболел и Котовский. Его положили в госпиталь в Екатеринославе, но лечение «прервали» деникинцы. Они захватили Екатеринослав, и Григорию Ивановичу едва удалось бежать из города.

Лечиться дальше он отказался и настоял, чтобы его направили в Одессу на подпольную работу.

С большим трудом добрался Котовский до Одессы. Документы у него в полном порядке - он помещик Золотарев, едва унесший ноги от большевиков. Явки, как ему сказали, верные и хорошо законспирированные.

Котовский был ошеломлен увиденным. Кто только не хозяйничал, прогуливаясь по одесским улицам! Чопорно выхаживали немцы, важно - гайдамаки, считавшие себя главной силой в столице «Черноморской республики». Претендовали на лидерство и деникинцы.

Все считали себя освободителями и беспощадно расправлялись со всеми, кто не принимал «свободы» из их окровавленных рук, буквально терзали трудовую Одессу, грабили ее и днем и ночью, арестовывали и расстреливали без разбора, без суда и следствия.

Явки, полученные Котовским, оказались проваленными, и теперь ему самому, на свой страх и риск, нужно искать выходы на большевистское подполье. Непредвиденное испытание. А ведь он еще не окреп как следует после испанки, измотал его и долгий путь до Одессы. У Котовского важное партийное задание - создать в Одессе диверсионный отряд и действовать под руководством подпольного областкома партии и его Военно-революционного комитета. И нужно выполнить это задание во что бы то ни стало.

Выход один - связаться с теми, кого он знал как доверенных и надежных людей еще в те годы, когда возглавлял боевой отряд, и потом, после Февральской революции. Одним из таких надежных товарищей, поддерживавших Советскую власть, был врач госпиталя Колесников. На нем и остановился Котовский-Золотарев. Он-то уж наверняка поможет. Надеялся Котовский застать в госпитале бойца своего отряда Виктора Гарского, который после ранения во время прорыва через Раздельную был направлен в одесский госпиталь. Вдвоем, думал Григорий Иванович, начинать легче.

Ему повезло. Гарский находился еще в госпитале. Под другой

фамилией.

- Устройте мне свидание с ним наедине, - попросил обрадованный Котовский врача Колесникова, - есть о чем поговорить.

- Наговоритесь еще вволю. В одну палату с ним положу. Вид у вас хуже некуда. А тем временем подумаем, что предпринять.

Две недели лежал Григорий Иванович в госпитале.

Он нервничал, обвинял врача в неповоротливости, даже в трусости и не знал, как глубоко в подполье ушли оставшиеся в Одессе большевики. Да и осталось их совсем немного. Одни покинули город с отступающими частями Красной Армии, иных арестовали, и они либо томились в тюрьме, либо были расстреляны, а те, кто остался на свободе, вынуждены скрываться на рабочих окраинах, временно затаиться. Наладить с ними связь оказалось весьма трудно. Но нашел к подпольщикам тропку Колесников и привел к ним Котовского.

Встретился Григорий Иванович с руководителем Бессарабского бюро при областкоме партии большевиков И. Криворуковым. Когда-то они вместе защищали Кишинев от румынских захватчиков, бились под стенами Бендер, отступали в Тирасполь и форсировали Днестр. Он и связал его с председателем Одесского военно-революционного комитета. Подробно обсудили планы создания боевого отряда, определили его цели и задачи, наметили способы связи и оповещения. Базовую явку определили в табачной лавке на Новом базаре. При необходимости Разрешалось пользоваться явками на Большом Фонтане в Домике с вывеской «Часовых дел мастер», в ателье «бывших парижских портных», что разместилось неподалеку ˚т Оперного театра, либо в кабачке «Открытие Дарданелл», который держал в Колодезном переулке старый большевик Мартын Лоладзе. Старались предусмотреть буквально все. Ведь малейший промах мог стоить жизни многим членам боевого отряда. В Одессе в те дни действовало несколько контрразведок. Хотя они и не ладили друг с другом, но, если дело касалось большевиков-подпольщиков, все распри забывались, поэтому законы конспирации нужно соблюдать с величайшей тщательностью.

Обосновавшись в шикарной гостинице, Котовский принялся заводить знакомства, и вскоре у него появилось много друзей среди офицеров, купцов и даже духовенства. Теперь он многое знал об обстановке в городе, о планах белогвардейцев, что помогало ему действовать более осмотрительно. В военно-диверсионную группу он подбирал только тех, на кого полагался как на себя. Это были люди, прошедшие испытание в прежней

борьбе с помещиками и капиталистами, румынскими и немецко-австрийскими захватчиками, те, с кем создавал знаменитую «тюремную республику» и боролся против контрреволюционных сил Одессы после Февральской революции.

Подготовка шла успешно. Вскоре отряд был создан и в целях конспирации разбит на пятерки. На его плечи легли самые опасные поручения подпольной большевистской организации. День и ночь Котовского искали шпионы, за его голову австро-немецкие оккупанты назначили большую награду, но он был неуловим. К марту 1919 года его отряд уже насчитывал 250 бойцов. Успешно действуя, отряд осуществил ряд диверсий на железных дорогах, парализовал действия белогвардейской и иностранной контрразведок.

В табачную лавку аккуратно доставлялись пачки, завернутые в плотную бумагу. Но в них частенько вместо папирос «Сальве» закладывались большевистские прокламации, листовки, газеты. А их дальнейший путь - заводы, фабрики, подразделения «добровольцев», корабли и казармы интервентов. Сила воздействия большевистской печати была столь велика, что французское командование начало принимать самые экстренные меры, чтобы оградить свои войска от большевистской пропаганды. Командующий войсками Антанты на юге России Вертело образовал особый комитет по борьбе с большевистской агитацией. Одесским подпольщикам удалось перехватить радиограмму, в которой Вертело просит прекратить посылку новых десантных войск ввиду брожения среди солдат одесского союзнического гарнизона.

После телеграммы не прибыло ни одного французского транспорта.

Котовский, выполняя задания областкома, постоянно искал новых верных помощников. С одним из них, Гарри, встреча произошла в маленьком кафе на Преображенской улице. Мужчина атлетического сложения бросил швейцару шубу с бобровым воротником и направился к столику, где сидели Гарри и Павел (их знакомил П. Онищенко).

- Тот самый, что ты просил, - сказал Котовскому Онищенко, указав на Гарри.

Григорий Иванович долго смотрел Гарри в глаза, а затем крепко пожал ему руку и, усаживаясь, представился:

- Гриша.

Пока Котовский вполголоса переговаривался с Павлом о своих делах, Гарри внимательно его рассматривал: напомаженная голова, черные волосы причесаны на прямой пробор, коротко подстриженные усики, в углу рта - незажженная гаванская

сигара…

Гарри не таким представлял себе легендарного Котов-ского. За столиком сидел не то циркач, не то маклер с черной биржи. Смокинг облегал его могучие плечи, казалось, стоит только «Грише» сделать резкое движение, и костюм его треснет по всем швам. Кстати, гримировался Котовский всегда сам и делал это профессионально.

Онищенко вскоре ушел.

- Мне нужны п-парни, - чуть подавшись вперед, проговорил Котовский, - абсолютно надежные, готовые на все, п-понимаешь? На все!

Они нужны для того, чтобы скрытно, не вступая в прямой контакт с иностранной коллегией при областном комитете партии помогать ей распространять большевистскую литературу среди иностранных солдат.

Военно-диверсионный отряд Котовского не только распространял печатную продукцию подпольной типографии, но и охранял ее.

Подпольный областком выбрал для типографии место в катакомбах у села Куяльник. Вход в катакомбы был через один из домов. Казалось, все предусмотрено, чтобы избежать провала, однако ищейки контрразведок едва не нашли ее. Они определили район, где она может находиться. Подразделения солдат наводнили Нерубайское, Усатово и Куяльник, начались обыски. Но тщетные. Котовский заранее предупредил секретаря областного комитета партии Елену Соколовскую, и полиграфистам запретили выходить из катакомб без приказа.

Четыре дня шел обыск в селах. Четыре дня полиграфисты-подпольщики находились в промозглой темноте, полные тревожного ожидания. Руководил этим самоотверженным коллективом полиграфистов Л.И. Картвелишвили - товарищ Лаврентий, коммунист с 1910 года, опытный революционер.

Контрразведчики, однако, не хотели уходить с пустыми руками. Они арестовали в селе ни в чем не повинных четверых парней и увезли с собой.

Через три дня истерзанные труны парней привезли в Куяльник. В кармане одного из замученных, Ивана Тимошенко, подпольщики нашли записку: «Берегитесь, на похоронах будут следить». Кто-то из неизвестных друзей предупреждал об очередной опасности.

Подпольщики остро нуждались в средствах. Григорий Иванович имел немалый опыт экспроприации богачей, который вполне мог бы пригодиться и теперь. Но тот способ, каким

пользовался Котовский в революцию 1905 года, сейчас не подходил. Налеты на помещиков, купцов и фабрикантов областком счел нецелесообразными.

Известны лишь два случая, когда Григорий Иванович «тряхнул стариной».

На одном из заводов Одессы в декабре 1918 года забастовали рабочие. Заводчик выдал организаторов забастовки полиции и прибегнул к помощи штрейкбрехеров, чтобы пустить завод. Котовский по поручению областкома пишет заводчику письмо, настоятельно предлагая выполнить все требования рабочих, арестованных освободить.

Реакция миллионера-заводчика обычная - звонок в контрразведку.

Контрразведчики взяли дом под свою негласную охрану. Но разве это могло остановить Григория Ивановича? Изучив схему охраны дома, он решил взять себе в помощники дерзость.

И вот… Поздно вечером у дома заводчика лихо осадил красавцев рысаков богато одетый кучер, который гордо восседал на козлах коляски. Двое слуг торопливо открыли дверцу и, склоняясь почтительно, помогли господину сойти на землю.

Дальше все шло как в детективном фильме. Из темноты выскочил дежуривший в засаде контрразведчик в гражданском платье и только хотел спросить гостя, зачем он пожаловал к хозяину дома, как услышал:

- Через двадцать минут здесь будет Котовский. Я приехал предупредить.

Эти слова барин бросил небрежно и уверенно, словно информирован был и о засаде, и о письме заводчику.

Что оставалось делать руководителю засады? Обойти посты и предупредить, чтобы подготовились к встрече с Котовским.

А он тем временем сбросил дорогую шубу на руки швейцара и поднялся в кабинет хозяина особняка.

Разговор с заводчиком занял менее десяти минут. В карманы Григория Ивановича перекочевали из сейфа деньги и драгоценности, заводчик дал письменное заверение в том, что удовлетворит полностью все требования рабочих и примет меры к освобождению арестованных.

Неспешно, так же уверенно, как и поднялся, Котовский покинул особняк. На прощание бросил офицеру:

- Я подошлю подмогу. Будьте внимательны.

Рысаки рванули в темноту, унося дерзкого гостя. А у особняка вскоре завязалась перестрелка. Контрразведчики засады приняли прибывшую по звонку заводчика подмогу за отряд Котовского.

Большую часть денег подпольщики раздали бастующим. Заводчик сдержал слово - пошел на уступки рабочим. Ради этого стоило рисковать.

Не меньше находчивости проявил Г.И. Котовский, когда по поручению областкома провел еще одну операцию по экспроприации денег и ценностей.

…Богатый помещик Остроумов принимал гостей. Обильный ужин с не менее обильной выпивкой. Музыка, танцы. Вечер, как говорится, удался. Но вот гости разъезжаются по домам, остаются лишь избранные.

Их игра в покер затянулась, а когда лакей доложил, что прибыл киевский архимандрит Зосима с визитом, гости и хозяин даже обрадовались. Появится новый партнер и оживит игру.

- Проси, проси.

Вошел высокий и плечистый священник с окладистой бородой и пышными, едва тронутыми сединой кудрями. Он охотно сел за карты и за игрой объяснил цель визита: не просто долг вежливости привел его в это богатое поместье, а желание послушать рассказ хозяина о том, какие новшества вводит уважаемый землевладелец на табачных плантациях.

Польщенный тем, что даже церковь наслышана о его новых агрономических методах, дающих хороший урожай табака, а значит, и приличные прибыли, охотно принялся Остроумов рассказывать о них. А гость тем временем брал взятку за взяткой. Но лишь до тех пор, пока не заметил, что хозяин и его гости начинают нервничать.

Игра шла бойко, ставки росли, разговор велся обо всем. Заговорили о Котовском. И это было естественно. Ведь буржуазные газеты стали вновь часто упоминать это имя на своих страницах, называя его атаманом банды грабителей. Любое убийство, совершенное в городе и окрестностях Одессы, любое ограбление приписывали ему.

- Руки коротки у Котовского, чтобы ворваться безнаказанно ко мне, - самодовольно похвалился Остроумов. - У меня под ковром, рядом с ножкой стола, - кнопка звонка. Вмиг будет схвачен.

Гости, особенно архимандрит, расхваливали предупредительность хозяина, и игра шла своим чередом. Ставки росли. И когда на столе скопилась большая куча денег, архимандрит неспешно поднялся и, вскинув револьвер, скомандовал грозно:

- Ноги на стол! Я - Котовский!

Однако главной заботой отряда была диверсионная работа. И

она велась успешно. Одна из участниц Одесского подполья коммунистка А.Н. Попенко в своих воспоминаниях отмечает, что наряду с большой агитационно-пропагандистской работой хорошо была поставлена военная и диверсионная работа, которую возглавлял Григорий Иванович Котовский. Отряд выполнял операции по борьбе с провокаторами, изменниками, шпионами.

По поручению Яна Гамарника Котовский берет под опеку отряды самообороны пригородных сел Маяки, Нерубайское, Греданицы, водопроводной станции в Вепяевке. Отряд совершает несколько налетов на склады с оружием и боеприпасами, пускает под откос немецкий эшелон.

Добытое оружие укрепило отряды самообороны, и те постепенно переросли в партизанские и уже вместе с котовцами захватывали немецкие обозы с награбленным добром и военным имуществом, взрывали железнодорожные пути, расправлялись с провокаторами и освобождали арестованных революционеров. Таким образом, силы отряда Котовского и масштаб его деятельности росли.

Осенью 1918 года контрразведка оккупантов нанесла ощутимый удар по подполью - многие руководители большевистского областкома, Военно-революционного комитета были арестованы.

В октябре 1918 года Яков Михайлович Свердлов пригласил Елену Соколовскую, Ивана Федоровича Смирнова, Ивана Евдокимовича Клименко, рассказал им о положении в Одессе. Там, по существу, обезглавлена партийная организация. Чтобы избежать полного провала, ЦК разрешил оставшимся на свободе членам областкома временно уехать из города и укрыться в надежных местах в деревнях, где они оказались бы в безопасности.

Яков Михайлович предложил всем троим выехать как можно скорее в Одессу и возглавить подпольный областном. И вот Иван Смирнов стал купцом Николаем Ласточкиным, Соколовская - Еленой Светловой, Иван Клименко - товарищем Сергеем.

Новый областном во главе с профессиональными революционерами вскоре наладил широкую и активную агитационно-пропагандистскую работу среди иностранных военных моряков и солдат и среди солдат Добровольческой армии. Принимал областном меры и к тому, чтобы увеличить боевой отряд Котовского. Вопрос военно-диверсионной работы обсуждался на заседании ревкома, было принято решение, официально подтверждающее подчинение отряда численностью 250 вооруженных бойцов революционному комитету обкома. Котовскому этим решением рекомендовалось довести отряд до

500 человек.

Отряд увеличился вдвое и успешно продолжал боевую работу. В состав нового пополнения деникинской контрразведке удалось внедрить своего осведомителя и по его доносу арестовать ближайших помощников Котовского. Близки деникинцы были и к тому, чтобы захватить и самого Григория Ивановича. Однако и его и всех оставшихся руководителей отряда успели предупредить, они сразу же сменили явки, пароли, выявили провокатора и днем прямо на улице расстреляли его. А ночью штурмом взяли тюрьму, освободили и своих товарищей, и всех политических заключенных.

О всех диверсиях Котовский докладывал Смирнову, они вместе обсуждали планы новых боевых выступлений. К тому времени не только в Одессе, а по всему югу Украины поднималась могучая волна народного протеста. В Приднестровье и в Балтском уезде появились крупные партизанские отряды. Один из них, которым командовали И.К. Дьячишин и Г.И. Старый, насчитывал до 10 тысяч бойцов. Он освободил Балту и Бирзулу и с боями продвигался к Одессе.

Подняли батраков и рабочих на борьбу с белогвардейцами и интервентами Белаевский и Маякский ревкомы. Созданные в тех районах крупные отряды также готовились к походу на Одессу. В этих условиях отряд Котовского решал одну из главных задач - обеспечение повстанческих отрядов оружием и боеприпасами.

Момент для всеобщего восстания Одесский областком выбрал самый подходящий. В Германии революция. Вот и спешили солдаты немецкой армии домой. Одни, чтобы встать на сторону революционного народа, другие, чтобы поскорей потопить революцию в крови. Как только эшелоны с немецкими войсками ушли из Одессы, в городе разгорелась борьба за власть. 11 декабря петлюровцы вытеснили добровольцев-деникинцев, однако те не хотели уступать директории.

Большевики решили использовать этот момент и поднять трудовой народ Одессы на восстание. К нему шла интенсивная подготовка. Но большевикам приходилось бороться не только с националистами и белогвардейцами, а и с меньшевиками и эсерами. 12 декабря 1918 года эсеры организовали в цирке митинг для поддержки директории. Большевики сорвали его. С риском для жизни (полиция и петлюровцы продолжали зверствовать) большевики вступили в открытую дискуссию с эсеро-меньшевистскими ораторами. Особенно страстной была речь Ивана Клименко. Он говорил об опасной для судеб революции предательской политике украинских националистов и не менее опасных действиях соглашательских партий; он

призывал поддержать Советы и Красную Армию. А в это время Григорий Иванович Котовский, который тоже присутствовал на митинге, разбрасывал с галерки большевистские прокламации.

Собравшиеся на митинг рабочие поддержали большевиков. Разгневанные тем, что эсеро-меньшевистские лидеры пытались обмануть их и руками трудящихся поддержать антинародный режим, участники митинга построились в колонну и направились к полицейскому участку. Колонна росла, к ней присоединялись все новые группы трудящихся, и когда демонстранты наводнили окрестные улицы и потребовали освободить политзаключенных, которые находились в камерах полицейского участка, их требования деникинцы выполнили немедленно.

Отряд Котовского в это время штурмом взял тюрьму и тоже освободил всех политических заключенных.

Все, казалось, способствовало восстанию народа в Одессе. Оно, однако, не произошло. 18 декабря в порту ошвартовались французские военные корабли, и крупный десант интервентов захватил город, В тот же день, учитывая изменившиеся обстоятельства, подпольный областной комитет партии большевиков на своем заседании принял решение отложить восстание, развернуть агитационно-пропагандистскую работу среди иностранных моряков и солдат. Для этого создать иностранную коллегию, наладить выпуск газеты «Коммунист» на русском, французском и греческом языках.

Вновь потянулись суровые будни опасного и трудного подполья. Интервенты начали свое хозяйничанье с массовых арестов. В соревнование с ними вступили «добровольцы», которые вернулись в Одессу при поддержке командования десанта, не меньшую прыть проявляли и петлюровцы. Одесса была как бы разделена на три сектора (петлюровский, деникинской Добровольческой армии и интервентов), хотя формально власть принадлежала деникинцам. Военным губернатором в Одессу прибыл назначенный Деникиным бывший колчаковский министр Гришин-Алмазов. Интервенты поставили для координации всех антиреволюционных действий своего консула - Энно. Он фактически и являлся хозяином Одессы, Николаева, Херсона и других городов Черноморского побережья, захваченных интервентами.

С этого плацдарма готовился удар по молодой Республике Советов, и подпольный областном делал все возможное и даже, казалось, невозможное, чтобы сорвать эти планы. Работа эта приносила заметные плоды. Все чаще и чаще французские, румынские, греческие и другие солдаты не подчинялись своим командирам и отказывались поднимать оружие против братьев по

классу - красноармейцев и партизан. 58-й Авиньонский полк, расквартированный в Бендерах, не захотел участвовать в операции против приднестровского партизанского отряда. Это позволило приднестровским партизанам, командовали которыми А. Гончаров и Г. Тарасенко, еще более активизировать свои действия. Партизаны разгромили в Тирасполе петлюровские части и восстановили в городе Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В помощь отряду А. Гончарова и Г. Тарасенко революционный комитет направил отряд Котовского. Он разместился в здании городского училища на улице Покровской и сразу же включился в активную борьбу. Более двух недель держались трудящиеся города при поддержке партизан, отбивая одну за другой атаки французских солдат, польских легионеров и петлюровцев. Но силы были неравными. Сдерживать натиск врагов становилось невозможно, и тогда Котовский отдал приказ защитникам города выходить из боя небольшими группами.

Через несколько дней отряд Котовского вновь вернулся в Одессу и ее пригороды. Нужно было помогать Красной Армии, которая уже приближалась к Черному морю. И бойцы взрывали железнодорожные пути, обстреливали составы с войсками, пускали их под откос. В одну из ночей котовцам удалось подорвать путь Одесса - Раздельная в 18 местах, что произвело большой переполох в лагере белогвардейцев и французских интервентов.

Областная партийная конференция большевиков, проходившая в начале февраля 1919 года в Одессе, приняла решение о подготовке вооруженного восстания. Подпольный Одесский областком поставил смелую и сложную задачу - привлечь к восстанию французских матросов и солдат. Намечены кандидатуры самых проверенных солдат для работы в частях французской армии и подготовки вооруженного выступления. Оно должно быть приурочено к выступлению партизан и рабочих. Основная тяжесть в этой работе ложилась на иностранную коллегию.

Не менее важная задача - вооружение новых рабочих отрядов. Отряд Котовского совершает несколько дерзких налетов на склады и вражеские эшелоны. Добытое оружие по указанию ревкома передается новым группам рабочих и крестьян, которые создавались в населенных пунктах Беляевка, Яссы, Нерубайское, Майкал. Котовцы обучают новичков стрельбе, тактике ведения боя, диверсионной работе. Отряд совершает рейды в районы Балты, Ананьева, Маяков, Раздельной, громя тылы

белогвардейцев, петлюровцев и интервентов, опустошая склады с оружием и боеприпасами.

Международная и внутренняя контрреволюция ответила на все эти действия пролетариата усилением репрессий. Аресты по подозрению, пытки на допросах стали обычным явлением. По доносу предателя, проникшего в ряды подпольщиков, интервенты арестовали и вскоре расстреляли одиннадцать коммунистов - работников иностранной коллегии.

Не сразу был найден провокатор. Но подпольщики все же узнали его имя. Это был Манн, немецкий офицер, французский шпион, правая рука генерала Франше д'Эспере. В Одесское подполье он проник как представитель группы «Спартак», посланный в Одессу для пропагандистской работы в немецкой армии. Но коль скоро немецкие войска вернулись домой, он, знавший хорошо французский язык, согласился выполнять поручения областкома по разложению французской армии. Действовал смело, изобретательно и вскоре обрел полное доверие руководителей областкома и иностранной коллегии.

Узнав некоторые явки и адреса квартир многих руководителей и пропагандистов иностранной коллегии, Манн предпринял хитрый ход, чтобы, предав подпольщиков, остаться чистым. Он предложил свои услуги по подготовке агитационной работы в Константинополе, где формировались воинские части для отправки в Одессу, уверив, что имеет возможность побывать там и даже взять с собой одного из работников иностранной коллегии.

Его предложение приняли. Разработали план действий, каналы связи, маршруты доставки литературы. Манн уехал, оставив французской контрразведке адреса явок, фамилии некоторых работников иностранной коллегии. Их сразу же схватили и в ту же ночь у еврейского кладбища расстреляли. Но не всех. Одному югославу, Стойко Раткову, удалось вырваться из рук палачей. Он видел все. И поведал подпольщикам о свершившемся злодеянии.

Весть о расстреле группы товарищей облетела Одессу, взбудоражила и возмутила рабочих, портовиков, рыбаков. Гришин-Алмазов доносил по команде: «В связи с сегодняшними похоронами можно ожидать крупных демонстраций. По полученным сведениям, несколько заводов прекратили работу. Некоторые на похороны предполагают явиться вооруженными…»

И в самом деле, похороны превратились в демонстрацию протеста, они еще раз напомнили интервентам и белогвардейцам о том, что трудовой народ Одессы не сломлен. На похороны одиннадцати расстрелянных собрались тысячи одесситов. На

многих фабриках и заводах работы были окончены в полдень. «Это был такой момент, - вспоминала Елена Соколовская, - когда совершенно не сознавалась опасность, во всяком случае, личная опасность, да и отчасти общая».

Елена Соколовская возложила венок на могилу расстрелянных. На красной ленте венка с одной стороны было написано: «От Одесского областного комитета Коммунистической партии большевиков Украины», а с другой - «Смерть убийцам! Да здравствует красный террор!» Возложила на глазах солдат, на глазах полицейских, контрразведчиков и их агентов.

Соколовскую побоялись арестовать на кладбище. Понимали, что народ не допустит этого. Не могли интервенты и белогвардейцы не учитывать и того, что отряд Котовского наверняка здесь, в толпе, и готов к действию. Не случайно же Гришин-Алмазов упоминал в донесении о том, что будут на похоронах вооруженные рабочие.

Агентов, пытавшихся «сесть на хвост» Соколовской, котовцы оттеснили, затолкали в толпу, а когда тем удалось высвободиться от «опеки», фаэтона, на котором укатила секретарь областкома, и след простыл.

Спешно менялись явки и конспиративные квартиры, адреса, которые мог знать Манн, менялись способы связи, по все же контрразведка успела нанести еще один ощутимый удар по подполью - вскоре после похорон был арестован Иван Смирнов, которого подпольщики ласково называли Ваня-младший. Его увезли в неизвестном направлении. Подпольщики оказались в полном неведении. В тюрьме Смирнова нет, в бульварном участке - тоже. На Екатерининскую площадь, в контрразведку, его не привозили. Где он? Жив ли?

Все выяснилось, когда в клуб профсоюза работников «Иглы» явился французский солдат с запиской. Смирнов сообщал, что его содержат на барже № 4, временно превращенной в тюрьму. Охраняют ее французы.

Выделили несколько боевых групп. Первую среди дня отправили в море на шлюпке. Ее пассажиры разыгрывали из себя веселую, полупьяную компанию. Чубатый гармонист старательно выводил «Солнце низенько, вечер близенько». Мелодия была своего рода позывными, а слова песни обозначали: «Жди, Ваня-маленький. Вечером тебя выручим».

Компания на лодке - это были товарищи Котовского. Им-то и было поручено освобождение Смирнова. Они должны были отбуксировать баржу в море, перебить охрану и вызволить всех заключенных.

Котовский «присвоил» себе звание полковника, у которого на руках был «приказ» за подписью самого Гришина-Алмазова. Все выглядело весьма достоверно. Ночью буксирный катер с «добровольцами» на борту подошел к барже. Котовский действовал решительно и быстро. Охрана баржи беспрекословно подчинялась - повлиял даже не «приказ», а тон, каким говорил с начальником охраны «полковник» - высокомерный, отрицающий всякое сомнение, а тем более возражение. Вывезти в море и расстрелять заключенных требуется немедленно, ибо красные приближаются к Одессе, они ведут бои под Березовской.

Заведен буксир, курс взят в море. А когда отошли на довольно приличное расстояние от берега, чтоб не слышны были там выстрелы, «контрразведчики» разоружили охрану.

Среди политических заключенных Смирнова не оказалось. Его еще накануне, как позднее выяснилось, зверски избили и полуживого, привязав к ногам камень, выбросили в море.

Котовский решил отомстить извергам за смерть Ивана Смирнова. Он готовит план нападения на деникинскую контрразведку. Эту сложнейшую операцию Григорий Иванович планировал провести совместно с балтийским моряком Анатолием Железняковым.

Обязанности распределили так: группа Железнякова «достает» французскую машину и трехцветный флажок, а отряд Котовского - форму деникинских офицеров.

Получив сведения, что в Одессу приезжает офицерская делегация из Екатеринодара для обсуждения плана дальнейшей борьбы с большевиками и что торжественный прием намечено провести в ресторане «Реномэ», Котовский решил воспользоваться этим. Тем более что швейцар в ресторане - подпольщик.

Неожиданность в диверсии, как и во всем военном деле, - залог успеха. Так все и произошло. Пропажа шинелей всполошила контрразведчиков. Они сразу же предположили, что это дело рук Котовского. Начальник контрразведки спешно пишет донесение, требует немедленно прислать из Кишинева полицейских, которые хорошо бы знали в лицо «атамана шайки», офицеры контрразведки поднимают на ноги свою агентуру, а Котовский, Железняков и их боевые друзья мчатся в это время на французской машине в форме офицеров добровольческой армии по улицам Одессы к Екатерининской площади.

Машина лихо подкатила к подъезду, часовой, едва успев окликнуть: «Стой! Кто идет!» - замолк, сдавленный крепкими руками Григория Ивановича. Котовцы ворвались в штаб.

Быстро вскрыли сейфы и извлекли оттуда списки тех, кого белогвардейцы намеревались арестовать, а также списки

осведомителей и агентов. И когда деникинское командование подняло по тревоге расквартированные в городе части, участники дерзкого налета уже находились на своих конспиративных квартирах, пережидали начавшиеся облавы и повальные аресты.

Но долго отсиживаться времени нет. Части Красной Армии с боями приближались к Одессе, и им нужна была помощь. Необходимо спасать и политических заключенных, да и сотни невинных, схваченных во время облав, которых могут интервенты и белогвардейцы перед отступлением расстрелять. Этого допустить нельзя. И отряд Котовского вновь в боевой готовности.

Первая операция - штурм тюрьмы. Проходит она успешно. Тюрьма захвачена, узники освобождены. Среди тех, кого котовцы спасли от расстрела, - связные областкома А. Попенко и Ф. Жуковская.

Вторая операция - спасение ценностей Государственного банка, спасение народного достояния. Дружинники, снова переодетые в форму деникинских офицеров, средь бела дня подкатили к зданию банка на трех машинах. Их строгий командир предъявил предписание о вывозе денежного и золотого запаса и, не принимая никаких возражений, приказал немедленно приступить к погрузке.

А через два часа к банку подъехали деникинские машины. Но подвалы его уже были пусты.

По решению областкома партии вооруженные группы рабочих Пересыпи, Слободки, Молдаванки, водопроводной станции в Беляевке подняли восстание. Возглавил его отряд Котовского. Над городской думой был поднят красный флаг, восставшие, заняв все улицы и переулки, ведущие к порту, начали обстреливать интервентов и белогвардейцев, пытавшихся эвакуировать некоторые части, а также награбленное имущество и ценности. Огонь велся с чердаков и крыш, с балконов, неся смерть захватчикам. Среди оккупантов поднялась неимоверная паника, эвакуация затормозилась. Воспользовавшись этим, отряд, возглавляемый Котовским, отбил несколько вражеских артиллерийских батарей и обозов с награбленным добром.

Восстание явилось большой помощью частям Красной Армии, которые вели уже бой на подступах к Одессе. В тот критический момент отказался выступить против красноармейцев 19-й Нимский полк (французский); его поддержали солдаты 7-го инженерного полка французских войск. Вносилось даже предложение не эвакуироваться, а перейти на сторону Красной Армии. Французское командование объявило Одессу на осадном положении, а солдаты союзнических армий начали братание с трудящимися города. Войска интервентов, а особенпо

французские, выходили из подчинения командиров. А генерал Вертело вынужден был донести в Париж об истинном положении дел и настоятельно просить, чтобы был отдан приказ о немедленном отзыве войск с юга России.

2 апреля 1919 года войска союзников получили приказ об отходе в Румынию и спешно стали грузиться в эшелоны. Воспользовавшись этим, вооруженные рабочие захватили телеграф, почту, казначейство, банк, типографию. Рабочие под руководством большевиков сформировали городской Совет, который взял в свои руки всю власть в городе и наладил выпуск «Известий Одесского Совета рабочих депутатов».

Красная Армия взяла Березовку, последний крупный узел сопротивления белогвардейцев и интервентов. Захвачены большие трофеи. В Москву В.И. Ленину послано донесение о победе и отправлен один из трофейных танков. В.И. Ленин ответил бойцам теплым письмом: «Этот подарок дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство геройства украинских братьев, дорог также потому, что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильной Антанты» [1] .

1 мая 1919 года трофейный танк был выставлен на Красной площади.

9

Одесса свободна. Важный стратегический порт в руках Советской власти. Еще одна победа в цепи общих успехов Красной Армии, успехов революционного народа. «Социалистическая республика делает неслыханные усилия, - писал, подводя итоги года кровопролитной войны, В.И. Ленин, - приносит жертвы и одерживает победы; и если теперь, в результате года гражданской войны, взглянуть на карту: что было с Советской Россией в марте 1918 года, что стало с нею к июлю 1918 года, когда на западе стояли немецкие империалисты по линии Брестского мира, Украина была под игом немецких империалистов, на востоке до Казани и Симбирска господствовали купленные французами и англичанами чехословаки, и если взять карту теперь, то мы увидим, что мы расширились неслыханно, мы одержали победы громадные» [2] .

Но еще большую часть советской территории удерживали в своих руках интервенты и белогвардейцы, а империалисты стремились собрать в кулак все антисоветские силы для нового удара. Еще гуляли кулацкие банды по русским и украинским губерниям, еще стонал под ярмом румынских оккупантов народ Бессарабии. Ждали помощи от революционной России молдавские трудящиеся, чья кровь лилась в неравной борьбе за свободу и землю.

В эти дни Котовский встречается с секретарем губкома партии Яном Гамарником, поверяет ему свои планы развертывания партизанской войны на бессарабской земле. Предложения Котовского оказались настолько убедительными для Военно-окружного комиссариата, что буквально через несколько дней после освобождения Одессы, 13 апреля 1919 года, Григорий Иванович получает подписанный военкомом мандат за номером 213, в котором говорилось, что «тов. Котовскому Григорию Ивановичу как испытанному и боевому товарищу поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма…».

Григорий Иванович выехал в Тирасполь, где и начал формировать отряд, костяком которого стали его боевые товарищи по Одесскому подполью и бывшие партизаны-молдаване. Через неделю, 20 апреля 1919 года, Котовский был назначен руководителем Овидиопольского военного комиссариата. Новые обязанности не мешали продолжать работу по подготовке партизанской войны в оккупированной Бессарабии. Как вспоминает один из подпольщиков-одесситов, Н.В. Копылов,

Григорий Иванович всесторонне изучал возможность внезапно форсировать Днестр на рыбацких лодках. Но два события помешали осуществлению этого замысла. Румынское командование, словно разгадав его, а может узнав о нем, направило из Аккермана в Овидиополь монитор. Налет оказался неожиданным, корабль беспрепятственно приблизился к пристани и открыл в упор огонь из пушек и пулеметов по сосредоточенным там лодкам. Почти все они были потоплены.

А вскоре было принято решение о формировании новых частей Красной Армии и подготовке их к боям за освобождение Бессарабии. Отряд Гончарова приказом штаба 3-й Украинской советской армии получил статус полка и полковое знамя. Котовскому же поручили имеющимися в его подчинении силами организовать охрану границы по Днестру, одновременно начав формирование кавалерийского отряда.

Предстояла трудоемкая работа, требующая отдачи всех сил. Условия фронтовые. Румыны обстреливали Маяки, а особенно Беляевку, где находилась водопроводная станция. На левый берег Днестра постоянно переправлялись диверсионно-разведывательные группы, а то и целые воинские подразделения. Их нужно было встречать и уничтожать, чтобы оградить тылы 3-й Украинской армии, которая готовилась к освобождению Бессарабии. Необходимо было и принимать пополнение личного состава, обеспечивать его оружием и боеприпасами - одно только это держало в постоянном напряжении, а тут еще заботы, связанные с созданием практически нового отряда. Вот и приходилось в те дни Григорию Ивановичу выполнять обязанности и боевого командира, и агитатора, и фуражира, и квартирмейстера. И не осилил бы всего этого он, если бы не действенная помощь боевых друзей.

Многие из них проникли даже в Бессарабию, чтобы разнести весть о том, что Котовский формирует отряд.

Сам Григорий Иванович ездил в Беляевку, Ясски, Троицкое и другие города и села, проводил там митинги, призывал добровольцев записываться в отряд.

Авторитет Котовского в той работе играл огромную роль. Желающих воевать под командой Григория Ивановича было очень много. Приходили со своими лошадьми, переправлялись с риском для жизни из-за Днестра, и уже к началу мая отряд насчитывал более трех тысяч добровольцев.

Новые задачи, новые заботы. Умеющих сноровисто косить и держать ручки плуга нужно было обучать так же умело держать винтовку и шашку, нужно не только объяснить, какое значение имеет для революционной армии дисциплина, но и добиться,

чтобы бойцы осознанно выполняли приказы командиров. Идти в бой с отрядом анархистов-партизан Котовский не мог, да и не имел права. Люди вручили ему свои жизни, и он обязан был думать о том, как сохранить их в предстоящих тяжелых боях. Сохранить, побеждая. Котовский сам почти ежедневно проводил политбеседы с личным составом отряда, разъяснял политику партии по аграрному вопросу. Сутки командира уплотнены до предела; стычки с прорывающимися диверсионно-разведывательными группами врага, боевая учеба на стрельбище, на тактических полях, где приучались люди и кони к лихим атакам, к переправам через водные преграды. Части готовились к форсированию Днестра, к решительным боям с оккупантами и ждали со дня на день приказа о наступлении.

И он был дан 1 мая 1919 года, после того, как Советское правительство исчерпало все возможности мирного решения бессарабского конфликта.

В тот же день части Красной Армии успешно форсировали Днестр. На освобожденной территории было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, возглавил которое И.Н. Криворучко. Советская власть была установлена во всех освобожденных населенных пунктах, земля возвращалась ее истинным хозяевам - крестьянам.

Все шло по задуманному плану. Красная Армия наступала. Казалось, близко уже полное освобождение Бессарабии и Буковины, а вслед за этим и возможность оказать братскую помощь народу революционной Венгрии. Но ни государства Антанты, ни внутреннюю контрреволюцию не устраивал такой исход. По указке из-за границы активизировали боевые действия деникинцы, петлюровцы, а вслед за ними поднял контрреволюционный мятеж Григорьев.

Никифор Григорьев - буржуазный националист, бывший штабс-капитан царской армии, владелец крупного хутора недалеко от Александрии. После Февральской революции Григорьев вступает в партию эсеров, а вскоре становится уездным военным комиссаром, затем командиром объединенных партизанских отрядов на Херсонщине, которые подчинялись эсеровскому Центрревкому Украины. Отряды эти боролись и с директорией, и с гетманщиной, но в то же время не признавали и Советскую власть.

Временное рабоче-крестьянское правительство Украины стремилось объединить все революционные силы в борьбе с контрреволюцией и поручило представителю Харьковской группы советских войск провести переговоры с Григорьевым. В результате его отряды (около 15 тысяч штыков и сабель) влились в состав

Красной Армии, а сам Григорьев стал начальником вновь сформированной дивизии.

Никто тогда не знал истинных целей Григорьева. Он же, выйдя из подчинения эсеровскому Центрревкому, надеялся низложить Советскую власть на Украине и объявить себя единственным правителем.

К этому готовился Григорьев исподволь. В его частях работало так называемое «информационное бюро», которое печатало и распространяло антибольшевистскую литературу. Григорьев сознательно разлагал дивизию, не замечал, что его подчиненные грабили освобожденные города и села, пьянствовали.

Не все Григорьеву удавалось скрывать. Многие факты становились известны и командованию, и советским партийным органам. Из Одесского губкома, в частности, сообщалось в ЦК о том, что Григорьев дебоширит и пьянствует, приказы, видимо, издает в пьяном виде, что он игнорирует справедливые требования партийных органов и командования о наведении твердой воинской дисциплины, но делает вид, что постепенно поддается воспитательному воздействию.

Григорьев вел хитрую игру. И выжидал. Одновременно он пытался заручиться поддержкой Махно, и тот даже послал своих «дипломатов» Козельского и Колиниченко для переговоров.

К началу мая, по мнению Григорьева, обстановка на юге России позволяла начать выполнение задуманного им авантюристического плана. Получилось так, что основные силы Украинского фронта были оттянуты далеко на запад, и в довольно большом районе оставались немногочисленные красноармейские отряды при военкоматах, которые вели борьбу в основном с кулацкими элементами, выступавшими против Советской власти. Григорьев со своим штабом и пятью полками как раз и размещался в этих районах.

Когда части Красной Армии полностью сосредоточились у Днестра и начали боевые действия, Григорьев нанес удар в спину. Его полки разогнали Советы в Александровском, Елисаветградском, Херсонском уездах, зверски убили более двадцати коммунистов-чекистов.

Командующий фронтом В. Антонов-Овсеенко, узнав о начавшемся мятеже, вызвал Григорьева по прямому проводу и предложил прибыть в Одессу для переговоров. Григорьев ответил:

- Через два дня возьму Екатеринослав, Харьков, Киев, Херсон и Николаев. Будет созван съезд Советов Украины, который создаст правительство народное.

Демагогические слова о демократии были лишь дымовой

завесой, прикрывающей его политический авантюризм.

9 мая 1919 года Советское правительство Украины объявило Григорьева и его сторонников вне закона: «Кто идет за Григорьевым, кто подстрекает к бунту против Советской власти, предатель и должен быть убит на месте. Солдаты Красной Армии! Бунт Григорьева - проклятая каинова измена. Да будет ему судьба Каина!»

Всего 14 дней потребовалось Красной Армии, чтобы ликвидировать мятеж. Многие из полков Григорьева вскоре поняли антинародную суть мятежа и при первых же столкновениях с частями Красной Армии большими группами переходили на их сторону. А самое главное - мятежников не поддержали крестьяне. Побоялся в тот момент пойти на прямой конфликт с Советской властью и Махно.

Однако мятеж, хотя и столь быстро ликвидированный, имел тяжелые последствия для Южного фронта. Вместо того чтобы продолжать наступление в Бессарабии, пришлось перейти к обороне. Румынские войска активизировались и нанесли удар в направлении Беляевки. Цель очевидна: захватить водопроводную станцию и, оставив без воды Одессу, вынудить ее к капитуляции. Первый Приднестровский полк и конный отряд Котовского отбивали атаки румынских войск, не давая им продвигаться вперед. Ни одной переправы румынам так и не удалось захватить, хотя они предпринимали отчаянные попытки, бросали в бой все новые и новые силы.

В тяжелые дни оборонительных боев был совершен и невероятной дерзости рейд на Бендеры. На рассвете 27 мая 1919 года отряд добровольцев численностью всего 120 человек скрытно переправился через Днестр и внезапно ворвался в город. В этот момент в Бендерах восстали рабочие, на сторону которых перешла часть французских солдат. Все произошло так неожиданно для оккупантов, что они, поспешно бросив оружие, боевую технику, в панике отступили.

Командование Южного фронта вновь начало готовить наступление на Бессарабию и Буковину с целью полного их освобождения. Накапливались силы, концентрировалась боевая техника, отрабатывались планы операции. 12 июня 1919 года состоялось объединенное заседание командования войск и представителей Советской власти в Тирасполе и прилегающих к нему районов. Шел разговор о состоянии готовности частей Красной Армии, железнодорожного и гужевого транспорта к освободительным боям, об организации снабжения войск боеприпасами, оружием, продовольствием и фуражом. Котовский в своем выступлении охарактеризовал политическое и в

особенности военное положение как крайне неустойчивое. Требуется сплочение всех революционных сил, организация скорейшего наступления на Бессарабию до начала жатвы, а также с учетом того, что неприятель не смог пока что подтянуть резервы.

Григорий Иванович в те дни занимался формированием воинских частей, проводил митинги и в самом Тирасполе, и в селах Приднестровья, обращаясь к рабочим и крестьянам с призывом добровольно вступать в ряды Красной Армии. Кроме того, он выезжал в Одессу и Раздельную, проводил совещания с железнодорожниками, которые должны были обеспечить бесперебойную работу.

К середине лета 1919 года закончилось формирование 45-й стрелковой дивизии. Командование дивизией принял Иона Эммануилович Якир. В состав дивизии вошли прославленный 5-й Заамурский полк, солдаты которого еще в грозные предоктябрьские дни решительно встали на сторону революции, 1-й Бессарабский, Приднестровский полк, а также отряд Котовского.

Григорий Иванович Котовский, приказом по дивизии от 3 июля 1919 года, назначен был командиром 2-й стрелковой бригады. Она состояла из 400, 401 и 402-го стрелковых полков, которыми командовали Колесников, Курковский, Криворучко. Кроме того, в бригаду вошли бывший конный отряд Котовского, реорганизованный в кавдивизион, легкий артдивизион, несколько партизанских отрядов из Бессарабии, Подолии, Причерноморья. И хотя основу бригады составляли молдаване, в нее входили и русские, украинцы, поляки, венгры, сербы.

Начальником штаба бригады назначили А. Каменского, который вместе с Котовским нес оборону Кишинева в январе 1918 года. Каменский умело командовал тогда одним из отрядов. Отличался он и личной завидной храбростью. Позднее Каменский исполнял обязанности начальника штаба 3-й Особой революционной армии.

Помогал готовить бригаду к боям комиссар Исай Павлович Шмидт - товарищ Котовского по одесской тюрьме и подполью. Член партии большевиков с 1917 года, умелый воспитатель, Шмидт сразу же завоевал большой авторитет среди бойцов и командиров бригады. К его советам, к его рекомендациям охотно прислушивался и Григорий Иванович.

45-й стрелковой дивизии, которая вошла в состав 12-й армии, был передан трехсоткилометровый участок фронта от Маяков (левый фланг) до Ямполя по берегу Днестра, а затем по линии

железной дороги до Волочиска. Бригада Котовского получила приказ оборонять участок фронта по левому берегу Днестра от устья реки Окны до села Дороцкого. И часто после трудного дня, проведенного либо в бою, либо на учениях, Григорий Иванович мечтал в кругу своих земляков о том дне, когда последний оккупант будет вышвырнут за Дунай, а над городами и селами их родной Бессарабии взовьются красные знамена - символ свободы и братства трудового народа.

Увы, до осуществления этой мечты предстоял еще долгий и нелегкий путь…

После разгрома Колчака в Сибири интервенты и белогвардейцы перенесли центр тяжести борьбы против Советской России на юг. Главный удар надлежало наносить армии Деникина. Оснащенные новейшей боевой техникой и самым современным оружием, белогвардейцы хлынули, разрывая малочисленные фронты, к Волге, Киеву, Москве. 30 июня пал Царицын. Захвачен белогвардейцами Екатеринослав. «Гуляет» по тылам Южного фронта конница Мамонтова. Ударная группа деникинцев по линии Курск - Орел - Тула рвется к Москве. Отечество в опасности, и ЦК обратился к партии, ко всей стране с письмом В.И. Ленина: «Все на борьбу с Деникиным!» На Южный фронт были направлены руководящие партийные и советские работники, новые части Красной Армии. Это дало возможность войскам Южного фронта уже в конце июля начать подготовку наступления против Деникина.

Первоначальный успех деникинцев воодушевил директорию. Она бросила сколоченные в Галиции дивизии в наступление, и те, потеснив части 1-й армии, вышли к 1 июля на линию Старо-Константинов - Новая Ушица - Могилев-Подольский. Главный удар петлюровцы нацелили на фронте 44-й и 45-й дивизий в направлении Жмеринки, Винницы и Одессы. Они стремились, вбив клин в стык 44-й и 45-й дивизий, расчленить северную и южную группы 12-й армии и выйти на соединение с многочисленными бандами, которые действовали на правобережье Днепра.

Имея численное преимущество и хорошее вооружение, петлюровцы частично выполнили свой план - они захватили Жмеринку, нарушив таким образом связь Одессы с Киевом.

В этой сложной обстановке командование 12-й армии принимает срочные меры для того, чтобы выправить положение. В экстренном порядке создаются ударные группы для контрнаступления. Одну из них возглавил комбриг Григорий Иванович Котовский.

Котовский не только быстро и хорошо подготовил 11 вверенные ему части для нанесения контрудара, но и сумел, опираясь на местные советские и партийные органы, привлечь к этой операции коммунистов-железнодорожников станций Бирзулы и Одессы. С их помощью был оперативно создан специальный отряд по обслуживанию бронепоездов «Имени Ленина» и «Республиканец», которые, обладая мощной огневой силой, сыграли важную роль в разгроме петлюровцев в Жмеринке.

10 июля Жмеринка была освобождена, связь Одессы с Киевом восстановлена. Бригаду Котовского усиливают двумя кавдивизионами, 1-м Бессарабским кавалерийским полком и матросским полком под командованием Стародуба.

Полк Стародуба выглядел внушительно: бескозырки с названиями боевых кораблей на ленточках; на ремнях - гранаты, револьверы, маузеры, а у иных даже кортики. Непременным атрибутом матросских боевых доспехов были пулеметные ленты, набитые патронами.

И в этом сразу виделась и полная неготовность к тому, чтобы вести долгий огневой бой, У пехотинца все проще: подсумок невзрачный, потертый, но в нем - обоймы, патрон к патрону. Вогнал в магазин винтовки - и бей врага. А из ленты матерчатой, новой, как правило, попробуй повытаскивай патроны в разгаре боя!

И Котовский и Шмидт с первого дня, как только им подчинили новые части, направили все силы на обучение красноармейцев. Хотя времени было в обрез: петлюровцы не давали передышки.

Буквально через два дня после поражения под Жмеринкой противник, перегруппировав силы, нанес удар в стык между 44-й и 45-й дивизиями. Оборонявшиеся части не смогли противостоять значительно превосходящим силам противника и вынуждены были отступить на линию Юлиамполь - Томагпполь - Мястковка и к Жмеринке. Одновременно с петлюровцами начали активные действия крупные банды Волынца и Ляховича в тылу 45-й дивизии. Банды, потеснив тылы 1-й бригады, захватили значительный участок железной дороги между Жмеринкой и Ярошенкой.

Успех петлюровцев и бандитов осложнил обстановку. Связь Киев - Одесса прервана. Разъединены 44-я и 45-я дивизии. Бригада Котовского в связи с тем, что 1-я бригада обнажила ее правый фланг, была поставлена под угрозу полного окружения.

Выводить полки? Отступать? Но тогда противник, развивая успех, сядет, как говорится, на плечи… И Котовский принимает

дерзкое решение - атаковать.

Успех превзошел ожидания. Бригада и приданные ей части сбили наступление петлюровцев у местечка Мурафа и, заняв Ямполь, начали стремительное наступление на Могилев-Подольский.

Однако уже через два дня наступление пришлось приостановить. Отбив у петлюровцев несколько населенных пунктов, матросы полка Стародуба слишком бурно отметили свою очередную победу. Полк даже не выставил боевого охранения и ночью был почти полностью вырезан внезапно напавшими петлюровцами. Центр бригады оказался оголенным.

Котовский, подняв по тревоге свой последний резерв (заградительный отряд и штабную команду), сам повел бойцов в бой, Противник был оставлен. Но наступать бригада уже не могла и заняла оборону на фронте Журавлевка - Комаргород - Ямполь.

Бои, бои, бои… Трудные, кровопролитные. Нужно было пополнять бригаду. К Котовскому добровольцы идут охотно. Особенно заметно окрепла бригада после того, как в нее влились участники Хотинского восстания.

В начале 1919 года доведенные до отчаяния крестьяне Хотинского уезда взялись за топоры. К восставшим потянулись все, кто имел оружие, кто не желал оставаться рабом. Но стихийно разгоревшееся восстание было слабо организовано, и этим воспользовались румынские оккупанты. Им удалось сломить сопротивление восставших. Пылали села, гремели залпы румынских карателей, расстреливавших без суда и следствия тысячи патриотов. Оставшиеся в живых крестьяне бежали на Подолию. Более 50 тысяч молдаван переправились через Днестр. Отходили за Днестр и вооруженные отряды повстанцев.

Петлюровцы с распростертыми объятиями встречали беженцев, намереваясь склонить их на свою сторону, чтобы использовать в борьбе с большевиками. Они угрожали, даже убивали непослушных, но хотинцы не подчинились петлюровцам, а начали вести против них партизанскую войну. Один из участников восстания, К.Е. Шинкаренко, ставший в бригаде Котовского командиром эскадрона, рассказывал, что в конце января 1919 года оставшиеся в живых хотинские партизаны перешли на левый берег Днестра. Собралось 40 человек. Они решили пробиваться к Жмеринке, чтобы соединиться с частями Красной Армии. Сделать им это удалось, и они вошли во 2-ю пехотную бригаду 45-й стрелковой дивизии. Все хотинцы дрались с петлюровцами мужественно, особой смелостью, храбростью и сметкой отличились Илларион Нягу, командир полка, эскадронный Каленчук, командир артбатареи Просвирин,

ставшие не только боевыми соратниками Григория Ивановича Котовского, но и его самыми близкими друзьями.

Дивизия вела успешные наступательные бои, продвигаясь к Могилеву-Подольскому, еще одно усилие, и разрыв между ней и 44-й дивизией будет ликвидирован. И тут из Одессы прибыло пополнение - 54-й Советский полк. Три тысячи отлично вооруженных бойцов. Полк имел 40 станковых пулеметов.

Торжественно прошел в Бирзуле парад полка. Принимал парад начальник политотдела дивизии А. Гринштейн. Командир полка Мишка Япончик произнес пламенную речь о преданности Советской власти. Бойцы - одесские налетчики, рецидивисты, карманники - самозабвенно кричали «ура». Все красиво, все достойно доверия. Тем более что полк сформирован Одесским ревкомом по настоятельному требованию самих уголовников, заявивших, что они готовы проливать кровь за Советскую народную власть.

В районе Крыжополя 54-й полк брошен в атаку, и противник был потеснен. Но с наступлением ночи полк начал таять. Комиссар полка Фельдман, пытавшийся приостановить бегство уголовников, был убит. Полк разбежался и унес с собой оружие.

После такого предательства нужно было спешно закрывать брешь, чтобы остановить наступление петлюровцев. Это сделали спешно переброшенные части, среди которых один из полков бригады Котовского.

В конце концов положение на фронте было восстановлено, а большая часть уголовников разоружена и предстала перед ревтрибуналом. Но слишком велика цена за чрезмерное доверие: дивизия так и осталась зажатой в полукольце. А через несколько дней в тылу восстали немцы - колонисты Страсбурга, Бадена, Канделя, Зельца, Гликстали. Их поддержали кулаки из сел Незавертайловки, Паркан, Малешт, старообрядцы села Плоского и другие антисоветски настроенные крестьяне. Восставшие захватили Балту, железнодорожные станции Ново-Савицкую, Кучурган, вышли на участок железной дороги Выгода - Раздельная. Они убивали коммунистов и руководителей местных Советов, жестоко расправлялись с продотрядовцами. Повстанцев поддержал петлюровский бронепоезд.

Боевые столкновения проходили с переменным успехом. Западный и южный районы Украины защищала 12-я армия в составе 44-й дивизии Щорса, 45, 47 и 58-й дивизий. Армия вела бои против петлюровцев, белополяков и румынских оккупантов, а также против кулачества, имея, таким образом, еще и внутренний фронт. Стремились отрезать основные части 12-й армии и деникинцы, чтобы зажать их в южной части Правобережной

Украины. Революционные бойцы бились самоотверженно, а ЦК партии и Советское правительство принимали все меры, чтобы помочь Красной Армии на Украине. Специальную директиву Реввоенсовета республики о скорейшем контрнаступлении на Южном фронте принимает Политбюро ЦК РКП (б) и направляет телеграмму за подписью В.И. Ленина:

«Политбюро ЦК просит сообщить всем ответственным работникам директиву ЦК: обороняться до последней возможности, отстаивать Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека».

Командование Красной Армии разработало специальный план обороны Украины с последующим нанесением контрудара по вражеским войскам. Согласно этому плану 45-й дивизии предстояло удерживать в своих руках район Одессы и Черноморское побережье до начала контрнаступления. Дивизия вошла в Южную группу, сформированную из трех дивизий.

Однако ни 45-я дивизия, ни вся Южная группа не смогли выполнить поставленные перед ними задачи. Вражеские войска, преодолевая отчаянное сопротивление красноармейцев, захватили Николаев и Херсон. 23 августа начали артиллерийский обстрел Одессы английские военные корабли. Двое суток в городе беспрерывно рвались снаряды разных калибров, а 25 августа в городе высадился десант интервентов и захватил его.

Вскоре пал и Киев. Южная группа оказалась в мешке, и, чтобы уйти от полного разгрома, ей следовало теперь прорываться на соединение с главными силами Красной Армии.

Предстоял невероятно трудный переход. Подготовка же к нему осложнялась еще и тем, что часть красноармейцев - а они в основном были жителями южных районов - поддалась агитации махновцев, которые, выдавая себя за революционеров, обвиняли командование Красной Армии в нежелании защищать Украину и призывали всех, «кому дорога свобода и независимость, остаться на Украине и вести борьбу с деникинцами».

Григорий Иванович в те дни совсем забыл об отдыхе. Он сам проводил митинги в частях и подразделениях, а вечерами, как бывало и прежде, разговаривал по душам с земляками. Они мечтали о скором освобождении родной земли. И соглашались, что во имя выполнения главной стратегической задачи - нужно идти на… север. Совсем немногие остались партизанить.

Бригада Котовского должна была прикрывать отход Южной группы. Четыреста километров фронта нужно Удерживать два-три дня, чтобы дать возможность основным силам Южной группы оторваться от противника.

Сутки прошли сравнительно спокойно. Противник пытался атаковать, но безуспешно. Котовцы оборонялись умело и храбро. Сам комбриг всегда появлялся там, где было труднее всего. В первый день фронт остался незыблемым.

Но, видимо, вражеская разведка донесла, что фронт фактически оголен, и уже на следующий день давление белых усилилось. А бригада стояла. Тогда противник изменил тактику. Он ввел свежие силы: Надднестровскую дивизию Тютюнника, обмундированную и снаряженную румынами. Задача ударной группы - смять флаг бригады Котовского, устремиться в погоню за отступающими частями Южной группы, громить их походные колонны, штабы и обозы.

Дивизии Тютюнника удалось переправиться через Днестр, и она начала продвижение в направлении Вапнярка - Умань. Оборона фронта в такой обстановке теряла смысл, и Котовский принимает решение ударить по флангу и тылу дивизии Тютюнника, сняв все части с фронта и сосредоточив их в один кулак.

Тютюнник не ожидал такой дерзости. Бригада атакует дивизию! Кто может такое предположить?! Котовского же не смущало численное превосходство врага. Он взял себе в союзники внезапность и стремительность и так распределил силы, что на решающем направлении имел численный перевес.

Итог операции: вражеская дивизия разгромлена полностью, сам Тютюнник едва убежал, а Гуляй-Гуленко, один из лучших его атаманов, застрелился. Тылы отходящих колонн Южной группы, да и вся Южная группа были спасены.

2 сентября 1919 года Котовский отдает приказ к отступлению - для соединения с основными силами.

Обоз 2-й бригады перед отходом сосредоточился на станции Попелюхи, сюда же подтянулся и обоз 1-й бригады, которой командовал Грицов. Причем без необходимой охраны. А в это время петлюровцы прорвались к станции Кодыма и, захватив ее, двинулись к Попелюхам и Руднице. Вместо того чтобы организовать оборону Попелюх, обозники в панике бросились бежать.

В этот трудный момент Грицов исчез, и полки бригады остались без управления. Котовский направил в тыл петлюровцам конников Нягу, а сам во главе всего лишь одного эскадрона двинулся на Рудницу, выбил оттуда противника и, догнав бегущий обоз, остановил его и организовал оборону. Когда же преследующая обоз петлюровская конница втянулась в бой, Котовский ударил своим эскадроном с тыла.

Теперь побежали петлюровцы, Котовский, однако, не стал их

преследовать, понимая, что одним эскадроном Попелюхи не возьмешь. Нужно было срочно, пока противник не пришел в себя, перегруппировать полки бригады, нанести массированный удар по Попелюхам и прорвать кольцо окружения.

Перегруппировка полков закончилась к утру 3 сентября. К тому времени подошли и полки 1-й бригады, командование которой принял на себя комиссар Ф. Левинзон, прибыл бронепоезд имени Ленина. Все готово для прорыва.

Петлюровцы обороняли Попелюхи отчаянно, вводили в бой все новые и новые силы, но не смогли сдержать упорно рвущихся вперед красноармейцев. К исходу дня враг отступил, оставив на станции два бронепоезда, много оружия и боеприпасов. Путь на север открыт. 6 сентября котовцы соединились с главными силами Южной группы,.

За блестяще выполненное задание командования начдив И.Э. Якир по поручению Реввоенсовета вручил Григорию Ивановичу именные часы.

И вновь почти ежедневные бои. Чаще всего с бандитами, которые считали, что отступавшие большевики везут с собой золотой запас и деньги киевских и одесских банков. Действовали банды молниеносно и нахально. Однажды они окружили 398-й полк. И хотя комполка Лягленко и комиссар Суворов умело руководили боем, вряд ли полку удалось бы вырваться из окружения, если бы ему на помощь не пришел Котовский - конной атакой разорвал кольцо и спас полк.

Шли последние дни мужественного похода. Все больше больных и раненых. Да и здоровые красноармейцы, полуголодные, измученные, двигаются уже из последних сил. Чтобы не демаскировать колонны, идут по ночам, а на привалах костров не разводят, но петлюровцы все же навязали бой. Его приняла бригада Котовского недалеко от станции Попельня 18 сентября.

Бой длился двенадцать часов. Исход его решил смелый рейд кавалерийского и двух пулеметных эскадронов во главе с Нягу в тыл противника. Отряд разгромил вражеский штаб, взорвал железнодорожные пути в нескольких местах, сковав тем самым действия вражеского бронепоезда, а затем ударил с флангов но резервным эскадронам петлюровцев. Противник смятен, он дрогнул. Бригада Ко-товского нанесла значительный урон противнику.

А под Житомиром произошла совсем непредвиденная встреча. Как обычно, впереди двигались дозоры, но никаких предупредительных сигналов они не подавали. Город будто затаился. И вдруг ударили колокола.

- не за беляков ли приняли?

Показалась процессия. Священники, купцы, помещики несли хоругви и иконы, на расшитых рушниках - хлеб и соль.

- Знатная встреча! - лукаво усмехнулся Котовский и пустил коня рысью. Осадил лихо у головы процессии, спрыгнул с коня и, приняв хлеб-соль, поклонился по русскому обычаю в знак благодарности. И вроде не замечал, что «отцы города» в полной растерянности дрожат от страха. Они-то вышли встречать своих - Добровольческую армию генерала Деникина.

10

…Четырехсоткилометровый прорыв сквозь вражеские тиски окончен. Позже его стали называть беспримерным в истории Красной Армии, но тогда подобных слов не говорили, хотя мужество бойцов и командиров было высоко оценено Реввоенсоветом 12-й армии.

Бойцы 2-й бригады, как и всей 45-й дивизии, мечтали хотя бы о небольшой передышке. Но, увы… Котовскому был вручен пакет, в котором начдив приказывал к 16 часам 3 октября сосредоточить части бригады в Загальцах, чтобы в ночь с 3 на 4 октября сменить Интернациональный полк на участке Новая Гребля - Бородянка - Берестянка по реке Здвиж.

Бои, как понимал Котовский, предстояли жестокие, а бригада, кроме того, что была сильно обескровлена при прорыве, лишилась отряда бирзульских коммунистов, который передавался в 1-ю бригаду.

Пополнить бы бригаду теперь, а не вести в бой. Но приказ есть приказ. К тому же Интернациональный полк, который предстоит сменить, держится из последних сил. Положение его весьма трудно и в тактическом плане. Оборонительная линия проходит на подступах к Новой Гребле по открытому полю. Деникинцы сосредоточились в селе. Любой маневр Интернационального полка противнику хорошо виден. Бой шел почти непрерывно.

Провести обычную смену в таких условиях было невозможно, поэтому котовцы дождались полной темноты и только тогда поползли небольшими группами в окопы. Интернационалисты покидали рубеж обороны таким же образом.

Сменяя полк скрытно, Котовский не только оберегал бригаду от лишних потерь, но и преследовал еще одну цель - он намеревался сразу же перейти в контрнаступление. Удар будет неожиданным и должен, как считал комбриг, принести успех.

Деникинцы, считавшие, что перед ними уже почти разгромленный полк, и предвкушавшие скорую победу, не были готовы к отражению контрудара. Котовцы ворвались в село и сравнительно легко захватили его западную часть, но полностью выбить деникинцев из Новой Гребли не удалось. Упорное сопротивление оказали офицерские части - пришлось переходить к обороне, спешно зарываться в землю.

Первая атака офицеров-белогвардейцев, хотя и с трудом, была отбита. Противник подтягивает артиллерию, пулеметы, а к исходу дня начинает общее наступление. Атака следует за атакой.

Отбита уже десятая, одиннадцатая… Не хватает патронов. В редкие минуты затишья красноармейцы выползали из окопов и, рискуя жизнью, снимали подсумки у убитых белогвардейцев. Котовский понимал, что принести победу могут только неожиданные для противника действия. Надо идти на риск.

Посоветовавшись с командирами, комбриг принимает решение частью сил обойти белогвардейцев и атаковать с тыла. Деникинцы уверены, что красные бросили в бой все резервы. До маневра ли им?..

Котовский поручил осуществить рейд эскадрону Н.Ф. Скутельника, и тот, не замеченный противником, переправился через Здвиж, скрытно подошел к вражеским позициям я бесшумно снял полевые караулы. А в это время Котовский и командир 400-го полка И.Н. Колесников с небольшой группой бойцов незаметно подползли почти к самым позициям белогвардейцев с фронта.

Потянулись напряженные минуты ожидания сигнала атаки. Ведь в любой момент противник мог обнаружить либо группу Котовского, либо эскадрон Скутельника, и тогда операция провалилась бы.

Но вот наконец размеренный говорок «максимов» разорвал тишину, а громкое «ура-аа-а!» многократно усилило пулеметную дробь. Взметнулся Григорий Иванович, крикнул зычно: «Вперед! - и, словно подхваченные вихрем, кинулись красноармейцы на деникинцев. Горстка на сотни. Ошеломив врага своей дерзостью.

«Никогда до этого и после этого, - вспоминал позднее Г.И. Котовский, - во все время гражданской войны мне не пришлось видеть такого жестокого боя, такой поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими мостик - единственный переход у них в тылу, белогвардейские стрелки-офицеры, понимая, что спасения нет, дрались с психологией отчаяния и были уничтожены все до одного человека, частью будучи убиты, частью потоплены в болотистой речке».

Донесение же о том бое было лаконично: «Лихой атакой в 6 часов утра 400-м полком совместно со спешившимся 1-м эскадроном кавалерии противник выбит из с. Новой Гребли. Захвачены три пулемета «максим», 10 000 патронов, 60 винтовок. Противник отброшен за реку. Переправа занята нами».

На несколько дней на фронте наступило затишье. Часги Красной Армии готовились к освобождению Киева. Бригада Котовского получила приказ передать свой боевой участок 1-й Богунской бригаде 44-й дивизии и следовать в резерв для доформирования.

В дни упорнейших боев на Южном фронте, когда войска Добровольческой армии Деникина рвались к Москве, когда пали Киев, Николаев, Одесса, империалисты стран Антанты спешно начали готовить армию Юденича в новое наступление на Петроград. В избытке поступило белогвардейцам вооружения, снаряжения и продовольствия. В Ямбургский и Гдовский уезды, где дислоцировалась армия Юденича, контрреволюционные подпольные центры переправляли бывших офицеров, скрывавшихся в центральных городах России, а в самих уездах проводилась мобилизация населения, вербовались военнопленные. Кроме того, Юденичу были приданы добровольческий американский отряд, французский легион, батальон нарвских бойскаутов. Осенью все это воинство двинулось на Петроград.

Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли срочные меры для ликвидации нависшей над страной опасности. Армия пополнялась преданными революции коммунистами, создавались рабочие отряды. 25 сентября 1919 года Пленум ЦК принял решение о проведении «партийной недели», цель которой была еще более сблизить партию с трудящимися массами, с бойцами Красной Армии.

Газеты «Правда» и «Известия ВЦИК» в эти дни опубликовали призывы: «Рабочие, красноармейцы, крестьяне, идите на митинги! Там вы узнаете, за что борются и чего хотят коммунисты! Все трудящиеся, все, кому ненавистен гнет капитала, должны объединиться с мощной Коммунистической партией».

В партию вступило около 160 тысяч человек, более половины которых составляли рабочие. А это позволило направить лучшие силы партии в армию для организации разгрома Юденича.

И во 2-ю бригаду прибыли коммунисты. Они горячо брались за дело подготовки бригады к предстоящим боям.

Расквартирована бригада в Рославле - в помещениях, совершенно непригодных к жилью. Выбиты окна, разворочены двери, разломаны печки. А уже ударили морозы. Пришлось добывать стекло, кирпич, доски. А как одеть, обуть и накормить красноармейцев? Как победить тиф, который буквально косил людей? На решение этих сложных проблем Котовский мобилизует все силы командиров, комиссаров, коммунистов. В ближайшие села посылаются отряды заготовителей. И крестьяне, хозяйства которых едва сводили концы с концами, все же оказывают посильную помощь красноармейцам.

Принял меры комбриг и к тому, чтобы наладить жесткий контроль за расходованием продуктов и фуража. По его приказу

существовавшие в частях контрольно-хозяйственные комиссии произвели тщательный учет всего наличного продовольствия в полках бригады.

Дни шли, бригада жила размеренной армейской жизнью, терпеливо превозмогая все лишения. Ждали новое пополнение. Но положение с каждым днем ухудшалось, не хватало обмундирования, продуктов, фуража. Котовский требует от штаба дивизии наладить нормальное обеспечение бригады положенным довольствием. Как-то вызвал И.Э. Якир Григория Ивановича к телефону и сообщил:

- Вчера из Тулы вам отправили 1500 человек пополнения. Подготовились ли к их встрече? По прибытии возьмите в ежовые рукавицы… Понемногу вам направляем комсостав - хозяйственно-административные чины. Вчера отправили вам шесть вагонов сена. Как проходит «партийная неделя»?

- К приему пополнения мы готовы, - ответил Котовский. - Учебные занятия будем проводить усердно, за сено благодарю. Жду еще хлеба от вас, соль, табак, а главное - обмундирование и обувь, так как невозможно на таком холоде держать людей. Приходится заниматься в казармах, что вредно для дела обучения.

- Хлеб и еще кое-что получите, - объяснил ситуацию Якир, - Пришлите сюда приемщиков с ведомостями. Сегодня отправили вам человек 30 артиллеристов…

Вскоре фураж был подвезен, а затем подошли и эшелоны теплушек. Быстрая погрузка - ив путь.

В Смоленске бригаду ждало обмундирование. Новое, суконное. Там же красноармейцы получили винтовки, присланные из Москвы. Новенькие, отличные трехлинейки. И помчали зеленой улицей эшелоны повеселевших бойцов, колеса вагонов отстукивали версту за верстой. Вот он уже, осажденный врагом Петроград. Вокзал простреливается вражеской артиллерией. И командир полка Нягу (его эшелон первым прибыл к месту назначения) приказывает провести состав за выходной светофор, чтобы сразу же, выгружаясь из вагона, конники вступали в бой.

Это верное решение позволило провести разгрузку без потерь и сразу же занять оборону у Детского Села, около железной дороги, которая шла перпендикулярно фронту и которую Юденич активно использовал для маневра своими силами.

Но бойцы кавалерийского полка Нягу понимали, что в таких условиях оборонительные бои могли приобрести затяжной характер, да и не победишь, не разгромишь врага, сидя в обороне.

Командиры и красноармейцы уже читали обращение В.И. Ленина к красноармейцам и рабочим Петрограда: «Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России… Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!» [3] *

Единственный же путь к победе - наступление. Однако и наступать вдоль железной дороги - бессмысленная затея. Враг всегда сможет здесь быстро сосредоточить силы на опасном участке и, отбив атаку, повести контрнаступление. Наиболее верный путь - удар с тыла либо с фланга. И Нягу посылает несколько разведывательных групп, чтобы определить уязвимые места у противника, а также изучить местность и найти наиболее удобный маршрут для скрытого движения конного отряда.

Вскоре командир полка получил такие данные и сам повел основные силы свои белогвардейцам в тыл.

Не привыкать конникам полка Нягу бесшумно и быстро совершать многокилометровые броски, чтобы потом лихой кавалерийской атакой смять ошеломленного противника. На этот раз маневр тоже удался. Прошли по глубокой лесной лощине никем не замеченными, бесшумно сняли полевые караулы и неожиданно для врага стремительно атаковали его.

Паника - плохой помощник в бою. Поддавшись ей, белогвардейцы даже не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Полк Нягу начал преследовать отступавшего противника.

Этот успешный рейд кавалерийского полка 2-й бригады позволил частям Красной Армии начать наступление по всему фронту, и они успешно продвигались вперед, громя вражеские полки, захватывая пленных и большие трофеи - ту боевую технику, которой так щедро снабдили Юденича страны Антанты.

Остальные полки 2-й бригады оказались не у дел. Они разгрузились и расквартировались в Царском Селе, ожидая дальнейших распоряжений.

Приближалась вторая годовщина Великого Октября, и Григорий Иванович задумал почти невозможное для того трудного времени - накормить бойцов праздничным обедом. Помогли питерские рабочие, крестьяне окрестных сел. Но в хлопотах он не заметил, как простудился и заболел воспалением легких. На праздничном митинге, пересилив недуг, он выступил, но вскоре после этого слег окончательно. И хотя болезнь сильно ослабила его, от госпитализации Котовский отказался, да и от

дел бригады не отстранился. Все так же к нему на доклад приходили командиры полков, и он давал им советы и распоряжения по организации боевого обучения личного состава; все так же собирал хозяйственников и вместе с ними решал вопросы снабжения бригады продовольствием и фуражом - словом, делал все, что положено делать комбригу, когда он здоров.

А болезнь не отступала. Тогда вмешался комдив И.Э. Якир. Он приказал Котовскому сдать бригада начальнику штаба Каменскому, а самому строго выполнять все предписания врачей. Помначштаба К.Ф. Юцевич никого, кроме врачей, к больному не должен был впускать, а о ходе лечения три раза в день докладывать в штаб дивизии.

Врачи старались, Юцевич «поддерживал надлежащий порядок», но болезнь вопреки всем стараниям все усиливалась. Григория Ивановича отвезли в госпиталь.

Унылая больничная койка, порошки, компрессы, измерение температуры и непривычное слово «больной». Единственной радостью были письма от командиров и бойцов бригады, в которых тревога за его здоровье маскировалась излишне радужными сообщениями о положении дел в бригаде. И ему хотелось, чтобы бригада оставалась здесь до тех пор, пока он не одолеет недуг.

В одном из писем Каменский сообщил, что получен приказ о переброске 45-й дивизии, в том числе и 2-й бригады, на Южный фронт. В госпитальную палату доходили не все новости с фронтов. Но о главных Котовский знал. Он уже был информирован о том, что конница Буденного вместе с пехотой бьет под Воронежем Шкуро и Мамонтова, что Красная Армия гонит деникинцев все дальше на юг, освобождая села и города, а 45-ю дивизию направляют на юг для развития успеха, Котовский и радовался тому, что скоро его родные места станут свободными от врага, и огорчался, что бригада уходит без него.

«Ничего, догоню, - успокаивал он себя. - Вот только немного поправлюсь».

В очередном письме Каменский сообщал, что бригада выгрузилась на станции Глухов на Черниговщине, что деникинцы при отступлении все разрушают, жгут, взрывают. На телеграфных столбах висят обезображенные трупы коммунистов, рабочих и крестьян, которые отказались служить в Добровольческой армии. Бойцы бригады, видя все это, рвутся в бой, чтобы мстить за поруганную землю, за гибель своих товарищей по классу.

Затем приходили письма с сообщением о том, что полки бригады героически дрались при освобождении Конотопа, Сум,

Полтавы. Впереди - поход на Екатеринослав и Александрову

Нет, Григорий Иванович не мог больше оставаться в этой надоевшей до невозможности палате. Еще не совсем окрепший, он все же настоял на выписке. Врачи не смогли противостоять решительному натиску комбрига и отпустили его, снабдив на дорогу необходимыми лекарствами и советами.

Отдельное купе, тихое, спокойное. А рядом шумно. Григорий Иванович вышел из своего купе, бросил быстрый взгляд на парней и девушек. Одеты просто, возбуждены, словно сделали какой-то шаг в жизни, который все перевернул вверх дном, и безмерно рады этому. Оттого-то и смеются, и говорят громко, перебивая друг друга. Особенно весело смеется миловидная, совсем молоденькая девушка.

- Примете в свою компанию? - с улыбкой спросил Григорий Иванович.

В купе на мгновение притихли. Высокий плечистый дядя в синем полувоенном костюме. Голова выбрита до глянцевого блеска. Лицо приятное, улыбчивое. Кто такой?

Но уже через несколько минут настороженность уступила место жадному вниманию. Котовский, фамилию свою он не назвал, а просто представился фронтовиком, догоняющим свою 45-ю дивизию, узнал, что молодые врачи добровольно вступили в ряды РККА и едут на фронт, что молоденькую девушку зовут Оля, Ольга Петровна Шакина. Он начал рассказывать им о Южном фронте, о боях за Днестр, об оставленной врагу Бессарабии, о Пепелюхах и Новой Гребле. Молодые врачи слушали молча, лица стали серьезными.

Поезд неспешно полз на юг. Григорий Иванович коротал время в беседах с молодыми врачами, агитировал их в свою 45-ю дивизию.

- Непременно проситесь к нам. Народ у нас дружный, боевой.

Место назначения они не вольны выбирать, отвечали молодые специалисты. Раненые и больные везде нуждаются в помощи. Но, конечно, хорошо бы попасть в 45-ю дивизию.

Миновали Москву, Тулу, Орел. Всюду разруха. Мамонтов и Шкуро оставили после себя только пепелища. На полустанках стояли обгоревшие степы домов, кирпичные закопченные трубы и остовы печей вместо изб. Все меньше шуток и смеха в вагоне, пассажиры притихли, насторожились.

В Брянске пересадка. Устроились в зале ожидания на свободной лавчонке.

- Никуда не расходитесь, - попросил Григорий Иванович. - Я сейчас узнаю, когда на Харьков поезд пойдет.

Он отошел всего на несколько шагов, как вдруг его окликнули:

- Товарищ Котовский! Товарищ комбриг!

Врачи ахнули. Оказывается, это знаменитый Котовский!

Красноармейцы окружили комбрига. Радовались столь неожиданной встрече.

В Брянске, как вскоре выяснил Котовский, собралось довольно много бойцов из 45-й дивизии. Залечившие раны, выздоровевшие после тифа красноармейцы направлялись в свои части. Но никак не могли выбраться из Брянска. Пассажирские поезда не ходили, в товарные их не пускали.

- Сейчас разберусь, - решительно заявил Котовский и направился в кабинет начальника станции.

Вошел без стука. Остановился возле стола и спросил строго:

- Почему не отправляете красноармейцев на Южный фронт?

- С кем имею честь?..

- Я Котовский, комбриг. Требую немедленной отправки всех красноармейцев! В противном случае ваши действия будут рассматривать как умышленный саботаж!

Вытащили из какого-то заросшего лебедой тупика старенький вагончик, высвободили от не очень срочных грузов и один из вагонов в готовом к отправке составе, поставили в них «буржуйки», соорудили нары. Все было сделано быстро, и вот уже набитые до предела теплушки вновь сформированного эшелона тронулись в путь.

В одном из вагонов, поближе к печке, расположились молодые врачи и комбриг.

Не успели отъехать от Брянска несколько десятков километров, как заскрипели тормоза. Состав замер, и тишину разорвал гудок. Длинный, тревожный.

- А может, машинист нас кличет? - предположил кто-то из бойцов.

- Верно. Сигналит, - поддержали остальные. - Не банда ли?

- За мной! - скомандовал Котовский, первым выпрыгнул из теплушки и побежал к паровозу. Красноармейцы за ним, винтовки наперевес.

Оказалось, путь разобран. Рельсы разбросаны, шпалы выворочены, порублены.

Почесали затылки, похвалили машиниста, сумевшего остановить состав своевременно, и принялись восстанавливать путь. Валили деревья, вырубали шпалы и укладывали в старые гнезда. Торопились - фронт ждет бойцов…

После этого случая машинист повел паровоз осторожнее. Кто знает, что там впереди. Ночами и вовсе старался отстояться на

каком-либо полустанке, а еще лучше на станции. И не зря. Еще не один раз приходилось красноармейцам вместе с паровозной бригадой восстанавливать пути.

Не хватало топлива. Приходилось самим заготавливать дрова, чтобы добраться до очередной железнодорожной станции, где, возможно, есть уголь.

И здесь, как в бою, Котовский не отставал от красноармейцев, трудился до изнеможения. Холодная испарина выступала на лбу, ноги казались ватными, но Григорий Иванович, все пилил и пилил. А бойцы, тоже изрядно уставшие, не замечали состояния командира.

Только Ольга Петровна Шакина несколько раз просила его:

- Григорий Иванович, вам нельзя перенапрягаться. Вы еще не совсем здоровы.

Котовскому приятна была забота молодого симпатичного врача, и он отшучивался:

- Меня в плуг в пору впрягать.

Вот наконец тендер заполнен до отказа. В котлах поднято давление, машинист дал гудок, паровоз рванул, лязгая сцеплениями вагонов и, натужно отпыхиваясь и пробуксовывая, потянул вагоны на подъем.

От Брянска до Харькова состав шел более двух недель. Чтобы наверстать упущенное время, Котовский планировал лишь побывать в штабе 14-й армии (ей подчинили 45-ю дивизию), чтобы доложить о своем прибытии, и сразу же вместе с бойцами двинуться к Екатеринославу, где вела бои его бригада.

- Проситесь к нам, - посоветовал молодым врачам Котовский, с которыми он уже сдружился. Но больше всего та просьба относилась к Ольге Петровне.

Григорий Иванович дождался, пока те получат направления, чтобы, если кто попадет в 45-ю дивизию, взять с собой. А когда узнал, что Ольгу Петровну Шакину назначили в их дивизию, обрадованно воскликнул:

- Хоть одного настоящего врача привезу!

Пока Котовский с группой красноармейцев, довольно уже внушительной (он собирал всех, кто догонял свои части), добирался до Екатеринослава где поездом, где подводами, ибо путь был поврежден настолько, что восстановить его своими силами красноармейцы не могли, город освободили от беляков. Город отдыхал от залпов карателей, от грабительских налетов бандитов, убирал виселицы с площадей и улиц, торжественно и печально хоронил героев-подпольщиков.

Котовский рвался в свою бригаду, но в штабе дивизии ему

приказали формировать новую кавалерийскую часть. Костяком ее должен был стать полк Нягу и другие подразделения 2-й бригады и дивизии. День прошел в хлопотах, в согласовании организационных вопросов, а вечер оказался свободным. И он разыскал Ольгу Петровну, пригласил ее в кино.

Фильм был тяжелым: «О семи повешенных». Когда они вышли из кинозала, Котовский облегченно вздохнул, а потом сказал:

- Все это я пережил!

В тот вечер Оля узнала о годах его ссылки, о побегах, о смертном приговоре.

Потом они молча гуляли по темным улицам. Ольгу глубоко взволновала услышанная исповедь, он же вновь переживал все то, что, казалось, уже забыто в вихре боев и событий.

- Вы очень похожи на мою маму… - прервал он наконец молчание и, сделав паузу, словно собираясь с духом, заявил решительно: - Я получил приказ формировать кавалерийскую бригаду. Очень прошу, чтобы вы были у нас.

11

Снег скрипит под копытами нетерпеливо гарцующих коней, солнце искрится на заиндевевших крупах, на поседевших гривах, брызжет сотнями радуг на снегу, пробиваясь сквозь пар, легким туманом окутавший полки… Там вскинулись в небо пики, там сверкают клинки, взятые «на караул»… А у кого нет ни пик, ни клинков, те сжимают в руках обрезы ружья.

Григорий Иванович проводит смотр полков своей новой бригады. Вместе с ними начальник штаба Юцевич, комиссар Христофоров. Все пестро, все разномастно. Вот вислоухая кобыла с крестьянской веревочной уздечкой… Для этой лошадки привычней хомут и тяжелый воз, а не седло.

А вот всадник в венгерке восседает гордо на казацком седле, под которым яркий, парадный потник. Шинели, пальто, венгерки, стеганки, шапки, папахи, замасленные кожаные картузы - вот уж поистине с миру по нитке…

В строю испытанные и закаленные в сражениях бойцы. Многие из них участвовали в героическом прорыве Южной группы, иные партизанили в тылу деникинцев и петлюровцев.

Только два бывших махновских полка. Крымский и Таврический, которые добровольно после взятия Александровки перешли на сторону Красной Армии и вот теперь влились в бригаду Котовского, еще неизвестно, как поведут себя в бою…

А вот и тачанки - гордость кавбригады. Тоже от махновцев перешли. 8 января 1920 года Махно был вручен приказ командарма-14 о переброске подчиненных ему частей в район Гомеля для борьбы с белополяками. «Махновцы, - писал командарм, - должны не только свои хаты защищать, но, как и вся РККА, бороться на других фронтах. Если они этого не пожелают сделать, значит - они враги и изменники».

Махно приказа не выполнил. Тогда частям 45-й дивизии было приказано разоружить махновские части. Сам «батько» с отрядом в 500 сабель сумел вырваться из окружения и укрыться в районе Гуляйполя, в своей штаб-квартире. Формировавшейся бригаде Котовского передали несколько сот лошадей и несколько десятков тачанок с прекрасной упряжью, сытыми и горячими конями, с исправными пулеметами «максим».

Котовский понимал: в будущих боях тачанки сыграют очень важную роль. Ездовыми и пулеметчиками он назначил самых верных, самых опытных и смелых бойцов.

А бои предстояли кавбригаде тяжелые. Она и создавалась для того, чтобы перебрасываться туда, где трудно, где нужен быстрый

маневр и стремительный сильный удар.

Идею создания кавалерийских соединений выдвинула сама жизнь. К концу 1919 года Красная Армия на всех фронтах громила империалистов четырнадцати держав и белогвардейцев. Бежала и деникинская армия. Не помогли ей ни американские доллары, ни французское п английское вооружение и снаряжение. Отступление было настолько стремительным, вспоминал К.Ф. Юцевич, что наши разведчики сутками искали исчезнувшего противника. Пехота не успевала преследовать врага, он занимал новые оборонительные рубежи, укреплялся, и его приходилось вновь выбивать боем, проливая кровь. Тогда-то и появился лозунг: «Пролетариат, на коня!»

Бригада была сформирована всего за двенадцать дней. Григорий Иванович, объехав полки, остановился перед строем и громко, чтобы слышали все, зачитал приказ комдива о формировании кавалерийской бригады, поздравил бойцов-кавалеристов с успешным выполнением приказа.

- Я уверен, что красные конники с честью пронесут сквозь бои врученное нам республикой боевое Красное знамя бригады! Будем бить врага железным революционным кулаком!

Восторженное «ура!» взметнулось над полками и долго-долго перекатывалось от эскадрона к эскадрону, пока не смолкло.

Вдохновленный, не скрывающий радости, принимал комбриг парад своих полков.

Каждый день приносил радостные новости. Освобождены Новочеркасск, Ростов-на-Дону. Красная Армия рвется к Черному морю. И бойцы кавбригады, ожидая приказ на выступление, готовились к новым боям, приучали коней к атакам, к строю, сами тренировались, совершенствуя свои навыки в стрельбе, в рубке лозы, в преодолении препятствий. Стремились взять как можно больше за отпущенное им иа обучение короткое время.

И вот приказ. 25 января бригада выступила на Вознесенск - от него полторы сотни верст до Одессы.

Вскоре бригада, обогнав передовые пехотные части 45-й дивизии, двигалась впереди совсем одна. Все это было ново в тактическом плане. Фланги открыты, фронта практически нет. Подразделения в походных колоннах. Сразу боя не примешь, нужно перестраиваться. Противник же может оказаться и справа, и слева, и в тылу. Тут, как говорится, подумаешь, прежде чем шаг какой сделать. Котовский ищет и находит наиболее, как ему кажется, подходящую тактику движения и боя. В своих приказах он требует: разведка, разведка, разведка. По фронту и флангам. И сильное охранение, тоже и по фронту, и с флангов. Охранение

такое, которое может при обнаружении врага молниеносно атаковать его, не ожидая, пока подтянутся главные силы, чтобы противник на успел подготовиться к отражению атаки.

Верность избранной Котовским тактики подтвердил первый же бой у населенного пункта Щербаны. Головной эскадрон обнаружил деникинскую пехоту и немедля атаковал ее. Итог - паника в стане врага, во много раз превосходившего по численности эскадрон. Разбит штаб, уничтожено командование, взяты трофеи и пленные.

Первый бой конников бригады завершился блестящей победой. Весть об этом облетела все полки.

- Не комом первый блин. Не комом, - радовались бойцы.

Через день еще один бой. Покрупней. С участием всей бригады.

Деникинцы понимали, что кавалерийское соединение Красной Армии может ворваться в Вознесенск раньше, чем будет организована оборона города. И деникинцы предприняли попытку задержать бригаду у Ново-Александровки.

Котовский разгадал вражеский замысел. Идти в лобовую атаку он не стал. Если бы она даже привела к победе, оставшиеся недобитые части отошли бы к Вознесенску. И Григорий Иванович приказывает полкам Нягу и Макаренко обойти Ново-Александровку с флангов и, отрезав путь отхода, атаковать противника.

Маневр котовцы провели настолько быстро и скрытно, что застали противника врасплох. Только часть деникинцев смогла вырваться из окружения и бежать в сторону Новой Одессы, остальные были либо уничтожены, либо пленены. Вознесенск подкрепления не получил.

И все же, по данным разведки, силы, сосредоточенные для его обороны, превосходили и по численности и по вооружению кавбригаду. Пехота подойдет еще не скоро. Город же нужно брать, его взятие расчищало путь к Одессе. И Котовский повел кавалерийские полки в атаку.

Комбриг применил в этом бою классический маневр тактики спартанцев. И придумал этот маневр сам Котовский, ибо историю военного искусства ему изучать не довелось. Когда на подступах к городу эскадроны втянулись в затяжной бой, а противник предпринял контратаку, Котовский приказал одному из эскадронов имитировать отступление, причем создать видимость панического бегства. Деникинцы, не разгадав маневра, бросились вдогонку и оказались в мышеловке.

В образовавшуюся в обороне врага брешь Котовский повел своих бойцов.

Когда была захвачена станция, красные конники увидели потрясшую их картину: на путях стоял эшелон, полный больных и раненых, уже замерзших. Деникинцы бросили своих солдат. Видимо, несколько суток никто не подходил к эшелону, а на улице стоял тридцатиградусный мороз.

Этого красноармейцы не могли ни понять, ни простить. В бригаде существовал закон: «Сам погибай - товарища выручай». Для эвакуации раненых с поля боя были выделены, кроме штатных медицинских повозок, еще и дополнительные повозки. В помощь санитарам созданы временные санотряды из числа строевых конников. Эти отряды подбирали и убитых. Никто не остался в поле. Убитых похоронят с почестями, о раненых позаботится перевязочный отряд, который привела в самый разгар боя Ольга Петровна Шакина. А как только город был взят, перевязочный отряд разместился в пустующем здании госпиталя, куда беляки почему-то не перевезли своих раненых и больных из промерзших вагонов.

- Да, защищай такую власть! - сокрушенно качала головами конармейцы. - Господа офицерики о себе лишь пекутся. Им мужик что вошь.

Григорий Иванович, чтобы добиться назначения Ольги Петровны в бригаду, назвал ее в штабе дивизии своей женой. Она не возражала, хотя до этого не было даже и разговора о женитьбе. Да и придется ли им играть свадьбу? Что принесет завтрашний день? Впереди - бои. Конца им пока не видно. Сколько убитых и раненых! Она-то видит это ежедневно. Бинты она уже готовит не только из нового солдатского белья, но и из стираных простыней, из домотканых полотен, которые приносят ей сердобольные женщины из освобожденных деревень.

Встреча на этот раз у них была совсем короткой. Перед прощанием Григорий Иванович сказал, что путь бригады на Одессу. И добавил:

- Я оставлю адъютанта для получения боеприпасов. Потом он заедет за вами. Приезжайте с ним в бригаду. Не задерживайтесь.

В эти дни в госпитале, где лечила бойцов Ольга Петровна, лежал и раненый боец взвода разведки Николай Островский.

Впоследствии писатель вспоминал:

«Когда наша 44-я стрелковая дивизия Щорса с бригадой Котовского разгромила петлюровцев и освободила Житомир, я много наслушался от бойцов о легендарном Котовском, пошел к нему в конную разведку. Нравилась мне разведка. Меня, как комсомольца, сделали политбойцом, чтецом, гармонистом. Был

даже учителем по ликвидации неграмотности. После выздоровления (от тифа) догнал Котовского, когда он в январе 1920 года формировал кавалерийскую бригаду. Стал проситься в конницу, а в штабе настояли, чтобы пошел в стрелковый полк. Пришлось идти к самому Котовскому. Тот выслушал и сказал:

- Берем! Весели моих ребят. Пусть тебе только хорошую гармонию достанут. Пойдешь в полк Макаренко. Там комиссар Христофоров, хороший ценитель муз, оформит тебя полковым маэстро.

После мы на Одессу пошли. Белогвардейцы при упоминании, что Котовский близко, бежали без оглядки».

Деникинцы попытались вернуть Вознесенск. Они предприняли контрнаступление в тот момент, когда в городе начался траурный митинг. Котовский прервал свое выступление и повел спешенные эскадроны в бой. Схватились с беляками врукопашную на льду Буга. Кололи, били прикладами. Враг не выдержал, дрогнул. Котовцы, сев на коней, начали преследование.

И вновь Григорий Иванович проявил военную хитрость. Он не стал громить арьергард, а обошел его двумя колоннами справа и слева и, догнав основные силы, взял их в тиски. Деникинцы, поняв, что они окружены, сложили оружие.

Оставив небольшую группу конармейцев для охраны пленных до прибытия пехотных частей дивизии, Котовский повел бригаду на Березовку.

Разведка маршрута, мелкие победные стычки… Вперед и вперед! И вот уже цель близка. Но перед решительным штурмом бригаде неплохо бы и отдохнуть.

Разведчики доложили, что почти прямо по маршруту есть большое село, вся дивизия может там разместиться. Чего же лучше? Штаб и передовые эскадроны расквартировались на южной окраине. Старшины других эскадронов пошли по селу, чтобы подыскать подходящие для ночлега дома, и тут в одном из дворов в северной части села обнаружили вражескую батарею. Мулы еще не распряжены, видно, только что вошла в село батарея, но в окне уже горел яркий свет. Подкравшись к окну, котовцы увидели сидевших за столом деникинских офицеров.

Вот так соседство! Куда же разведчики смотрели? Теперь нужно скорее выбраться отсюда.

Квартирмейстерам удалось скрытно уйти к своим. Они сразу же кинулись к Григорию Ивановичу.

Но Котовский выслушал бойцов спокойно. В его глазах вспыхнул веселый огонек.

- Беляки, говорите?! Офицеры. Вот ротозеи. Без охраны. Хорошо, нанесем визит вежливости соседям.

Он приказал окружить дом и двор, а сам направился в гости. Он решил тряхнуть стариной, сыграть роль офицера. Ну чем не деникинец? Кожаное пальто офицерского покроя, только без погон. Ну да в такое трудное время возможны и вольности.

Отчитав часового за то, что тот дремлет на посту, Котовский толкнул дверь. Уверенно прошел сенцы и распахнул дверь в горницу, где за уставленным бутылками и закусками столом сидели уже подвыпившие офицеры. Один из них, увидев Котовского, радостно воскликнул:

- Господа! К нам подкрепление!

Офицеры поднялись навстречу гостю. Кто-то спросил:

- Вы из Одессы?

- Нет, в Одессу! - ответил Котовский. - Наш путь туда…

В ту ночь его бойцы взяли в плен около шестисот белогвардейцев. Так закончился отдых, который планировал Котовский. А утром бригада выступила в направлении Березовки, которую оборонял многотысячный гарнизон деникинцев. Ведь это был, по сути дела, последний пункт обороны Одессы на дальних подступах.

Вскоре разведчики бригады обнаружили небольшую группу деникинских солдат, которые при виде красных конников поспешно подняли руки. Пленные передали письмо Котовскому от солдат-деникинцев Березовки, в котором обещали не стрелять в красноармейцев во время их атаки.

- Отлично, - прочитав письмо, сказал Котовский. Подозвал к карте посланцев, расспросил, где расположены пулеметные точки, где артиллерия, где резервы.

Тот факт, что какая-то часть солдат гарнизона Березовки приняла решение не вести прицельного огня по наступающим красноармейцам, конечно, отраден. Но разве там, в окопах, только мужики, одетые волею судьбы в английского сукна шинели? Березовку обороняли и отборные офицерские части.

Однако на принятие решения атаковать Березовку, не ожидая подхода пехотных частей, письмо, вполне возможно, оказало влияние.

Силы свои Котовский распределил так. Полк Макаренко получил приказ выйти к железнодорожному мосту через реку Тилигул, снять его охрану и захватить бронепоезд, находившийся у того моста. Эта задача была успешно выполнена. Котовский же главные силы вел сам по лощине прямо на оборонительные линии врага. Вел скрытно, бесшумно снимая передовые заставы. Незамеченными они приблизились почти к самым окопам

противника и лишь тогда поднялись в атаку. А когда опомнившиеся деникинцы открыли огонь, возможно, многие и стреляли выше атакующих красноармейцев, котовцы уже ворвались в город.

Офицерские части и деникинский кавалерийский полк попытались было контратаковать, но безуспешно. Беляков встретил плотный огонь пулеметных тачанок. Березовка пала. Путь на Одессу открыт. Это произошло 3 февраля 1920 года.

А 4 февраля в Одессе вспыхнуло восстание. Среди богатых горожан началась паника - все стремились уехать за границу. И хотя начальник укрепленного района Одессы полковник Стессель и начальник гарнизона полковник Мамонтов пытались внушить горожанам мысль, что паника беспочвенна, им уже никто не верил.

Город знал про успехи частей Красной Армии - об этом позаботились подпольщики. Их не останавливали даже репрессии, усилившиеся после того, как деникинцам и интервентам удалось подавить восстание трудящихся города. Невзирая на смертельную опасность, на предприятиях Одессы создавались так называемые боевые посты, цель которых была спасти город от разрушения, когда красные полки поведут бои на ближних подступах.

Отчаянные усилия предпринимали интервенты и белогвардейцы, чтобы удержать район Одессы в своих руках. Французский генерал Мантен и английский генерал Хольман, находившиеся при ставке Деникина, убеждали командование Добровольческой армии в том, что потеря Одессы создаст в Лондоне и Париже впечатление, будто армия эта потерпела полный крах. Тогда она и впрямь окажется обреченной.

В Одесском порту появились английские военные корабли явно с целью устрашить командование Красной Армии. Но ничто уже не могло сдержать натиска революционных войск. Вела наступление 41-я стрелковая дивизия, усиленная 1-й бригадой 45-й дивизии и кавбригадой Котовского, на которую возлагалась задача совершить форсированный рейд в обход Одессы и захватить железнодорожные станции Кучурган, Раздельная, Выгода. И в дальнейшем, развивая успех, освободить Дубоссары и Тирасполь.

Чтобы выполнить приказ, Котовский попытался установить связь с 41-й дивизией и действовать в соответствии с указанием комдива, по его плану. Но, увы…

Командир 398-го стрелкового полка 1-й бригады Ляшенко доложил по телефону комдиву Якиру о создавшемся положении:

- В 21 час я с Котовским прибыл в Кубанку… О 41-й дивизии

никаких сведений не имели. Сейчас 41-я, по-видимому, пробует пробиваться у деревни Марьевки. Противник освещает с моря и бьет с броневиков. Мне и Котовскому приказано после того, как дивизия прорвется, следовать до Маяков, захватить переправы через Днестр… Думаю, что это сизифов труд, ибо догнать дивизию не удастся. К тому же все устали от перехода пешком, резерв шел из Славяносербской… Где два батальона 397-го полка?

- Откуда вы говорите и кто это передает? - спросил Иона Эммануилович Якир командира полка.

- Я - Ляшенко. Говорю из Антоно-Кодинцева, тридцать пять километров северо-восточнее Одессы.

- Немедленно отправляйтесь к комбригу и передайте, что командарм приказал ему и Котовскому в наикратчайший срок и не позже 14 часов занять район станции Выгода и предотвратить всякую возможность отхода противника. Двигаться одним кулаком, не распыляясь. Если возможно, то через лиманы, по прямой дороге Кубанка - Глиляково - Выгода. 397-й полк завтра на рассвете пе-рзходит из Березовки в Большой Буялык. Когда передадите? И где Котовский?

- Приказание передам в пять тридцать - шесть часов. Части Котовского находятся в Кубанке, - ответил Ляшенко.

- Постарайтесь донести мне о том, что части выступили во исполнение моего приказа.

В то время полки 41-й дивизии находились в 30 километрах восточнее Одессы и готовились к решительному наступлению на город. Но штаб 45-й дивизии об этом не знал. Не знал и Котовский. А когда Ляшенко передал ему содержание разговора с Якиром, Григорий Иванович решает больше не терять времени для различных согласований и налаживания связи, а действовать в свете полученного приказа от командарма самостоятельно. Пехоту не ждать. Он хорошо понимал, что чем больше его бригада задержится здесь, тем больше вывезут беляки из Одессы денег, ценностей, оборудования в Румынию. Уйдет туда и большая часть боевой техники, которая потом вновь может быть направлена против Красной Армии, против его же бригады.

Бригада двинулась прямо на Одессу. Котовский выбрал кратчайший путь - через город. Не терять же времени на обходный маневр. Учитывая и то, что белогвардейцы никак не смогут даже предположить, что кто-то рискнет совершить такой дерзкий шаг. Внезапность, растерянность противника - это уже половина победы.

Белые действительно не подозревали, что котовцы подходят к

городу. Об этом говорит тот курьезный случай, о котором вспоминал позднее Н.Н. Криворучко, командир эскадрона. Было это на одном из привалов в местечке Потоцком. Всадники, спешившись, расседлывают коней, растирают жгутами их взмыленные бока, волокут сено, подносят воду… А Котовский спешит на телеграф, чтобы просмотреть последние ленты. Наверняка есть интересные факты. Ведь беляки все еще продолжают считать, что красных здесь нет.

Не успел еще телеграфист, перепуганный появлением столь неожиданного гостя, подать Натовскому ленты телеграмм за последние сутки, как ритмично заработал аппарат.

- Садись принимай, - приказывает Григорий Иванович.

Ползет лента вздрагивая. Стучит аппарат. Телеграфист медленно читает:

- «Раздельная вызывает Одессу».

- Отвечай: «Я - Одесса».

Раздельная просит к аппарату начальника оперативной части штаба. Котовский приказывает передать: «У аппарата начальник оперативной части».

«Принимайте точную оперативную сводку, - выстукивает телеграф. - Красная 41-я дивизия в районе Березовки, 45-я севернее Березовки, конная Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также выслать сильную охрану по направлению Волынка - Пересыпь. Генерал Шевченко».

- Передайте ответ: «Принял сводку Котовский».

Генерал был взбешен ответом и обрушил на телеграфиста поток брани за неуместную шутку. Котовский же, усмехнувшись, попросил передать: «Успокойтесь, господин генерал. Поберегите нервы. Вашу сводку принял сам Котовский».

Дальше состоялся «обмен взглядами» на революцию, на ее роль в жизни России, Шевченко упрекал Котовского в том, что тот, потомственный дворянин, воюет в рядах черни, губит тем самым Россию. Генерал предложил от шхени «Союза спасения Родины» возглавить конную армию и повести ее против большевиков. Не сдерживая гнева, Котовский диктует ответ:

«С малых лет я веду борьбу с вами, белогвардейцами - эксплуататорами рабочих и крестьян, и буду вести борьбу до тех пор, пока вы окончательно не будете разбиты, пока мы окончательно не победим!»

Немного передохнув, бригада вновь седлает коней. Ее путь к Одессе.

На ближних подступах котовцы бесшумно ликвидировали заставу. От начальника заставы узнали пропуск и отзыв, а также

места расположения заслонов и других застав. Теперь осталось только зачехлить знамена да сиять красные звездочки и ленты.

В предутреннем полумраке кавбригада полковыми колоннами, с обозом в центре, рысью двинулась по улицам Одессы - Московской, Балтской, Преображенской, Тираспольской…

Как ни малолюдны в раннюю нору одесские улицы, такая большая колонна конников не могла не обратить на себя внимание. На вопросы любопытных приходилось отвечать: «Конница Мамонтова».

К бригаде торопливо пристраивались подразделения деникинцев, которые, пользуясь моментом, стремились покинуть город. Чтобы не вызвать подозрения, котовцы не возражали. А как только бригада миновала железнодорожный переезд я вышла за город, деникинцев тут же разоружили и взяли под охрану.

Теперь - вперед, к Заставе-первой. Бригаду Котовского здесь совсем не ждали. На всех путях стоят эшелоны с грузами. Они готовятся один за другим через Раздельную и Тирасполь уйти в Румынию. Вот один из паровозов пронзительно загудел, лихорадочно дернул вагоны и покатил, набирая скорость, за выходную стрелку.

Котобский скомандовал:

- Батарее - огонь по эшелону!

Артиллеристы быстро развернули орудия и ударили со всех стволов. Взрывы ложатся впереди состава. Паровоз остановился. Из него выпрыгнули машинисты и бросились бежать.

Охрана высылала из караульных вагонов, пытаясь понять, что же произошло. Но было поздно… Красные конники смели кое-где пытавшуюся сопротивляться охрану. Орудия повернули стволы в сторону Одессы, спешенные эскадроны готовились к круговой обороне.

Своевременные меры. От Дачной спешит, громыхая тяжелыми бронированными вагонами, бронепоезд деникинцев. Зловеще молчаливы стволы орудий и пулеметов, сейчас они начнут изрыгать смерть.

- Огонь! - Артиллеристы Котовского первыми начали дуэль.

Им сопутствовала удача. Вскоре бронепоезд дрогнул и как-то неловко снолз с рельсов.

Еще один успех. Но все же вряд ли кавбригаде и дальше удалось бы удержать в своих руках станцию Застава-первая. Да, в Одессе среди деникинцев и власть имущих поднялась паника. Да, молва разнесла вмиг, что в город ворвался Котовский с кавалерийской армией (с армией и не меньше!). Но нельзя

забывать, что гарнизон Одессы насчитывал десятки тысяч солдат и офицеров. Отборными офицерскими полками командовали кадровые генералы. Они-то смогли бы в конце концов разобраться в сложившейся обстановке и буквально раздавить бригаду.

Однако части 41-й дивизии наконец-то развернули наступление на город. Оно развивалось успешно, и котовцы на Заставе-первой, на пути возможного отступления беляков, были словно кость в горле.

Котовский, Христофоров, Нягу, Макаренко и другие командиры, комиссары и штабные работники спешно готовили эскадроны и полки к упорной обороне. Стоять насмерть! - передавалось из уст в уста.

И вдруг нежданная подмога. Подошел отряд вооруженных рабочих. За ним еще один, еще… Шли боевые группы, которые предусмотрительно создавались Одесским подпольем. Как они теперь выручили котовцев!

Все эти действия бригады вместились в несколько строк оперативной сводки 45-й дивизии, которая была отправлена в штаб армии 9 февраля 1920 года: «Кав-бригада, окружив город со стороны Заставы-первая, выбила оттуда противника, парализовала бронепоезда и тем способствовала занятию города».

И все. Так просто и буднично.

Смелым рейдом котовцы выполнили только первую часть приказа. Теперь нужно было спешить к Днестру, чтобы захватить переправы. Ценности и боевая техника из Одессы не выпущены, не следует выпускать и стрелковые деникинские части в Румынию. Получив новое вооружение и снаряжение от Антанты, они могут оттуда вернуться.

А смены нет. Кому передать охрану эшелонов и оборону станции? 41-я дивизия не спешит прислать подкрепление. А уже на исходе день. И тогда Котовский решает оставить на станции Застава-первая взвод с отрядами рабочих, бригаду же вести по направлению Маяков. Комдив 41-й Осадчий одобрил этот план и пообещал прислать смену взводу в ближайшее время.

Отступавшего противника кавбригада настигла в районе Куяльиика. Тыловое охранение смяла легко и прорвалась к селу Николаевна, которое оборонял многочисленный гарнизон: полторы тысячи штыков, около двухсот сабель и четырехорудийная батарея. Враг был разгромлен быстро и, как выяснилось, своевременно. разведка обнаружила большую колонну белогвардейцев, которая форсированным маршем двигалась к переправе у Маяков и по численности превосходила кавбригаду. Наши же пехотные части находились в 30-40

километрах.

Ждать подкрепление либо действовать, как всегда, дерзко? Григорий Иванович отдает приказ полкам готовиться к выходу, одновременно шлет донесение командованию с просьбой немедленно прислать на помощь пехотную бригаду.

Котовский скрытно вывел свои войска во фланг колонне и внезапно атаковал ее с близкого расстояния, в упор, если так можно сказать, имея в виду кавалерийскую атаку.

Невесть откуда появившаяся лавина конников и тачанок на беспечно двигавшиеся колонны внесла смятение в боевые порядки белогвардейцев. Всего два часа потребовалось бригаде, чтобы подавить сопротивление врага, обезоружить, свести лошадей. Непостижимым кажется то, что несколько сотен всадников рискнули броситься на пятитысячную колонну, а еще более непостижим факт столь молниеносной победы.

Лишь небольшая часть белогвардейцев успела бежать по льду в Бессарабию. Кавбригада захватила много пулеметов, боеприпасов, автомобили, огромный обоз, деньги. Риск, таким образом, вполне оправдал себя. Если бы Котовский ожидал подхода пехоты, вражеская колонна прорвалась бы к Тирасполю, пополнив и без того большой местный гарнизон.

К исходу дня прибыли наконец пехотные части 45-й дивизии. Это позволило кавалеристам действовать еще более маневренно, еще более раскованно. Силы на оборону Николаевки и переправы у Маяков отвлекать больше не требовалось, все полки и эскадроны можно вести к Тирасполю форсированным маршем. К тому же тыл тоже стал надежней: 404-й полк А. Гончарова захватил узловую станцию Раздельная.

Путь к Тирасполю проходил с боями. Враг цеплялся за каждый населенный пункт. А Григорий Иванович буквально неистощим на выдумки, на тактические хитрости. Обход, фланговый удар, стремительные броски в тот район, где красных конников вовсе не ждут, - каждый бой бригада вела тактически по-новому, исходя из обстановки и численности врага. И, как правило, побеждала, побеждала блестяще.

11 февраля 1920 года Котовский телеграфировал, что 10 февраля кавбригада в течение целого дня выбивала и обезоруживала противника, засевшего в плавнях (румыны белогвардейцев в этом районе не пропускали). Ночевали конники в селе Граденица, а утром выступили из Граденицы через Каноши, Кандель и Зальц, где бригаде встретилась конная разведка противника. Основных же сил белогвардейцев оказалось более 1500 сабель и 500-600 штыков при двух батареях и пяти бронепоездах на станции Кучурган. Стремительной

кавалерийской атакой противник был выбит из колоний Баден и Страсбург, из которых в полной панике бежал в направлении Ново-Савицкий - Тирасполь, бросив оружие, пулеметы, обозы.

К Тирасполю кавбригада подошла 12 февраля и в тог же день освободила его.

Такой успех красных конников стал возможен потому, что белогвардейцы сопротивлялись с каждым днем все слабее, начиная осознавать всю бессмысленность борьбы. У красных же полков с каждым днем боевой дух становился все крепче. Красноармейцы рвались в бой, воодушевленные победами.

И еще один фактор… Котовцы возвращались домой. Отсюда они уходили с тяжелым чувством вины перед земляками, перед родными за то, что бросали их в лихую годину без защиты. Трудный путь прошли они, неимоверно трудный - и морально и физически, - чтобы вернуться. И что могло их сейчас остановить, когда дом - вот он, рядом? Когда мечта об изгнании оккупантов многострадального родного края становилась зримой, вполне реальной?!

Тирасполь освобожден. Штаб бригады разместился в гостинице, и потянулись к Котовскому ходоки-крестьяне за советами, как строить жизнь дальше.

Григорий Иванович принимал крестьян вместе с комиссаром бригады В.С. Христофоровым. С каждой делегацией говорили основательно, не спеша, выясняя расстановку классовых сил в той деревне, откуда ходоки, и тогда уж подробнейше разъясняли, что нужно сделать для установления справедливой Советской власти.

Передышка длилась всего два дня. Разведка донесла: т; Тирасполю приближается большая группировка противника, возглавляемая полковником Стесселем. Организовать оборону? Намертво врыться в землю? А может, опередить противника? Нанести встречный удар? Тем более, что кавбригаду поддерживают пехотные части 1-й бригады.

Сохранилось много свидетельств о развернувшихся вскоре событиях. Особой полнотой отличаются воспоминания адъютанта командира 402-го полка Н.Д. Савченко.

Получив тревожное сообщение разводки, Григорий Иванович срочно собрал совещание командиров, и, пока бойцы-кавалеристы готовились к походу, а пехота еще раз проверяла снаряжение, решение было выработано.

402-й стрелковый полк и батальон 401-го стрелкового полка форсированным маршем выдвигаются в район Чобручи, где обнаружен противник, и занимают там оборону. Когда же дениюгацы завязнут в бою с пехотинцами, полки кавбригады

наносят фланговые удары, сосредоточившись для этого в ночь на 16 февраля в районе села Незавертайловка…

Бой прошел точно по разработанному плану. Противник не внес никаких корректив. Котовцы фланговым ударом рассекли основные силы белогвардейцев, и те, не оказывая особого сопротивления, начали поспешно отходить в плавни, чтобы укрыться там от преследования и повести переговоры с румынами о переходе через линию фронта. Многие деникинцы, однако, либо гибли в бою, либо сдавались на милость победителя.

Плененными оказались видные генералы и офицеры. Среди них полковник Генерального штаба Мамонтов, исполняющий обязанности начальника штаба в группе Стесселя.

Допрос пленных позволил сделать вывод, что вся десятитысячная группа Стесселя с семьями офицеров и другими богачами-беженцами почти небоеспособна. Подавляющая часть даже офицеров готова сложить оружие, но боится репрессий.

- У меня есть предложение, - обратился Котовский к Мамонтову. - Прошу вас написать письмо Стесселю и объяснить, что Красная Армия пленных не расстреливает. Это будет с вашей стороны весьма благоразумно. Мы избежим излишнего кровопролития.

- Хотите, чтобы я дал за вас гарантии?! Нет, увольте…

Что ж, есть еще один путь к бескровному исходу противостояния - ультиматум. И Григорий Иванович направляет в стан врага Криворучко. Предложение категоричное: начало капитуляции с 12 часов 17 февраля.

Час проходит за часом, а деникинцы не спешат с ответом. Вот уже чуть более часа осталось до определенного ультиматумом срока. Котовский приказывает вывести на огневые позиции артиллерию, сосредоточить у плавней тачанки с пулеметами, чтобы как только истечет срок, сразу открыть предельно концентрированный огонь. Может, это облагоразумит белогвардейцев,

11.00. Ответа нет. Но вот первые перебежчики. Отчаянно смелые, от безысходности, видимо. Седой полковник с группой офицеров выходит к красным конникам и гордо заявляет:

- Я белый полковник. Можете меня расстреливать!

- Мы не убийцы! - ответили ему бойцы.

Вслед за первой группой вышла вторая. Полковник, тоже пожилой и поседевший, привел около четырехсот кадет.

- Мальчишки. Им жить да жить, - прокомментировал он причину сдачи.

Шли и шли перебежчики. Но официального ответа все нет. Осталось несколько минут - сейчас будет открыт огонь. Но вот

наконец из плавней выходит адъютант Стесселя и передает его просьбу прислать парламентера.

Когда представители Красной Армии, несколько командиров и рядовых бойцов, вошли в плавни, их сразу же окружила толпа. Посыпались вопросы:

- Что с нами будет?
- Кого расстреливают красные?
- Что станут делать с офицерами?

А адъютант Стесселя, воспользовавшись моментом, сбежал с небольшой группой преданных ему офицеров.

Однако деникинцы еще огрызались. В одной атаке у села Зальц (западнее Страсбурга) был убит Христофоров, комиссар кавбригады, доблестный воин, стойкий и испытанный коммунист, близкий друг Григория Ивановича и его незаменимый помощник.

19 февраля, закончив разоружение основных деникинских групп, укрывшихся в плавнях на берегу Днестра, бригада вернулась в Тирасполь. А на следующий день она провожала в последний путь своего любимого комиссара - В.С. Христофорова.

На следующий день в Тирасполе состоялся митинг, посвященный замечательной победе частей Красной Армии и, в частности, освобождению левобережных районов Бессарабии и восстановлению в них Советской власти.

Героизм и мужество красных конников были высоко оценены Советским правительством. Г.И. Котовский 18 июня 1921 года был награжден орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета республики говорилось о том, что товарищ Котовский Григорий Иванович удостоен высокой награды за умелое руководство кавалерийскими частями 45-й стрелковой дивизии во время одесской операции XIV армии в феврале 1920 года, за личное мужество и верность делу революции. Блестящие действия бригады, подчеркивалось в приказе, способствовали успеху всей операции и полному разгрому врага.

Орден Красного Знамени получили и прославленный командир полка И. Нягу, а также Н. Криворучко, Н. Скутельник и ряд других командиров и бойцов кавбригады.

Последние операции бригады Котовского продемонстрировали ее высокие морально-боевые качества, прекрасную выучку, спаянность и высокую дисциплинированность. Однако в последних трудных боях, пусть победных и успешных, полки бригады все же сильно поредели.

Григорий Иванович понимал, что вряд ли обстановка позволит длительное время оставаться в Тирасполе (война еще далеко не окончена), поэтому он обращался к местным партийным и советским органам с просьбой помочь поскорее

пополнить бригаду преданными революции трудящимися, сам встречался с коллективами промышленных предприятий, выезжал в села. По его просьбе в Тирасполе была создана вербовочная комиссия, которая одновременно с приемом заявлений от добровольцев проводила с ними занятия но военному делу, знакомила с оружием, с тактикой пехотного боя, занималась строевой подготовкой. И с каждым днем эскадроны пополнялись все новыми и новыми бойцами. Вооружались они трофейным оружием. Коней им давали тоже деникинских, отбитых бригадой в боях. Спешил Котовский не напрасно. Вскоре бригада получила приказ о передислокации.

Казалось, что переход в полторы сотни километров - Тирасполь - Ананьев, - да еще без боев, должен быть спокойным. Но он для бригады, значительно обновленной, явился серьезным испытанием. И старые бойцы, и особенно пополнение надеялись, что, собравшись с силами, Красная Армия начнет освобождение Бессарабии. И вдруг - путь в иную сторону. Настроение у многих красноармейцев сразу упало. Кроме того, началась весенняя распутица, а в бригаде были и артиллерия, и тачанки, беспомощные на раскисших дорогах, и обоз с продовольствием и фуражом. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять. И вот ранним утром бригада выступает из Тирасполя. Сразу же зарывается в грязь. Крепкие артиллерийские лошади не в силах даже сдвинуть с места орудия, и артиллеристы с помощью кавэскадронов тащили их буквально на руках. Шаг за шагом, километр за километром - четверо суток по непролазной грязи…

В Ананьеве эскадронам, а то и полкам приходилось совершать, как характеризовал сам Котовский, «прогулки» по волостям уезда. На каждом шагу они преодолевали скрытую и открытую враждебность, давали решительный бой бандитам, петлюровцам.

В республиканском музее Г.И. Котовского и С.Г. Лазо хранится обращение Г.И. Котовского к населению города: «Могучая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, уничтожившая Колчака, Юденича, добивающая Деникина, гарантирует всем вам мирную творческую работу! Поэтому призываю всех граждан, без различия положения, сплачиваться вокруг власти трудящихся - власти Советов и дружной работой создать счастье народа, о котором он всегда мечтал и которое так близко.

…Пусть население города Ананьева помнит, что власть Советов, стоя на страже интересов народныч масс, не позволит банде ворваться в город для грабежа и насилия. Все распускаемые по городу слухи считайте провокационными. Никого не бойтесь. Красная Армия вас защитит!»

Приказом командующего войсками Украинского военного округа А.И. Егорова изменен статус бригады: теперь она именовалась отдельной кавалерийской. Это означало, что заботы по снабжению частей продовольствием и обозно-вещевым довольствием легли на плечи руководства бригады. Причем без предварительной подготовительной совместной работы со снабженцами 14-й армии. Создавшуюся ситуацию убедительно характеризует телефонный разговор Котовского и Юцевича с начальником штаба 45-й дивизии И.И. Горькавым. Вот краткая запись:

«Юцевич: Согласно приказу мы должны были получить указание о формировании. Указаний нет. Скажите, кому сейчас мы подчинены?

В Ананьеве совершенно нет госпиталей и больниц, а у нас за последнее время масса заболевших. Разрешите открыть хотя бы лазарет на 60 коек и при каждом полку - 15 коек… Высший медицинский персонал имеется, рядовых работников нет, не положен нам по штату лазарет. Откуда получить средства?

Положен ли нам по штату, как отдельной бригаде, ветлазарет, имеется много больных лошадей?

Мобилизованы все силы для добывания продуктов и фуража совместно с местным продкомом. Денег нет ни гроша…

Обмундирования совершенно нет, белья нет, но без обуви можем обойтись недели полторы…

Котовский: У аппарата Котовский. Положение безвыходное. Я занял 200 000 рублей у частных лиц; еще два дня, и придется разойтись по домам. 60 часов добиваемся связи, нам не дают провода и выслушать нас не хотят. Примите самые решительные меры к снабжению нас деньгами… Укажите определенно, что мы в данный момент представляем - отдельную ли бригаду или часть вашей дивизии. Так, если мы отдельная часть, помогите нам устроиться, потому что мы оторваны, отрезаны от всех, так существовать дальше нельзя…

Пока о формировании и мирной творческой работе в бригаде и говорить даже не приходится…»

Как всегда в таких случаях, Григорий Иванович принимает самые энергичные меры, чтобы выправить положение, п вскоре бригаду взяли на обеспечение окрестные села. Крестьяне, благодарные за то, что котовцы избавили их от бандитов, поставляли фураж и продовольствие. Котовский же вместе с командирами и комиссарами бригады помогает комбедам готовиться к крестьянскому уездному съезду, и съезд прошел под большевистскими лозунгами. На нем крестьяне вручили бригаде

Красное знамя. Котовский заверил съезд в том, что красноармейцы-кавалеристы это знамя пронесут с честью сквозь бои до полной победы революции.

Произошло в те дни и еще одно важное событие в жизни Григория Ивановича.

В любых обстоятельствах Григорий Иванович находил время трогательно заботиться об Ольге Петровне, постоянно помогал ей в работе. Их дружеские отношения давно перешли во взаимную любовь.

В Ананьеве в связи с тем, что бригада стала Отдельной, Ольга Петровна была занята организацией лазарета. В кооперативе раздобыла мешковину и вместе с городскими женщинами шила простыни и белье для больных.

Как-то вечером в лазарет прибыл ординарец и попросил прийти к командиру бригады. Ольга Петровна, как была в сапогах и куртке из верблюжьей шерсти, так и отправилась. Она застала в сборе всех командиров. Не успела со всеми поздороваться, как старший по возрасту, Макаренко, обратился к ней со словами:

- Мы все замечаем, что комбриг и ты, Ольга Петровна, любите друг друга. Нам выбор командира по душе, поэтому мы принимаем вас в нашу дружную семью и сегодня отпразднуем вашу свадьбу.

Подвел ее к Котовскому и сказал:

- Ну вот, теперь мы будем спокойны за вас обоих. Ольга Петровна стояла в крайнем смущении, но Григорий Иванович взял ее за руку и сказал:

- Ну что же, подчинимся воле друзей.

Так скромно была отпразднована свадьба двух любящих друг друга людей.

А вскоре был получен приказ о том, чтобы переформирование бригады прекратить и вывести ее к станции Жмеринка. По пути движения, в районе населенных пунктов Бершадь и Хащевата, уничтожить крупные петлюровские банды Волынца и Тютюнника - не добитых прежде атаманов.

Значит, вновь бои. Это известие всколыхнуло бригаду. В эскадронах и полках повели спешную подготовку к походу.

12

Главная роль в последнем походе Антанты отводилась белополякам и Врангелю. Советское правительство не раз предлагало мир Польше. В начале 1920 года оно вновь обратилось к ней с предложением подписать мирный договор. Но правительство Пилсудского не приняло его, посчитав эту инициативу признаком слабости.

Мирная передышка дала бы возможность Советскому правительству начать восстановление разрушенного народного хозяйства. Однако социальные и политические завоевания народа нуждались в защите. Красная Армия укрепляется коммунистами, в нее направлено около половины всех членов партии - свыше 300 тысяч. На польский фронт стягиваются прославленные и боеспособные соединения и части, среди них кавалерийская бригада Котовского.

Первые бои были нелегкими для Красной Армии. Они показали, что противник более стойкий, чем деникинцы и петлюровцы. Польские части были хорошо вооружены, имели четкую организацию, а командование умело осуществляло тактические маневры, обеспечивая их достаточным артиллерийско-пулеметным огнем. А каждый тактический ход проводился в интересах общего стратегического плана.

Готовы ли были красные полки к встрече с таким противником? Судя по бригаде Котовского, не совсем. Когда штаб бригады прибыл в Жмеринку (а двигался ои третьим эшелоном), то там никого не оказалось: 1-й кавполк, двигавшийся первым эшелоном, оставлен под Летичевом и Меджибожем для отражения вылазок белополяков, а 2-й эшелон со 2-м кавполком проследовал уже через Жмеринку и двигается к Житомиру, чтобы перейти в подчинение командарма 12-й армии.

Можно понять и оправдать комбрига, когда он в самых резких тонах вел в те дни переговоры со своим начальством. И ему удалось, хотя и с большим трудо?^, вернуть все же 2-й полк в Жмеринку. И вот ополовиненная бригада по бездорожью выдвинулась к местечку Волковинцы для организации обороны.

Как вспоминает помощник командира взвода 3-го эскадрона З. И. Гуревич, 2-й кавполк, бригадная артиллерия и пеший дивизион Жуковского простояли там около месяца, отбивая лишь мелкие вылазки врага.

Можно же было за это время собрать бригаду в один мощный кулак? Безусловно. Наверняка штаб дивизии, штаб армии располагали данными разведки, что пилсудчики продолжают

наращивать силы для наступления и ожидают более благоприятного момента для начала похода. Было достаточно времени и для того, чтобы снабдить полки всем необходимым для успешного ведения боев. Этого, однако, не произошло. Гуревич в своих воспоминаниях приводит такую выдержку из записей «о внутренней боевой службе» 2-го кавполка:

«21 марта. Полк голодный. Продовольствия и фуража нет. Все поиски такового в окрестностях местечка Волковинцы не дали никаких результатов. Лавки и магазины закрыты. Голод, в полном смысле слова, всего полка».

А в тылу 45-й дивизии подняли мятеж две галицинские бригады, которые прежде перешли на сторону Красной Армии. Одновременно вылазку на Жмеринском направлении сделали белополяки.

Котовцы сдерживали натиск врагов, но положение складывалось весьма трудное. К тому же сосед кавбригады - 134-я стрелковая бригада оказалась совершенно не готовой к боевым действиям. И Григорий Иванович пытается убедить И.Э. Якира:

- Положение, близкое к катастрофе. Части 134-й бригады при малейшем нажиме противника откатятся на десяток верст, а весь обоз и артиллерия останутся в руках противника. Чтобы предотвратить неприятности, надо свести четыреста первый и четырехсотый полки в один полк под командой Антонидзе… Противник сам настроен панически, но деморализацию нашей пехоты передать невозможно. Советую срочно принять предлагаемые меры, иначе дивизия может потерять свое доблестное прошлое на этом злосчастном фронте…

Якир пообещал учесть все, о чем говорил Котовский, а его самого попросил взять командование над 134-й бригадой.

Со свойственной Григорию Ивановичу ответственностью за порученное дело, он принялся выполнять приказ. И ему удалось кое-что сделать, чтобы восстановить управление частями 134-й бригады, поднять дисциплину. Но было бы наивным полагать, что в столь короткое время можно исправить упущенное. Первое же крупное наступление белополяков это подтвердило.

Фронт стрелковой бригады поляки прорвали на рассвете и начали теснить полки к Волковинцам. Командование бригады пыталось организовать оборону, но она не носила упорного характера, и полки, огрызаясь, откатывались от одного выгодного рубежа к другому. К исходу дня положение стало очень серьезным, можно сказать, критическим. Бригада была полностью окружена пехотой и кавалерией противника и едва сдерживала его атаки. Еще небольшие усилия врага - и бригада окажется полностью разгромленной. Фланг и тыл кавбригады Котовского

станут вовсе открытыми, и белополяки, безусловно, этим воспользуются для нанесения удара. Котовский принимает решение упредить врага.

Непролазная грязь сдерживает темп движения, но упрямо и кавполки (Нягу со своим полком к тому времени уже вернулся в бригаду), и артиллерия, и тачанки пробиваются вперед и вперед.

К Комаровцам подошли за полночь. Темень, хоть глаз коли. Холодный пронзительный ветер валит с ног людей и коней.

- Коноводы, в укрытие, - передается команда от эскадрона к эскадрону. - В пешем строю сосредоточиться и районе станции.

Команда выполнена быстро, но новых распоряжений больше не поступает. Значит, не знают командиры, что предпринять. Это волнует бойцов, но они, подчиняясь дисциплине, терпеливо ждут.

А Котовский и в самом деле еще не принял никакого решения. Вести бригаду прямо на Волковинцы он опасался - можно попасть в окружение либо напороться на засаду. Где сейчас противник - неизвестно. С пехотными частями связи нет. Взвод разведки, высланный в том направлении, сразу же попал под огонь противника. Буквально за переездом. А какие там силы у врага? Связные, посланные к стрелковым частям, все еще не вернулись. Вот и решай, что предпринять…

Новые и новые группы разведчиков уходят в ночь. Котовский то меряет шагами платформу, то подходит к Нягу или Макаренко, спрашивает:

- Не вернулись?..

В Волковинцах разгорается бой. Рвануться бы туда, но ждет Котовский. Ждет, пока вернутся разведчики и обстановка прояснится. А противник начал артиллерийский обстрел станции. Огонь, правда, не прицельный, но появились уже раненые.

Вот наконец долгожданное: «По коням!» Полки кавбригады скрытно обошли поляков, которые окружили в Волковинцах наши части и атаковали их, пытаясь полностью уничтожить, ударили по полякам с тыла. Как всегда оттуда, откуда враг вовсе не ждал удара. Он был разбит наголову.

Но тот успешный ночной бой, умелый маневр конников привели лишь к временному успеху и на весьма небольшом участке фронта. Части Красной Армии отходили повсеместно, откатывалась и 45-я дивизия. Отступали до тех пор, пока не подоспела Первая Конная армия С.М. Буденного и не вклинилась с ходу в стык 2-й и 6-й польских армий в районе Казатна. Тогда только наступил перелом на польском фронте.

Но до того летнего дня оставалось еще много времени, много трудных оборонительных боев, от которых зависела жизнь или смерть бригады, жизнь или смерть всей дивизии. Биться

приходилось не только с белополяками.

В конце апреля 1920 года 45-я дивизия отступала из-под Бара. Отбивали атаки поляков с трудом, напрягая все силы. Тут новость: в тылу дивизии действует Тютюнник с большим конным отрядом. Он уже разгромил обозы 60-й дивизии, расстрелял пленных красноармейцев, а теперь ворвался на станцию Вапнярка и начал там погромы.

Котовский решает уничтожить бандитов. В таких случаях он никогда не ждал указаний сверху, а смело действовал на свой страх и риск. Только своевременно докладывал начальству о предпринятых шагах.

Вот и на сей раз Григорий Иванович собрал короткое совещание командиров и комиссаров, чтобы разработать план разгрома группы Тютюнника.

Высказываются командиры кратко и конкретно, как требовал Котовский. Предложения разные, но у каждого имелась своя схожая мысль - лобовой удар сочетать с обходным маневром. И вот уже отправлены посыльные - «аллюр три креста» - в штадив, а приказ передан по полкам и эскадронам: 1-й эскадрон Криворучко (80 сабель) атакует станцию, бригада же обходит Вапнярку. Начало атаки в 6 часов утра.

Эскадрон успел подтянуться к станции еще ночью. Дали немного передохнуть коням, укрывшись в дальнем лесочке, и едва лишь забрезжил рассвет, подтянули подпруги, проверили, прочны ли стремянные ремни, и вскочили в седла.

Почти к самой станции подошел эскадрон, а банда молчала. Не видела. Спали мертвецким сном после попойки. Спали и выставленные наблюдатели.

- В атаку - марш-марш!

Атака красных конников ошеломила бандитов. А у страха, как известно, глаза велики. Несметные полчища, казалось бандитам, несутся на них, а не горстка отчаянных смельчаков. Кинулись удирать прямо по железной дороге. Коней седлать некогда, свои ноги надежней…

Из лесочка, слева, где ночевала пехота Тютюнника, ударили нестройные залпы, и часть эскадрона повернула туда…

Всего несколько минут прошло, а станция уже очищена. И страшная картина предстала перед бойцами: в вагонах изувеченные трупы красноармейцев. У многих распороты животы и набиты зерном.

Торопит своих бойцов Криворучко, чтобы не отпустить далеко врага, а гнать его прямо на бригаду, как выгоняют волчью стаю на засевших в засаде стрелков.

У деревни Кирсановки кавбригада перехватила бандитов и

уничтожила их почти полностью. Лишь немногим удалось вырваться из окружения и бежать к своим покровителям - белополякам. Котовцы пленили более тысячи конных и пеших бандитов и большой обоз, который поляки постарались загрузить и продуктами, и боеприпасами до отказа, намереваясь «погулять» по Подолии.

В конце июня наступление белополяков приостановлено по всему фронту, но коренной перелом еще не наступил. Осталось пять дней до того момента, когда конница Буденного прорвет польский фронт в районе Казатина. Контрнаступление в направлении Белая Церковь - Киев еще только готовилось.

На участке бригады Котовского, как почти и на всем фронте, наступила тишина тревожная, даже зловещая.

Утро разгоралось в жаркий день. Поляки укрылись километрах в двух от позиций котовцев. Только наблюдатели внимательно следили за красными конниками, чтобы подать сигнал, если они начнут наступление.

Котовцы рады короткой передышке. Каждодневные бои измотали и людей и лошадей. Гимнастерки задубели от пота, а у коней масть с трудом разбираешь. Чистят всадники конскую амуницию, чистят коней скребницами - щетки уже не берут сальную грязь, а сами поглядывают на небольшой ставок, манящий прохладной водой. Вот бы искупать коней, самим выкупаться да белье постирать. Тихо же все равно. Пилсудчики получили по зубам в прошлом бою, теперь отплевываются.

И вот уже делегации от полков идут к комбригу. А тот тоже разморен жарой и благодушно настроен.

- Купать коней? - весело переспрашивает. - Дело предлагаете. Охранение вышлем - и подивизионно в ставок.

Охранение выслали вперед на километр, и первые два эскадрона довели коней в ставок. И началось на зависть веселое купание. Шутки, хохот.

Вторая смена - эскадроны 2-го полка - расседлывают коней и сбрасывают с себя одежду. За купанием наблюдает сам Макаренко. Комэск Криворучко же, как и все бойцы, в воде.

И вдруг… Совершенно неожиданно засвистели пули. Как сдуло из ставка людей и коней. Кто за винтовки хватается, кто седла на мокрые конские спины бросает, а Криворучко кричит:

- Взнуздать коней, взять шашки и карабины. После боя оденемся!

Помедлил минуту-другую, чтобы взяли бойцы оружие да трензеля коням в рот повставляли, и скомандовал:

- По коням!

Выводит свой эскадрон Криворучко на дорогу, а по ней Котовский на своем Орлике мчится впереди бойцов. Кричит комэску:

- С тыла обходи!

И верно. Слева Нягу спешит со своим полком. И тоже наметом. Сейчас сойдутся врукопашную. Начнется сеча. И удар с тыла так нужен…

Да, прозевало охранение вылазку белополяков. Укрываясь в высокой ржи, они подобрались вплотную, уничтожили охранение и повели наступление на бригаду. Контратаку полка Нягу и эскадронов, которые вел Котовский, встретили сильным огнем. Конники Нягу попятились, но Котовский с эскадронами врубился во вражеские ряды. Тогда и Нягу со своим полком вновь кинулся в атаку, сшибся с врагом, начал рубить. Но белополяки упорствуют. Перелома в ходе боя все еще нет. Похоже, что легионеры наседают сильней.

И вдруг по дороге, идущей с тыла, от Белой Церкви, появилась ватага голых всадников, дико орущих и неистово размахивающих клинками.

Верную команду дал Котовский эскадрону Криворучко, чтобы шел тот в обход, а не кидался бы в лобовую атаку вслед за всеми. Не соверши эскадрон обходной маневр, трудно сказать, чем бы окончился тот неожиданно вспыхнувший бой. А так - победа. Много убитых и пленных врагов, захвачено 12 новеньких «максимов».

Но дорогой ценой досталась эта победа. Есть и убитые и раненые. Умер от ран командир полка Иван Никитович Макаренко, которого Котовский любил за мужество и отвагу.

Полк под команду принял Н.Н. Криворучко, сын батрака из Черкасского уезда, в первую мировую войну получивший за храбрость чин вахмистра. После Февральской революции избирался председателем эскадронного комитета, а после Октябрьской возглавляемый им отряд борется за Советскую власть. В 1919 году этот отряд вливается в регулярную Красную Армию, и Криворучко становится комэском в бригаде Котовского.

И в первом же бою полк отомстил за своего погибшего командира. 8 июня вместе со стрелковыми частями своей дивизии котовцы начали наступление на Белую Церковь, чтобы развить успех Первой Конной, и освободили Белую Церковь.

Красная Армия наступала. 12 июня полки облетело радостное известие - освобожден Киев, освобождены десятки городов и сел. Казалось, противник сломлен. Но это было не так. Командование польской армии сосредоточило значительные силы в мощный

кулак и рассекло им наступающие части Первой Конной армии. Тылы армии оказались под угрозой полного разгрома. И тогда кавбригаде Котовского было приказано совместно с 14-й дивизией Пархоменко остановить противника, двигавшегося на Коростень.

Почти неделю не слезали с коней, совершая броски в те районы, где разведка обнаруживала врага, который, разбившись на отряды, совершал налеты на обозы и штабы частей Красной Армии, на подходившие к фронту резервы. Один за другим уничтожали котовцы эти отряды в населенных пунктах Дрозды, Гребенка, Брусилов, Сквира, Самгородок, Погребище и в крупном железнодорожном узле Казатине. Своими решительными и смелыми действиями бригада обеспечила дальнейшее наступление Первой Конной и приданных ей частей 44-й и 45-й дивизий.

После успешного выполнения приказа по ликвидации прорвавшихся в тыл польских легионеров бригада Котовского заняла место на левом фланге Первой Конной армии и участвовала в освобождении Райгородка и Иван-поля.

Третий поход Антанты близился к логическому концу. Вымуштрованные и прекрасно вооруженные белопольские части покатились под ударами наших войск, и тогда империалисты приняли все меры для активизации боевых действий армий Врангеля, румынских оккупантов, а также контрреволюционных сил Приднестровья. Там с помощью диверсионных групп, переброшенных на левый берег Днестра, им удалось поднять в некоторых уездах антисоветские мятежи.

Вооруженным силам республики совместно с трудовым крестьянством удалось быстро подавить мятежи. Получил достойный отпор и Врангель. Но белополяки, воспользовавшись тем, что часть сил Красной Армии пришлось все же отвлечь, а значит, ослабить нажим, сумели задержаться на реке Случь и перейти к обороне.

Здесь, как вспоминают котовцы, в конце июня разгорелись сильные бои. Бригада вышла к местечку Любар, которое раскинулось по обе стороны реки. С ходу захватить переправу не удалось, противник отбил атаку и даже потеснил конников. Любар несколько дней переходил из рук в руки. Такая задержка в наступлении не устраивала ни штаб бригады, ни самого комбрига. Но, чтобы прорвать оборону противника, нужно было изучить его слабые места, и вот одна за другой разведгруппы переправляются на противоположный берег.

Самым тщательным образом изучена система оборонительных сооружений врага, сосредоточение его основных

сил, и наконец ахиллесова пята найдена. Белополяки главные усилия направляют на то, чтобы укрепить участок фронта между Любаром и Черторией, то есть вниз по реке. Опутываются колючей проволокой, роют глубокие окопы, сооружают дзоты, а вверх по течению от Любара есть места, где оборонительные сооружения еще не готовы. Сюда и нацелил свой удар Котовский.

На этот раз предпринял ночную атаку, потому что слишком уж явный перевес в силе имел враг. Не годилась и лихая атака - полягут люди и кони под огнем вражеских пулеметов. Вот и повел своих бойцов Котовский спешенными эскадронами. Только два эскадрона на конях оставил в резерве, чтобы в случае успеха ввести их в прорыв.

Они-то и решили в конечном итоге исход боя. Скрытно переправившись через Случь, котовцы бросились в атаку и, потеснив врага, захватили мост через реку, ворвались в Любар. Всю ночь длился жаркий бой. Стреляли в упор, схватывались в рукопашной, и, хотя красные конники упорно рвались вперед, бой тем не менее проходил с переменным успехом. И вот на рассвете Котовсккй ввел резервные эскадроны. Проскочив свои пехотные цепи, эскадроны атаковали, как говорится, с дистанции вытянутого клинка, и польские легионы не могли встретить кавалерию пулеметным огнем, просто не успели прийти в себя, как уже над их головами взметнулись острые сабли. В панике белополяки начали отступать.

Преследовала врага бригада уже в конном строю.

Тактику эту, оправдавшую себя в боях за Любар, Григорий Иванович позднее стал применять часто, и она всякий раз приносила успех. Спешенные эскадроны скуют действия противника, отвлекут на себя огонь, конница летит неудержимо и решает исход боя.

От Любара поляки отступили на Грицев, а затем на Изяславль. Котовцы, упорно преследуя противника, не давали ему возможности нигде закрепиться, и он вынужден был откатываться все дальше и дальше. Вот белополяки вводят новые силы - пехоту и кавалерию. Наступление кавбригады приостановлено. Более того, поляки отбили Грицев, предприняли попытку окружить кавбригаду и действовавшие правее полки 134-й стрелковой бригады.

События развивались стремительно. Первым в бой с конницей противника вступил полк Криворучко и полностью ее разбил, захватив 30 лошадей и много нового конского снаряжения. Но этот частный успех не изменил общего положения дел. Вражеская пехота, казалось, наводнила весь район и упорно наступала. Не в силах сдержать ее натиск, Н.

Криворучко донес об этом Котовскому и получил приказ идти на соединение со 2-м кавполком.

Григорий Иванович, понимая сложность положения, собрал бригаду в единый кулак у деревни Лисицы.

Ночь прошла тихо, только разведчики колесили от села к селу, выясняя численность противника, его наиболее слабые места, чтобы определить направление прорыва. А враг повсюду. Утром наверняка начнет сжимать кольцо, начнет наступление. Значит, нужно опередить его, ударить раньше, внести смятение в его боевые порядки. И едва забрезжил рассвет, Нягу повел в атаку полк. Первым повел, чтобы затем в прорыв вошла вся бригада. Главное направление удара - Чотырбоки и Белополь, где сильные бои ведет 134-я бригада. Она едва сдерживает натиск врага, а на некоторых участках даже отступает. Объединение же сил стрелковой бригады и кавалерийской позволит создать перевес сил в этом районе, сломить сопротивление противника и продолжать успешное наступление по всему фронту.

Утренний бой начался вроде бы успешно. Полк Нягу, поддержанный артиллерией, рассек вражеские ряды. Рассек легко. Слишком легко. Но ни Котовский, ни его штаб но обратили на это внимания. Начали вводить в прорыв основные силы. Но стоило только артиллерийской батарее сняться с боевых позиций, как поляки отсекли ее от полка Нягу и от полка Криворучко. Немногим артиллеристам удалось спастись, орудия же остались в руках врага. Ни Криворучко, ни Нягу не смогли отбить батарею, хотя предпринимали одну атаку за другой.

Котовский, поняв, что лобовым ударом не потеснить врага, не отбить батареи, решил схитрить. Обойти противника с фланга. Маневр удался. Вражеская оборона прорвана, захвачено более 500 пленных и батарея. Орудия, упряжь - все новое, отменное. Лошади свежие, холеные.

Потеря возмещена. Григорий Иванович, развивая успех, повел конников на Белополь и стремительной атакой выбил врага из деревни. В руках у котовцев осталась еще одна батарея.

Попытка противника приостановить наступление частей Красной Армии у реки Случь, а затем ударить слева по флангу Первой Конной армии оказалась безуспешной. Немалая роль в этом принадлежит кавбригаде Котовского.

Бои шли чередой. Форсирован Збруч, освобождены Деревичи, Лабунь, Вербовцы. Котовский спешно доносит, что к 16 часам полки подошли к селам Вербовцы и Сульжин, где оказался противник силой до 1000 штыков при трех орудиях и кавалерии. Полки пошли на село Вербовцы и выбили оттуда противника. В это время в Сульжин подоспело подкрепление - пехотный полк,

стоявший прежде на хуторах. Пришлось одному из полков бригады Котовского спешиться, чтобы атаковать укрепившегося на окраине Сульжина врага.

Не устоял противник и начал отступать по направлению к шоссе на Старо-Константинов и в сторону сел Бейзимы - Лещаны. Преследовали белополяков котовцы до станции Брикулю, верст 12-15 за Сульжин. Уничтожено до 200 всадников, взято в плен более 100 человек. Захвачены пулеметы, масса патронов, винтовки и другое имущество. Часть белополяков разбежалась по лесам. Путь вперед открыт.

Теперь на Изяславль, чтобы захватить город, прорваться в тыл противника и громить его штабы, резервы, обозы.

Имея данные разведки, что в Изяславле сосредоточен большой гарнизон, Котовский спешил полки и скрытно вывел их в районе моста через реку Горынь. Когда же через мост потянулся обоз белополяков и артиллерия, он поднял бригаду в атаку и ворвался в город без потерь.

Несколько часов боя, и город очищен от врага. Теперь - в тыл войск противника.

Три дня «гуляла» кавбригада Котовского по тылам староконстантиновской группировки белополяков. Такие рейды обычно имеют четкую задачу - совершать неожиданные нападения на небольшие вражеские группировки, штабы и обозы, чтобы вносить дезорганизацию в управление войсками и затруднить доставку на фронт боеприпасов и оружия. Столкновений же с крупными силами избегать, находиться в постоянном движении, чтобы запутать разведку противника и не дать ему возможности сделать засаду. Котовский же на этот раз рискнул атаковать крупную конную группу пилсудчиков, сосредоточенную в населенном пункте Кольчин.

Первая атака красных конников была врагом отбита. Отбита и вторая. Казалось, что сквозь плотный огонь вражеских пулеметов и орудий прорваться не удастся. Но не отступать же битым? Котовский принимает решение и поднимает бойцов в третью атаку. А затем передается команда: сразу же, как ударят вражеские пулеметы, отойти. Какой расчет? День на исходе, вот-вот потемнеет, и поляки не рискнут ночью преследовать отступивших красных конников. Но они будут уверены в том, что четвертую атаку, да еще ночью, котовцы не начнут.

Отступили умело, вполне убедив белополяков, что отказываются от дальнейших атак. Коноводы подали коней спешенным эскадронам, снялась и вытянулась в походную колонну артиллерия. Выкатились на дорогу тачанки и тоже перестроились в походную колонну. Конная атака была

неожиданной и стремительной. Вражеская кавалерийская часть, беспечно готовившаяся ко сну, не смогла на сей раз оказать сопротивления, и котовцы разгромили ее полностью.

Успешные операции кавбригады и удары 45-й дивизии по группе генерала Краевского содействовали успеху Первой Конной армии С. М. Буденного. Потеснив 2-ю польскую армию, буденновцы начали штурм Ровно и Острога.

Вскоре, однако, обстановка резко ухудшилась. Отсутствие единого фронта, групповые бои, успешное наступление одних частей и задержка других создавали разрывы, иногда весьма большие, на стыках дивизий и армий. Такой разрыв образовался на стыке 45-й дивизии и 14-й армии. Этим сразу же воспользовались белополяки и ввели в него отборные части, насчитывавшие более 6000 штыков и 250 сабель. Пехоте и кавалерии было придано более полусотни орудий и несколько десятков станковых пулеметов. И вот эта ударная группа врага оказалась в тылу 45-й дивизии и Первой Конной армии. Белополяки захватили Грицов и ряд других населенных пунктов. Наступление Первой Конной на Ровно оказалось под угрозой срыва.

Для ликвидации прорвавшихся в тыл белополяков Реввоенсовет Первой Конной армии спешно создает Особую кавалерийскую группу, в которую вошла и кавбригада Котовского. Возглавил группу А. М. Осадчий. Усилиями этой группы белополяки, орудовавшие в тылах наших войск, были в кратчайший срок ликвидированы, Грицов освобожден, конница Буденного, вновь обретя падежный тыл, продолжила наступление и 4 июля взяла Ровно.

Новая задача перед бригадой Котовского - выдвинуться в район Катебурга, затем переправиться через Икву и ударом с юга помочь 135-й дивизии овладеть Кременцом. Действовать в составе группы Осадчего.

В Катебург прибыли вечером. Заночевали, а на рассвете перешли Икву. Осадчий повел Особый кавалерийский полк и резервную бригаду на Бережцы для удара на Кременец с запада, а Котовский свою бригаду на Ново-Почаев. Для удара с тыла.

Ново-Почаев заняли легко. Никто не ждал, что красная конница окажется в таком глубоком тылу. Польские солдаты бежали, а население встретило котовцев радушно. Несли продукты, везли сено и овес. Григорий Иванович, видя такое гостеприимство, распорядился остановиться на отдых в районе Почаевской лавры.

Утром бригада двинулась но своему маршруту, по вскоре

поступило сообщение, что белополяки большими силами отрезали группу Осадчего от Иквы и окружили ее. Григорий Иванович разворачивает полки и форсированным маршем спешит на помощь Осадчему. Отдохнувшие и хорошо покормленные лошади идут ходко.

Первая атака принесла успех - захвачена переправа через Икву. Но как только эскадроны группы Осадчего переправились через реку, то сразу попали под огонь белополяков. Началась, как писал в своих воспоминаниях Кркворучко, охота за красными конниками.

До самой темноты метались эскадроны вдоль Иквы, отбиваясь от пилсудчиков, и лишь ночью им удалось выскользнуть из окружения и отойти на Катебург и Горинку. Начались трудные бои, которые длились три дня, принося попеременный успех то белополякам, то красным бойцам.

Наиболее тяжелым в те дни был бой за Горинку. Белополяки захватили ее силой до 700 человек с восьми-орудийной батареей и пулеметными подразделениями. А приказ кавбригада получила выбить противника из Горинки во что бы то пи стало. Котовский повел свои полки в наступление.

Встретил их враг сильным артиллерийским огнем еще на дальних подступах, но огонь тот пока не причинял никакого вреда, ибо Котовский, предвидя такой оборот дела, рассредоточил эскадроны. Он распределил силы так: 1-й кавполк выходит на рубеж атаки рассыпным пешим строем, используя естественные укрытия, балки, которых здесь было много; 2-й кавполк скрытно выдвигается для удара во фланг.

Сам Котовский находился в цепи спешенных эскадронов.

Почти без потерь подобрался пеший полк к Горинке и сосредоточился для атаки в широкой балке. До деревни всего шестьсот шагов по цветущему гречишному полю.

- А ну вылезай, братва! - крикнул Котовский, и бойцы, проминая дорожки в густой гречихе, начали подниматься по склону вверх.

Еще не прокатилось по рядам захватывающее и бросающее вперед без оглядки на пули громкое «ура-а-а!», как ударили вражеские пулеметы по красноармейцам. Ударили дружно. Вплела свой басок в размеренный пулеметный говор и артиллерия. И тоже прицельно ложились снаряды, сея смерть. Тут уже не до атаки. Сполз полк вниз, оставив наверху убитых товарищей.

Гречишное поле и гребень лощины оказались хорошо пристреленными вражескими пулеметами и артиллерией.

Белополяки перенесли артиллерийский огонь в лощину. Били

точно. Тоже, видимо, пристрелялись загодя. Момент критический. Вперед не прорвешься, все гречишное поле простреливается, здесь, в балке, долго не просидишь - снаряды рвутся один за другим, а надежного укрытия нет. Нужно, значит, отходить. Но тогда полк Криворучко в каком положении окажется? Уничтожен будет полностью.

Вдруг перед цепью на коне с обнаженной шашкой появился Котовский.

- В атаку!.. Вперед!

И то, что минуту назад казалось невозможным, стало фактом. Полк поднялся и двинулся вперед. А в это время рядом с Котовским разорвались один за другим три снаряда. Бойцы видели, как взвилась на дыбы его лошадь, а когда пыль и дым рассеялись, не оказалось ни лошади, ни Котовского.

- Убит… - пронеслось по цепи. Жажда мести овладела бойцами.

Разъяренные котовцы ворвались в Горинку, уничтожая врага штыками и прикладами. Не выдержали пилсудчики - побежали. А там, за деревней, им наперерез летел уже полк Криворучко.

Противник разбит полностью. Потери его - более четырехсот человек убитыми и ранеными.

Несколько дней пролежал в лазарете Котовский, бредил, выкрикивал команды, и все эти дни Ольга Петровна не отходила от него ни на шаг. Поехала она с ним в Одессу, когда Григория Ивановича командование 45-й дивизии отправило туда на лечение.

И пока Котовский, опираясь на палочку и поддерживаемый Ольгой Петровной, совершал утомительные прогулки, бригада шла вперед и вперед. Освобожден Кременец, выбиты белополяки из Почаева. Занята деревня Литовиско, разбит противник после упорных боев в районе Голубица Пеняки. Все ближе и ближе Львов. И вот уже разъезды бригады Котовского ведут разведку на окраине Львова. И докладывают об этом своему комбригу. По возвращении Котовский начал готовить своих конников к наступлению на город.

Львов не был взят Красной Армией. Наоборот, вскоре советские войска вынуждены были отступить под нажимом крупных сил противника. Отступить по всему фронту.

Неудачи, постигшие нашу армию на польском фронте, имели и объективные и субъективные причины. В значительной мере эти неудачи объяснялись ошибками командования, наступление советских войск шло так стремительно, что не было времени закрепиться на занятых позициях, а тылы отставали,

коммуникации растягивались. Все это привело к тому, что ухудшилось снабжение армии продовольствием, фуражом и особенно боеприпасами. Не могло подходить своевременно и пополнение. Исправлять же такое положение наше командование не спешило, ошибочно полагая, что армия помещичьей Польши разгромлена и не сможет больше оказывать серьезного сопротивления, а тем более нанести контрудар.

В этом, пожалуй, был главный просчет. Ибо белополяки, спешно отступая, сохраняли живую силу и технику для того, чтобы измотать наши войска и, поставив их в невыгодное положение, перейти в контрнаступление. «При нашем наступлении, - говорил В.И. Ленин, - слишком быстром продвижении почти до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка… и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами» [4] .

Приложили огромные как политические, так и дипломатические усилия, чтобы спасти капиталистический режим в Польше, и страны Антанты. Франция прислала огромное количество снаряжения и большую группу офицеров и инструкторов; Англия и Франция пригрозили начать военные действия против Советской России, если не будет приостановлено наступление на Польшу; они потребовали заключить перемирие и с Врангелем, намереваясь тем самым оторвать в конце концов дипломатическим путем Крым от России.

Молодая Советская Республика не могла не считаться со сложившейся обстановкой. На польский фронт вновь было направлено подкрепление. И вот в сентябре советские войска остановили наступление белополяков и, подтянув резервы, стали готовиться к нанесению нового удара. И тогда правительство буржуазно-помещичьей Польши согласилось заключить перемирие.

13

Вскоре после заключения мира с белополяками, в конце октября 1920 года, на одном из заседаний 3-й партийной конференции, проходившей в Виннице, начдив Якир сообщил о том, что части Южного фронта штурмом взяли Перекоп и загнали Врангеля через перекопскую воронку обратно в Крым. Бурными овациями было встречено это радостное известие. Бойцы и командиры-коммунисты горячо приветствовали еще одну победу революционного народа.

А когда немного утихли аплодисменты, Якир рассказал о подготовке нового подлого удара по Республике Советов из района Проскуров - Могилев-Подольский - Жмеринка, где скопились остатки петлюровской армии.

Да, буржуазное польское правительство, опасаясь полного разгрома своей армии, вынуждено было пойти на переговоры о мире, но петлюровцев на произвол судьбы оно бросить не намеревалось. Ценой больших усилий и многочисленных жертв белополякам удалось оттеснить наши войска в район Проскурова и Могилева-Подольского, и эту территорию сразу же наводнили петлюровцы. Заключив перемирие, Польша отвела отсюда свои войска, а на переговорах, которые проходили в Бердичеве, заявила, что не станет вмешиваться в возможные операции Красной Армии против Петлюры. Появился таким образом нейтральный район, или, как его тогда назвали, «безответственная» территория.

Хитрый на первый взгляд военно-дипломатический, ход не ввел Советское правительство и командование Красной Армии в заблуждение. Они сразу поняли конечную цель этой коварной игры. К началу мирных переговоров в Риге белополяки готовили новый фронт против Советской Республики. Обеспечивала петлюровцев оружием, продовольствием и боеприпасами в основном Польша, являясь как бы посредником между странами Антанты и Петлюрой.

В результате двойственной политики буржуазного правительства Польши сложилась такая обстановка, что в период ликвидации белогвардейцев в Крыму и окончания войны с белополяками в небольшом треугольнике Проскуров - Могилев-Подольский - Жмеринка готовилась новая интервенция против Республики Советов, авангардом которой должны были стать старые и вновь создаваемые формирования петлюровской армии. К началу советско-польских переговоров «украинская армия» Петлюры насчитывала до 35 тысяч штыков и 5 тысяч сабель.

Врангель перебросил в треугольник, занятый петлюровцами, 3-ю резервную армию, которая была спешно сформирована из остатков разбитых белогвардейских частей и командиром которой Врангель назначил генерала Перемыкина, тоже не раз битого Красной Армией.

Контрреволюционные силы скопились здесь довольно значительные. Этим собирался воспользоваться Пилсудский, чтобы давить на нашу делегацию в Риге, выторговывая наиболее выгодные для себя условия мира. Буржуазная Польша предполагала вести переговоры «с позиции силы».

И вот, чтобы выбить козырную карту из рук Пилсудского, Советское правительство поставило задачу 45-й дивизии и другим дивизиям 14-й армии в кратчайший срок полностью уничтожить армию Петлюры, нанеся ей упреждающий удар. Приказ о ликвидации последней угрозы на внешних фронтах гражданской войны на западе был отдан 25 октября 1920 года. Начало наступления намечалось на 10 ноября.

Отчего устанавливалась именно эта дата? Армейская и дивизионная разведки сумели захватить некоторые штабные документы, из которых было видно, что Петлюра спешно готовится к наступательным боям я определил день начала общего наступления на 11 ноября.

Это же подтверждали и данные разведки.

Направление главного удара планировалось петлюровцами на Жмеринку, чтобы в первую очередь захватить этот важный в стратегическом отношении железнодорожный узел, игравший крупнейшую роль в перевозках оружия, боеприпасов и продовольствия для Юго-Западного фронта. Кроме того, петлюровцы рассчитывали, выйдя во фланг и тыл наших войск, пополнить свои ряды за счет контрреволюционных банд, многочисленных в том районе и хорошо вооруженных.

С 4 по 8 ноября, по первому снегу, 45-я дивизия совершает 140-километровый переход от Винницы до местечка Джурин и занимает положение, которое обеспечивает нанесение флангового удара по армии Петлюры в направлении Проскурова.

7.00 10 ноября 1920 года. Предутренняя тишина разорвалась мощным артиллерийским залпом из всех дивизионных орудий - началась артиллерийская подготовка. Снаряды летели в сосредоточившиеся для наступления вражеские части и подразделения, разносили в щепки тачанки и брички, выводили из строя орудия. Враг, ошеломленный столь неожиданным ударом, заметался, а красные полки уже форсировали реку Мурашку.

Упредив готовящееся наступление противника, части 45-й дивизии в первый же день опрокинули две дивизии врага, а кавбригада Котовского совместно со 134-й стрелковой бригадой наголову разбила одно из самых боеспособных и надежных соединений петлюровской армии - дивизию Удовиченко, которую желтоблакитники гордо именовали «железной».

Первый успех окрылил, и, хотя петлюровцы сопротивлялись упорно, остановить наступление 45-й дивизии уже не смогли. Плацдарм контрреволюционных сил, где готовилось новое нападение на нашу страну, был ликвидирован.

Вскоре после разгрома петлюровцев дивизионная газета «Голос красноармейца» поместила «Акт обследования подвигов, совершенных Отдельной кавалерийской бригадой тов. Котовского при 45-й советской стрелковой дивизии в период операции против армии Петлюры и 3-й армии Врангеля с 10 по 22 ноября 1920 года». Во врезке редакция сообщала читателям, что печатаемый «Акт» о подвигах кавбригады Котовского, независимо от строгого, официального стиля изложения, свойственного официальному документу, в силу одного своего содержания представляет собой увлекательный рассказ, развертывающий перед читателем яркую картину действий кавбригады тов. Котовского, следствием которых явился полный разгром петлюровской армии.

«Акт» был составлен 13 декабря 1920 года по распоряжению начдива-45 как основание для представления к награждению кавбригады почетным революционным Красным знаменем. Материалом для написания «Акта» явились оперативные и разведывательные сводки, оперативные приказы, рассказы самих участников боев. «Акт» прослеживает день за днем бои всей «недели ликвидации петлюровщины», мы же расскажем о наиболее интересных боях.

10 ноября 1920 года

К 24 часам 10.X1 кавбригада сосредоточилась в исходном положении в д. Володиевцы, что в 12 верстах юго-западнее м. Джурин. Противник крупными силами (3-я «железная» дивизия полковника Удовиченко) занимал линию по р. Мурашка: деревни Березовка - Лужки - Черновцы.

С рассветом 10.X1 кавбригада во взаимодействии со 134-й и 135-й бригадами из д. Володиевцы перешла в решительное наступление на деревни Березовка - Шендеровка. И хотя дороги были размыты дождем и лежал густой туман, бригада быстро подошла к деревне Березовка, но ее встретили сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Шедший во

главе колонны 2-й кавполк, не имея возможности атаковать противника в конном строю, был спешен, а при поддержке конной батареи, выброшенной на линию цепи и открывшей сильный огонь прямой наводкой, полк дружным ударом выбил значительно превосходящего противника из села Березовка и обратил его в бегство.

На следующий день котовцы скрестили клинки с конным отрядом Фролова в деревне Бендичаны. В результате этого боя крупная и лучшая кавалерийская часть противника понесла большие потери и бежала к местечку Озаринцы. Разгром отряда Фролова завершили части 134-й бригады и 1-го конкорпуса. Бригада же Котовского остановилась на ночлег в деревне Малый Ольчадаев.

12 ноября

С рассветом 12 ноября кавбригада, выполняя приказ начдива, из д. Малый Ольчадаев через деревню Попелюхи выступила на Великий Ольчадаев, захватывая левыми боковыми кавразъездами деревни Беляны и Перекоринцы. Противника перед фронтом бригады не оказалось.

Около 12 часов разведка выяснила, что восточнее станции Котюжаны 135-я бригада ведет упорный бой. Петлюровцы, подтянув свежие части 4-й Киевской и 6-й Волынской дивизий, а также отдельную кавдивизию Гютюнника, в ночь с 11 на 12 ноября сбили левый фланг 60-й дивизии в районе Копай-Город - Котюжаны и с рассветом 12 ноября перешли в энергичное контрнаступление на 135-ю бригаду. Ей на помощь форсированным маршем из Великого Ольчадаева двинулась кавбригада Котовского и стала обходить с северо-запада пехотные и кавалерийские части противника.

Параллельно бригаде Котовского наступательные бои против петлюровцев вела 8-я кавдивизия червонного казачества под командой Примакова. И вот в первый же день котовцы и примаковцы едва не порубили друг друга под Ольчадаевом. Червонное казачество, или, как их сокращенно называли «червонцы», было одето точно так же, как и белоказаки конницы Фролова, Яковлева и других атаманов, вот и произошло недоразумение. Чтобы такое не случалось больше, Примаков и Котовский договорились впредь быть более осмотрительными.

Но если первая ошибка закончилась благополучно, то вторая, вызванная «чрезмерной осмотрительностью», едва не привела кавбригаду Котовского к разгрому. И только находчивость и хладнокровие Котовского и Криворучко спасли положение.

Двигалась кавбригада вдоль речки Лядова в тыл пехоте и коннице Тютюнника, с которой вела бой 135-я дивизия. Бой шел с переменным успехом, и кавбригада спешила, понимая, что удар с тыла решит исход в пользу советских частей. Но котовцам даже не пришлось атаковать противника. Как только петлюровцы обнаружили у себя в тылу красную конницу, сразу стали поспешно отступать. Тогда Григорий Иванович приказал артбатарее Просфирина открыть огонь по отступающей пехоте, а кавполкам преследовать вражескую конницу, с которой уходил и сам Тютюнник. Едва, однако, полки кавбригады начали настигать петлюровскую конницу, как Тютюнник приказал выбросить белый флаг.

Что ж, всегда хорошо, когда враг сдается без боя. Меньше жертв. Криворучко останавливает свой полк, берет с собой полуэскадрон и скачет к белякам, чтобы обсудить с ними условия сдачи в плен. Но как только полуэскадрон приблизился, Тютюнник, не сворачивая белого флага, отступил. Потом вновь остановился, как будто поджидая парламентеров.

Так повторялось дважды, трижды, а пехота его и часть конницы тем временем переправлялись на противоположный берег реки.

В четвертый раз Криворучко с полуэскадроном подскакивает к Тютюнпику, и тот вновь делает бросок. Теперь уже и вовсе понятно, что хитрит, и Криворучко посылает связного к полку с приказом атаковать противника. Но Котовский отменяет приказ.

- Атаковать, когда выброшен белый флаг?! Мы кто - Красная Армия или варвары?!

А Тютюнник под прикрытием белого флага отходит. Он уже почти у самой реки. Криворучко приказывает своим пулеметчикам открыть огонь.

Ударили пулеметы, а беляки остановились и размахивают белым флагом. Вперед даже его выдвинули, прямо под пули. Подсечет пуля коня под знаменосцем, другой всадник выхватывает древко. И продолжает размахивать белым полотнищем, взывая к прекращению огня.

Тут сам Котовский подскакал. Взбешен. Кричит:

- Отставить огонь! По белому флагу кто позволил?!

- Да не сдаются они! За нос водят! - ответил Криворучко и сам поскакал к Тютюннику, вокруг которого сгруппировалось полсотни всадников. Остальные уже благополучно переправились на противоположный берег. Подскакал Криворучко поближе и кричит:

- Сдаетесь или нет?

В ответ Тютюнник выхватывает маузер и стреляет в

Криворучко, а потом вся конная группа, так и не свернув белого флага, поскакала к мосту.

- У, гад! - ругается зло Криворучко, спрыгивает с коня и, припав на колено, стреляет по Тютюннику.

Пуля угодила в коня. Тот рухнул, подкошенный. Небольшая заминка, а полуэскадрон уже несется наметом, чтобы взять в клинки Тютюнника с его телохранителями. Впереди сам Котовский. Но поздно уже. Тютюннику подают нового коня, тот вскакивает в седло и уносится за реку. Атакующих красных конников встретили длинные пулеметные очереди.

Лезть на рожон? Нет смысла. Котовский останавливает полуэскадрон и собирает командиров на короткое совещание, чтобы обсудить план преследования противника. Но тут подскакал Просфирин и докладывает:

- В тылу нашем конница. Шестьсот, а то и больше всадников. Едва успел батарею снять.

- Откуда наступают? - спрашивает Котовский.

- Из деревни Татариска.

- Не может быть там петлюровцев. Опять червонцев за противника приняли, - спокойно заключает Котовский и продолжает совещание.

Подскакивает начальник прикрытия. Докладывает:

- Товарищ комбриг, противник в тылу.

- Врете вы оба с Просфириным. Червонцы это. Криворучко, едем со мной. Бери человек пять. И знамя, чтобы ясно было, кто мы.

Знамя развернули, двинулись группой: Котовский, Криворучко и еще несколько бойцов. Миновали лощину, поднялись на взгорок и видят, у шоссе выстроились пехотные и кавалерийские полки. Тоже никак не могут понять, свои или чужие перед ними, атаковать либо воздержаться, пока все прояснится. Стоят, готовые к атаке, команды ждут. Кони как на подбор. Густо щетинятся пики.

- Конечно, червонцы, - делает заключение Котовский и командует:

- За мной!

А когда ближе подъехали, то увидели, что на башлыках нет красных лент.

- Вот так червонцы! - вырвалось у Котовского, и он придержал коня.

Надо бы развернуться и ускакать, да поздно. От строя отделился взвод конников. Впереди сотник. Несутся в намет, черные шлыки развеваются на ветру.

Осадив коня шагах в двадцати, сотник крикнул:

- Кто вы такие?

- Котовцы. А вы?

- Мы казаки Яковлева. Вы что, сдаваться хотите?

Вопрос логичный. Не биться же пяток конников выехал к лучшим полкам Тютюнника. Григорий Иванович не мешкая отвечает:

- Вот помаракуем сейчас. За Котовским пошлем. - Вполголоса приказывает Криворучко: - Веди переговоры, потяни время. - И вновь кричит сотнику: - Сейчас Котовского позову!

Вздыбил Орлика и поскакал к своим полкам. А сотник стоит со взводом, ждет, зло поглядывая на красное знамя. Не вытерпел, крикнул:

- Уберите флаг!

Свернули знамя, зачехлили. Криворучко и сотник выехали друг к другу навстречу для переговоров.

- Слово казака, никакого лиха пленным не будет, - заверил сотник. - Сложите все оружие вот здесь, на поляне. Спешиться и вести коней в поводу. Котовский и штаб его пусть верхом остаются, - подумав, смилостивился сотник.

- Подходяще, - согласился Криворучко. - Котовский примет такое условие, только нужно на бумаге, чтобы потом путаницы какой не произошло бы.

- Можно и на бумаге, - согласно кивнул сотник, достал из переметки полевую сумку, извлек из нее блокнот. Записал условия сдачи в плен кавбригады.

А времени заняло все это лишь несколько минут. Не успел еще Котовский перестроить полки и подвести их сюда, в лощину. Еще нужно время потянуть, занять сотника разговором, чтобы у него никакого подозрения не возникло.

- С коммунистами как поступите? Хлопцы они ничего, жаль будет их, если что. Не согласится Котовский, чтобы в расход их.

- Добре. Сохраним жизнь и коммунистам. Никого здесь не тронем, во Львов отправим. Там судить их будут. По закону.

Какой у бандитов закон! Только сложи оружие, они совсем другие условия продиктуют. Налетят, возьмут в клпнки. Но Криворучко вроде доволен ответом. Предлагает:

- Запишите и это.

- Добре, - вновь кивнул сотник и принялся дописывать еще один, пункт в своем блокноте.

Криворучко старается выискать еще вопросы, которые нужно обговорить предварительно и «зафиксировать». Но где их взять, те вопросы. Все предельно ясно: складывай карабины и шашки в кучу и уповай на милость победителей.

- Дайте почитаю условия полностью, чтобы Котовскому

доложить, как все решено, - нашелся Криворучко.

Сотник протягивает блокнот. Криворучко читает вдумчиво, переспрашивая и уточняя отдельные слова. Наконец говорит:

- А что во Львове судить будут, а не пустят в расход коммунистов, не записано.

- Можно добавить, - соглашается сотник и пишет в блокнот новое дополнение.

Вот сотник окончил писать, поднял голову и вдруг изменился в лице - выражение довольства и снисходительности будто сползло с него и уступило место недоумению и тревоге.

- Чего это ваша конница в боевом порядке двигается? - спросил сотник торопливо.

Криворучко, не оборачиваясь, представил себе, как эскадрон за эскадроном вылетают из лощины и разворачиваются для атаки. Обрадовался и ответил усмешкой на вопрос вопросом:

- А почему ваша конница стоит в боевом порядке?

- Так вы же сдаетесь!..

- Ну а это еще посмотрим, кто кому сдаваться будет.

- Так что ж голову морочили?! - крикнул гневно сотник, развернул коня и поскакал к своим.

А по полю уже неслось громкое «ура-а-а!» и топот сотен копыт. Даже не слышны были выстрелы орудий батареи Просфирина, свистящий полет снарядов; и их взрывы в гуще вражеской конницы словно происходили сами по себе, вызывая суеверный страх у петлюровцев.

Бой был короткий. Казаки Яковлева, пришпоривая коней, помчались на Снитково. Пехота припустилась следом. Лишь отдельные группы схватились с котовцами в рукопашной, но эти очаги сопротивления быстро были ликвидированы, а красные конники устремились в погоню за отступающим противником.

Конники Яковлева, оставив далеко позади свою пехоту, повалили на мост, и тот не выдержал, рухнул. Крики, ругань, кто посмелей, бросается в воду. А шашки полка Криворучко безжалостно секут врагов.

Окружена полностью пехота противника, и петлюровцы, понявшие, что сопротивляться совершенно бесполезно, побросали оружие.

Котовский был недоволен тем, что Тютюнник сумел обманным путем выскользнуть из рук и увести с собой целую конную бригаду.

- Приведут себя в порядок и снова полезут, - сокрушенно говорил он. - Нам же с ними и придется драться.

Предположения Григория Ивановича оправдались. Котовцы встретились еще раз с дивизией Тютюнника у местечка Базар

через год.

Следующие дни кавбригада громила отдельные отряды дивизии есаула Яковлева, 1-ю пехотную дивизию 3-й армии Врангеля, захватывая большие трофеи и много пленных. Быстрые и смелые действия полков кавбригады Котовского срывают в самом начале попытки «украинской армии» и врангелевцев нанести контрудар в районе станции Комаровцы. 3-й армии Врангеля и особенно ее пехотным частям, еще совершенно не обстрелянным, наносится крупное поражение; армия деморализована, и солдаты ее целыми партиями сдаются в плен. Все это дало возможность полкам 45-й дивизии и кавбригаде стремительно наступать на Проскуров.

К вечеру кавбригада Котовского сосредоточилась в Михалполе. Разведкой установлено скопление всех боеспособных частей «украинской армии» и еще не введенных в бой частей 3-й армии Врангеля в районе Проскурова, а кавалерийская дивизия Яковлева заняла оборону в районе деревни Голосково и местечка Медяшбож. И вот, чтобы опередить противника, котовцы спешно двинулись к Проскурову. Утром 17 ноября кавбригада начала бой у деревни Казимировки со сводноказказским конным полком 1-й дивизии 3-й армии.

Котовский вел своих конников в обход Проскурова, чтобы ударить по врагу с тыла и помочь тем самым пехотным полкам захватить город. И, как всегда, чтобы не наскочить на засаду, он высылал группы разведки и вперед и на фланги. От одной из таких групп поступило донесение, что в районе деревни Казимировки, которая оставалась в нескольких километрах левее направления движения кавбригады, обнаружен противник силою до эскадрона. Одежда странная, поверх английского обмундирования надеты французские плащи. На околышах фуражек и на рукавах - белые кресты.

- Поглядим, что за «белокрестники», - выслушав доклад разведчиков, сказал Котовский и скомандовал бригаде свернуть на Казимировку.

И вот уже кавбригада, перестроившись в лаву, несется на деревню в привычной стремительной атаке. Но… Застрочили из Казимировки пулеметы, стройно, как единым гулким выдохом, ударили винтовочные залпы, и начали падать кони, подминая всадников. Атака захлебнулась.

Котовский в недоумении. Еще раз переспрашивает разведчиков:

- Говорите, их всего сотни полторы?

- Да. Спешенный эскадрон. Мы не могли ошибиться.

Гарнизоны многотысячные отступали под ударами кавалерийской бригады, бежали в панике. А здесь всего-то полторы сотни. И легко отбили атаку целой бригады,

Григорий Иванович сам новел полки во вторую атаку. Все повторилось: дружные винтовочные залпы, очень меткие, подсекающие коней; длинные пулеметные очереди, не менее прицельные, несущие смерть атакующим, - не смогли пробиться котовцы и во второй раз. Отступили и в третий раз, понеся большие потери. Нужно менять тактику боя.

- Артиллерию - на боевые позиции, - приказывает Котовский. - Огонь по деревне! Эскадроны спешить…

Григорий Иванович решил применить проверенную не единожды тактику: сильным артиллерийским огнем и атакой спешенных эскадронов выбить противника из села и тогда, в открытом поле, оставленным специальным резервом атаковать его на конях и полностью разгромить.

Но, было похоже, «белокрестники» разгадали этот тактический шаг и еще крепче вцепились в село, отбивая одну пешую атаку за другой.

Пять атак не принесли успеха. Артиллеристы вновь открыли огонь по Казимировке, бойцы стали готовиться к новой атаке - шестой. Поползли по-пластунски конники, прижимаются к земле. Пули «белокрестников» достают даже ползущих бойцов. Ближе и ближе деревня. Вот уже метров с полсотни до нее.

- Вперед! Ура-а-а!

Рванулись котовцы. Штыки наперевес. Не остановить их поредевшим защитникам Казимировки. Ни пулеметами, ни метким огнем трехлинеек. Передовые цепи уже в деревне, сошлись в рукопашной с «белокрестниками».

Вскоре бой затих. Полсотни пленных ждут своей участи. Котовский спрыгнул с коня.

Перед ним расступились охранявшие пленных бойцы. Он молча переходит от одного пленного к другому, всматривается пристально в лицо каждому, словно хочет что-то понять и запомнить. Потом говорит:

- Храбро дрались. Умело. Рад был бы командовать такими храбрецами, если бы не против народа вы шли. - Сделал паузу и спросил: - Кто такие? Какого полка?

Вперед выступил стройный офицер, смело глянул в глаза комбригу и назвался.

- Капитан Романкевич. Уверяю вас, что ни под какими пытками мы не изменили бы присяге. Но… - Он помолчал немного, словно подчеркивая важность момента, и четко доложил: - Спешенный офицерский полк.

- Доверие за доверие, - ответил Котовский. - Я поручаю вам, капитан, вести пленных в штаб дивизии. - Он назвал место, где размещался штаб. - А если поймете, что родина - это ее народ, то милости прошу ко мне в бригаду.

Отпустить пленных, полагаясь лишь на честь офицера, было весьма опрометчиво, но риск оправдал себя. Все они пришли в штаб. Впоследствии же, как писал Н. Криворучко, многие из них: Романкевич, Андреев и другие честно служили в кавбригаде.

18 ноября

В ночь с 17 на 18 ноября части кавдивизии Яковлева занимают местечко Деражня, выбив оттуда части 60-й дивизии. Считая единственным средством ликвидации противника удар по его главным силам и тылам в Проскурове, кавбригада, несмотря на отсутствие связи с 1-м конкорпусом, в 3 часа утра 18 ноября из деревни Баламутовки форсированным маршем наступает на Проскуров, с рассветом переправляется через озеро Дубовое, где сбивает передовые заставы противника и вступает в бой с его главными силами. Крупные пехотные и кавалерийские части противника, вышедшие из города, при поддержке ураганного артогня двух бронепоездов, 8 легких и 2 тяжелых орудий, стрелявших со стороны деревни Заречье, оказывают упорное сопротивление, но части кавбригады после двухчасового боя геройски сломили сопротивление в несколько раз превосходящего противника и ворвались в город. Конная батарея бригады, выбросившись на линию наступающих частей и открыв меткий ураганный огонь по городу, оказывала содействие кавалерии. В городе захвачены трофеи, обоз и отбита большая партия пленных красноармейцев.

Деморализованный противник, потеряв окончательно связь с кавдивизией Яковлева, в панике бежит. Кавдивизия Яковлева, намеревавшаяся из района Голосково - Деражня произвести глубокий рейд в тыл наших войск, тоже начала отступление.

В течение трех дней на линию Проскуров - Черный Остров выдвигаются оставшиеся далеко позади части 1-го конкорпуса и 60-й дивизии. Петлюровцы, оказывая сопротивление, отходят на Волочиск. К вечеру 21 ноября ваша 14-я армия готовилась к окончательной ликвидации противника.

22 ноября

Разведкой установлено, что между петлюровцами и белополяками достигнуто соглашение о пропуске остатков «украинской» и 3-й армии Врангеля со всей материальной частью в Галицию. Кавбригада Котовского, не ожидая, пока выдвинутся на занимаемую ею линию части 1-го конкорпуса, совершенно

самостоятельно, без всякой поддержки справа и слева, форсированным маршем идет прямо на Волочиск, где враг сосредоточил все свои силы. Сметая его арьергардные части, под ураганным огнем бронепоездов кавбригада переменным аллюром проходит по маршруту Гарнишевка - Якушевцы - Вальковцы, тесня огромные силы противника, и от деревни Фридриховка бросается в стремительную атаку. Последние пять верст перед Волочиском бригада прошла галопом под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника и в 18 часов конечным ударом сбивает его главные силы на лед, отрезая их от моста. Буквально из рук вырывает переправляемые на польский берег орудия, эшелоны и материальную часть. Заканчивает ликвидацию остатков армии противника и захватывает много пленных и громадные трофеи: 8 орудий, 2 бронепоезда, богатый обоз, 4 эшелона с арттехимуществом…

С петлюровской армией покончено за двенадцать дней. Отмечая особенно героические подвиги и отвагу кавбригады тов. Котовского, Реввоенсовет наградил ее почетным революционным Красным знаменем. Комбриг Г.И. Котовский награжден орденом Красного Знамени. Боевые награды получили также командир 2-го кавполка Н. Криворучко, военком бригады П. Борисов, командир эскадрона М. Скутельник, многие другие командиры и рядовые конники бригады.

14

Котовский брал то одно, то другое воззвание, вчитывался в них внимательно, сопоставляя тексты. Безграмотные, наспех написанные от имени эсеровского губкома каким-нибудь кулаком на клочке мятой бумаги, они дышали неуемной злобой к большевикам, к Советской власти, они призывали трудовой народ собираться под эсеровские знамена, обещая им земной рай. Ущерб, причиненный эсеробандитами в губернии, огромен. В брошюре «Правда о бандитах», которую совсем недавно выпустили в Тамбове и которую Котовский читал, приведены поразительные данные: в Тамбовской губернии антоновцы сожгли и разрушили 60 совхозов, из которых увезено и загнано более 1500 лошадей. Сотни коров и свиней, тысячи овец захвачены антоновцами у населения. А какой ущерб нанесли крестьянским хозяйствам, кооперативам, совхозам антоновские отряды, разграбившие Борисоглебское уездное семенное хозяйство в селе Вязовка, губернскую опытную станцию, опытную станцию в имении Золина, опытное поле в селе Алешки! Не перечтешь всего разграбленного и разрушенного. Убытка причинено на десятки миллионов рублей. Словно Батыево нашествие пережила губерния: сожженные дотла деревни, сотни и тысячи трупов на полях и в лесах. Вот уж поистине учредиловское «народолюбие» справляло здесь свой пир.

Котовский с отвращением смотрел на измятые листки, ему совсем не хотелось читать эту безграмотную писанину, но он, пересиливая себя, пододвинул еще один листок.

Текст отпечатан на машинке. Заголовок броский: «В борьбе обретешь ты право свое». И эта листовка сулила «друзьям рабочим и крестьянам» все земные блага, лишь бы они бились за учредительное собрание…

В комнату вошел комиссар бригады Борисов и, посмотрев на листовки, пасьянсом разложенные на столе, спросил сочувственно:

- Познаешь, Григорий Иванович, идейную суть антоновщины?

- Ты эти листки, комиссар, в бригаде раздай. Нашить лампасы, напялить папахи - полдела. Не ошибиться в разговорах - это важней будет. Своими глазами видел его «работу».

- Верно, Матюхин зверь зверем. Только не о том я. Воззвания все эти - прошлый этап. Продразверстка отменена. Красноармейцы помогают крестьянам в полевых работах. По твоей же, Григорий Иванович, инициативе. Мужику все это

разъясняют большевики. А мужик, он свою выгоду быстро понимает.

- Не забывай, комиссар, в деревнях не только наша агитация, но и эсеровская, антоновская. Те свое гнут: до осени, дескать, вся поблажка, а осенью хлеб под метлу. Вот и колеблется пока еще мужик. И хочется ему верить, и верить боится. Антоновцы, кроме того, агитацию изуверством подпирают. А принять мучительную смерть не каждый готов… Заморочили голову крестьянству красивыми лозунгами, запугали его террором, льется кровь людская, а ради чего? Чтобы перекрашенные под эсеров кадеты захватили власть и снова загнали мужика в кабалу.

Еще до того, как штурмом был взят Зимний и к власти пришли трудящиеся, а руководящей партией стала партия большевиков, главари Тамбовской эсеровской организации энергично начали борьбу с «большевистской» опасностью в губернии. В самом Тамбове они сформировали полк так называемых «ударников», командный состав которого часто ездил в Москву и Петроград для связи с эсеровским руководством. Средства для этих поездок, как и на содержание полка, давала городская управа эсеров. Командовал «ударниками» прапорщик Леонов, Активный эсер.

Членом тамбовского эсеровского губкома был и начальник тамбовской милиции Булатов. В его подчинении служил тогда Антонов.

В первых числах октября 1917 года со двора городской управы вывезено три воза винтовок. На официальный запрос большевистской фракции городского Совета рабочих и солдатских депутатов, сделанный на пленуме горсовета, городской голова и начальник милиции дали «официальную справку», что «сообщения большевиков - очевидная провокация».

Затем ограблен тамбовский артсклад, и комиссия под председательством Булатова (в ее состав входил и Антонов) виновных, конечно же, не находит.

Имея большинство на губернском съезде Советов, эсеры выбросили лозунг: «Партий не нужно. Теперь власть и а рода!»

Работа съезда пошла именно под этим лозунгом. II хотя позже был создан большевистский губисполком, эсеры остались на многих руководящих постах и продолжали яростно бороться против большевиков.

Осенью 1918 года и весь 1919 год в деревнях Тамбовской губернии шла большая ломка. Начали работать комитеты деревенской бедноты, которые перераспределяли земли с учетом

нужд бедняков и семей красноармейцев, раскулачивали мироедов, создавали коммуны. Эсеры открыто не выступают против комбедов, они меняют тактику борьбы, перекрашиваются в красных. В Пахатном Углу Тамбовского уезда даже создана эсеровская «коммуна». Коммунары-эсеры образцово работали, а дополнительно к этому все мужчины довольно интенсивно учились действовать в конном строю, рубить шашкой и стрелять из карабина.

Эсеровский центр в Тамбове поддерживал связь с подпольными эсеровскими группами в селах и всячески им помогал. Посылалось не только оружие, но и эсеровская литература.

Но, как говорится в народе, шила в мешке не утаишь. Руководители Советской власти Кирсанова все с большим подозрением поглядывали на Антонова. У них уже начали накапливаться документы, которые говорили о его враждебной деятельности. Подозрение перерастало в уверенность, но Антонов не стал дожидаться, когда чекисты придут к нему домой. Он скрылся, а вскоре в глухом лесном углу, в районе озер Чернец и Ильмень, объявился «защитник справедливости и прав обиженных». Какой по счету на многострадальной российской земле?!

К активным действиям Антонов перешел только осенью 1920 года. Момент для выступления он выбрал очень удачно. В 1920 году объем хлебозаготовок был намечен в количестве 423 миллионов пудов вместо 319 миллионов пудов в 1919 году. Большая часть по сложившимся обстоятельствам пришлась на долю Тамбовской губернии, а настроенные эсерами против Советской власти крестьяне встретили продразверстку враждебно. Войска же были сняты из губернии и переброшены на фронт против помещичьей Полыни, начавшей новое наступление. Оголилась и губчека. Партийная организация также была чрезвычайно ослаблена рядом крупных мобилизаций.

Командующий внутренними войсками Советской Республики, член коллегии ВЧК В.С. Корнев, прибывший в Тамбов для уточнения обстановки на месте, в докладе Ф.Э. Дзержинскому и главкому С.С. Каменеву отмечает, что, «ознакомившись с ведением операции тов. Аплоком (начальник Орловского сектора внутренней охраны, назначенный командующим всеми вооруженными силами, действовавшими по подавлению мятежа в Тамбовской губернии. - Г. А.) по подавлению восстания, нашел, что неуспех в полном уничтожении бандитов объясняется неиспользованием в полной мере всех средств и ресурсов губернии, непривлечением к борьбе местных властей, слабым

комсоставом и крайне слабой войсковой разведкой».

В некоторое противоречие с этим выводом входит свидетельство секретаря Тамбовского губкома РКП (б) Б. Васильева. Его мнение таково: при наличных тогда силах тамбовские советские и партийные органы не могли сделать больше того, что они сделали. Антоновщина могла быть сломлена и уничтожена только при широкой помощи со стороны Центра.

8 сентября 1920 года в Тамбове собралось экстренное заседание губкома и губисполкома. Решение единодушное - послать в Москву Владимиру Ильичу Ленину срочную телеграмму об обстановке в губернии и командировать для личного доклада Ленину председателя губисполкома и Военного совета А.Г. Шлихтера.

Телеграмма В.И. Ленину: «Тамбовская губерния. Кирсановском, Борисоглебском и Тамбовском уездах в течение трех недель происходит крупное восстание крестьян и дезертиров под руководством правых эсеров. Вследствие острого недостатка войск, винтовок и патронов губернии, организованному губисполкомом Военному совету не удалось своевременно задавить повстанческое движение, которое теперь разрослось до громадных размеров и имеет тенденции разрастаться, захватывая новые территории. В ряде случаев войска отступали перед бандами повстанцев из-за недостатка винтовок и патронов, В результате восстания бандами расстреляно свыше 150 деревенских коммунистов и продработников и отнято у наших мелких отрядов до 200 винтовок и два пулемета. Разгромлены четыре совхоза. Вся продработа остановилась. Неоднократно обращались Орел окрвоенком (окружной военный комиссариат. - Г. А.) и сектор ВОХР (войска внутренней охраны республики. - Г. А.), Москву ВЧК и ВОХР, однако до сих пор нами не получено достаточного количества надежных войск и, главное, винтовок. Поэтому обращаемся Вам как последней инстанции, могущей оказать нам помощь…»

На следующий день в Москву выехали А.Г. Шлихтер и секретарь губкома партии Н.Я. Райвид. На приеме у В.И. Ленина они просили надежный батальон войск внутренней охраны, два эскадрона, продотряды численностью до двух тысяч человек и вооружение для коммунистов: тысячу винтовок, сто револьверов, не менее двадцати пяти тысяч патронов. Тогда, как они считали, мятеж будет ликвидирован и выполнен наряд наркомпрода по разверстке.

Это была явная недооценка сил Антонова, весьма поверхностное представление о положении дел в губернии.

Для подавления мятежа нужны были значительно большие силы. Он разрастался быстро. Уже 24 сентября заместитель председателя Тамбовского губисполкома В.Н. Мещеряков, который находился в Москве, в записке В.И. Ленину сообщал:

«Со времени Вашего разговора… со Шлихтером о нашем восстании, положение наше ухудшилось (разоружены наши 2 роты; взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета и вообще противник окреп). Я был у главкома, получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок; но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. И ссыпка идет по 20-22-25 тысяч пудов в день вместо 200-220 тысяч нужных.

Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое».

В.И. Ленин, прочитав эту записку, сразу же адресует ее заместителю председателя Реввоенсовета республики З.М. Склянскому и председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Надо принять архисрочные меры! Спешно!»

Антоновщина расползалась. К январю 1921 года повстанческое движение охватило пять уездов губернии: Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Моршанский и Козловский. Мятежников к тому времени уже насчитывалось в общей сложности 50 тысяч человек. Они были сведены в две армии, которые делились на полки. Каждый полк прикреплялся к определенному району, где получал продовольствие и фураж. Оттуда же полк пополнялся личным составом и лошадьми.

Кроме так называемых строевых частей, у повстанцев были части милицейские - «Вохры». На них возлагалась задача внутренней службы.

Повстанческие армии подчинялись в оперативном плане главному оперативному штабу во главе с Антоновым; в политическом - губернскому комитету Союза трудового крестьянства во главе с левым эсером Токмаковым. На самом деле главным вдохновителем и руководителем мятежа был кадет Федоров - бывший тамбовский присяжный поверенный, бывший домовладелец и землевладелец. Фамилию он сменил, стал Горским, представителем Петроградской конторы по закупке лошадей. Правая рука Федорова - железнодорожный служащий Дмитриев, тоже кадет.

Горский и держал прямую связь с петроградскими контрреволюционерами, а также знаменитым Всероссийским комитетом помощи голодающим, с одним из его главных воротил, Кишкиным, тоже бывшим тамбовским землевладельцем и кадетом.

Но обо всем этом до поры до времени не знали даже сами

тамбовские эсеры и главари антоновщины - для них Федоров был «товарищ Горский», представитель центрального эсеровского комитета.

Прежде всех об этом узнали чекисты.

2 февраля 1921 года вопрос о Тамбовской губернии был детально рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП (5). Было указано Наркомпроду, что политическое положение и возникший мятеж требуют, безусловно, снижения объема продовольственной разверстки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая и особенно сильно нуждаются в продовольствии. Была, кроме того, признана необходимость определения ряда мер, которые бы облегчили продовольственное положение в голодающих губерниях. Рекомендовалось, в частности, неотложно организовать общественное питание. Но главное внимание уделялось усилению агитационной и политико-воспитательной работы, организации разгрома мятежа.

Особенно плодотворной эта работа стала после того, как 14 февраля 1921 года В.И. Ленин принял в Кремле тамбовских крестьян, участников мятежа - «бородачей». Выслушав все жалобы крестьян, Владимир Ильич умело разъяснил им сущность продовольственной политики партии, посоветовал активней бороться с теми, кто ее нарушает, беспощадно изгонять их из органов Советской власти. Убедил В.И. Ленин «бородачей» в том, что антоновщина не принесла народу никакой выгоды.

Рассказ «бородачей» «Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии» был опубликован в первом номере газеты «Тамбовский пахарь», а также издан отдельной листовкой большим тиражом. «Бородачи», ставшие после беседы с В.И. Лениным горячими защитниками Советской власти, выступали в деревнях и селах, призывали немедленно прекратить бессмысленную борьбу и взяться за свой крестьянский труд.

Решающее значение в переломе настроения крестьянства сыграло и то, что на Тамбовщине еще до X съезда РКП (б), принявшего решение о переходе к новой экономической политике, было объявлено об отмене продразверстки. Это решение и большая разъяснительная работа по нему привели к тому, что приток добровольцев в банды, по существу, прекратился, а вскоре многие обманутые и запуганные мужики начали возвращаться к сохе и плугу. Сотнями и даже тысячами сдавались красноармейцам в плен мятежные крестьяне.

Редели полки Антонова, но сила в них еще была. Те, кто обагрил свои руки кровью коммунистов и красноармейцев, кто люто ненавидел Советскую власть, оружия складывать не

собирались. Мятеж по-прежнему сохранял свои опасные формы. Учитывая это, ЦК РКП (б) объявил Тамбовскую губернию «на положении Кронштадта в дни меньшевистско-эсеровского мятежа». Для разгрома антоновщины в губернию направлялись регулярные войска. Командовать ими Политбюро ЦК РКЦ (б) поручило Михаилу Николаевичу Тухачевскому. В его распоряжении к началу июня было 53 тысячи бойцов и командиров, в том числе четыре кавалерийские бригады (около 6 тысяч сабель), два авиаотряда, бронеотряд, шесть бронелетучек, четыре бронепоезда, десантный отряд.

Полномочная комиссия ВЦИК обратилась к армейским коммунистам с призывом: «Товарищи военные коммунисты!.. Тамбовское кулацкое повстанье - это гнилая заноза в исхудалом теле нашей трудовой республики. Ее надо вырвать немедленно твердой и умелой рукой».

Части Красной Армии стали наносить антоновским бандам один за другим ощутимые удары. И Антонов принимает решение уйти в Саратовскую губернию. Но вырваться из окружения ему не удалось: на его пути встали кавалерийские бригады Г.И. Котовского, М.П. Ковалева, В.И. Дмитриенко, три бронеотряда Уборевича. Основные силы антоновцев были разбиты. А вскоре недалеко от деревни Киселевки красноармейские части окружили и уничтожили почти полностью кавалерийский полк, которым командовал сам Антонов. Главарю восстания удалось спастись, но 2-я армия мятежников рассыпалась на мелкие группки, которые были затем ликвидированы с помощью местных жителей.

После этого конница, пехота и автобронеотряды начали наступление на 1-ю армию мятежников, командовал которой Богуславский. Первые бои сложились неудачно. Хитрый и умелый, Богуславский выскользнул из кольца, переправился на левый берег Хопра - в Воронежскую губернию. Но вскоре и его армия была разбита, а сам он погиб.

Теперь лишь одна серьезная банда повстанцев оставалась на Тамбовщине - 14-й и 16-й полки под командой Ивана Матюхина. Этот матерый бандит был очень осторожен и хитер, он претендовал на первую роль в тамбовском мятеже и с Антоновым конфликтовал. Он и его банда с особой жестокостью расправлялись с коммунистами и пленными красноармейцами.

Пока партия проводила политические акции по разъяснению крестьянам антинародной сути антоновщины, а части Красной Армии громили бандитов, незаметные операции чекистов приносили огромную пользу. Их было много, тех операций, и одна из них, самая крупная, закончилась арестом главарей

антоновщины.

Началась она еще до сосредоточения сил Красной Армии для решительного удара. По поручению Ф.Э. Дзержинского начальник отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК Т.П. Самсонов и его заместитель Т.Д. Дерибас разработали детальный план проникновения в логово Антонова. Выбор пал на Е.Ф. Муравьева, левого эсера, который порвал со своей партией и перешел на позиции большевиков.

В марте 1921 года Муравьев со своей ближайшей помощницей М. Ф. Ципляевой с ведома и согласия Воронежского губкома РКП (б) стал готовить членов левоэсеровской организации к коллективному переходу в партию большевиков. Однажды Муравьева и Ципляеву пригласил к себе председатель Воронежской губчека Д.Я. Кандыбин.

Муравьев принял предложение чекистов и по отработанному плану начал создавать видимость активизации работы левоэсеровской организации. Дело в том, что ожидался приезд в Воронеж эмиссара Антонова, вот и нужно было ему подготовить «встречу».

Вскоре в Воронеж приехал собственной персоной начальник антоновской контрразведки Герасев (псевдоним - Донской), очень осторожный и опытный в своем деле человек. Но и он уверовал в реальность мощной организации.

Заключительным аккордом, рассеявшим все сомнения, была встреча Муравьева (в присутствии, конечно же, Донского) с членами ЦК левых эсеров. Их роли хорошо исполнили воронежские большевики Попов и Семенов.

«Члены ЦК» в присутствии Донского передали Муравьеву «директиву ЦК» о необходимости объединения всех антибольшевистских сил. Они сообщили, что сейчас объединяют свою антибольшевистскую работу левые и правые эсеры, народные социалисты, анархисты, меньшевики, что ведутся даже переговоры с кадетами. Для обсуждения этого вопроса в ближайшее время в Москве якобы состоится всероссийский левоэсеровский съезд, а вслед за ним намечено созвать в Москве съезд представителей всех антибольшевистских армий.

Антоновцам предлагалось послать на него своих представителей.

Провести собрания в антоновских полках, и затем конференцию, на которой избрать делегатов, «члены ЦК» уполномочили Муравьева. Донской принял это как должное и дал Муравьеву пароли и явки в Тамбове, через которые можно было попасть к антоновцам.

Начался последний, самый сложный и самый опасный для

Муравьева этап игры. Полтора месяца он находился в логове антоновщины, проводил собрания и встречи, а все полученные данные передавал в «ЦК левых эсеров» - чекистам.

Чекисты тем временем организовали встречу Федорова-Горского в Москве с «представителем Деникина» и «членами штаба московских боевых сил» (роль «представителя» играл Т. Самсонов), а вслед за Федоровым «пригласили» в Москву Герасева-Донского. Взаимные доклады на конспиративных совещаниях, задушевные беседы раскрыли полностью коварные планы, которые вынашивала антоновская верхушка. Они готовили даже поход на Москву, мечтали о захвате Кремля. Пусть на несколько дней, но, по их мнению, этого было достаточно, чтобы всколыхнулась вся Россия.

Все ценные сведения о дислокации и вооружении бандитских полков и армий, которые получили, чекисты, затем использовались для проведения войсковых операций частями Красной Армии.

Успешно закончилась полуторамесячная командировка к Антонову и у Муравьева. И хотя Антонова не удалось вывезти в Москву на «съезд», он привез с собой Ишина - его правую руку - и Эктова, заместителя начальника антоновского штаба, одного из главных военных руководителей мятежа.

Двадцать бандитов, которые сопровождали Муравьева, Ишина и Эктова, прямо с вокзала попали в руки чекистов. Их увезли на Лубянку, где якобы находился тайный арсенал эсеров. Ишину же и Эктову сообщили, что на всероссийский повстанческий съезд они опоздали и теперь им придется делать доклад «центральному повстанческому штабу, который был избран на съезде».

К вечеру того же дня на конспиративной квартире чекистов, которая была в старом кирпичном доме на Трубной улице, состоялось заседание «центрального повстанческого штаба». За столом президиума - член коллегии ВЧК А.Х. Артузов, Т.Д. Дерибас и гости. В зале - чекисты. Все, как истинные штабисты, с блокнотами, чтобы ничего не упустить из докладов антоновских главарей. Артузов председательствует, Дерибас ведет протокол.

Первым с информацией о проделанной работе в антоновской армии выступил Муравьев. Затем слово предоставлено Ишину. За ним - Эктову. Оба они, ничего не подозревая, говорили откровенно и сообщили сведения, которые существенно облегчили Красной Армии нанесение решающего удара.

Ишин, Федоров и Герасев понесли заслуженную кару: по приговору суда они были расстреляны.

В отношении Эктова решено было принять во внимание его

искреннее раскаяние и просьбу предоставить ему возможность искупить свою вину. Он обещал помочь чекистам в разгроме банд и поимке самого Антонова. Учитывалось также и то, что Эктов к партии эсеров не принадлежал, в «армию» Антонова был мобилизован и под страхом расправы с ним и его семьей был вынужден добросовестно выполнять обязанности военного руководителя «армии».

Для проведения заключительной части операции руководители ВЧК вместе с Генеральным штабом РККА решили под видом оказания помощи Антонову направить в логово врага бригаду Котовского. Котовцы должны были выдавать себя за повстанцев Дона и Кубани, прорвавшихся в Тамбовские леса по указанию из московского центра. Роль руководителя «повстанцев» атамана Фролова предстояло сыграть Г.И. Котовскому. Фроловских конников кавбригада била в период «недели ликвидации петлюровщины», захватила даже их знамя. Сам Фролов бежал на Дон и Кубань, где продолжал бандитствовать. Но незадолго до операции чекисты захватила его.

Эктова приконвоировали вначале в Тамбов, а затем, в ночь на 12 июля, под охраной полуэскадрона кавбригады Котовского он был перевезен в полевой штаб бригады. Началась заключительная часть операции, от исхода которой зависел окончательный разгром антоновцев, и Котовский несколько дней тщательно готовил к ней на только конников одного из эскадронов, намеченного для первой поездки, но готовился и сам. Ему предстояло играть весьма опасную н ответственную роль. Много ролей он играл в подполье, да и в годы гражданской войны, но такой опасной играть еще не приходилось.

В первую разведывательную вылазку сам комбриг мог бы и не ехать, но разве он останется?! Кто же лучше его, опытного конспиратора, сможет провести хитрого лиса - Матюхина? Сколько раз Котовский мысленно воспроизводит то, что узнал о Матюхине от Эктова. Ищет зацепку. ……

«Бывший вахмистр… Вожак без идей… До революции был конокрадом. Скрытный, властный, хорошо знающий крестьянскую психологию… После революции пробрался в продотряды, бесчинствовал, был арестован, но Антонов, будучи начальником Кирсановской милиции, освободил Матюхина… На Антонова смотрит как на соперника… Тщеславен и властолюбив».

На этих качествах Матюхина и решили сыграть Каховский с Борисовым.

Ночью 19 июля один из эскадронов бригады, переодетый в форму донских казаков, под командой войскового старшины

Фролова, в котором даже бойцы с трудом узнавали Котовского, и в сопровождении Эктова выехал в деревню Кобылинку. Стояла эта деревня рядом с большим лесом, где скрывалась банда Матюхина.

Ехали в неизвестность. Как встретят в деревне? Поверят ли? Как поведет себя Эктов, оказавшись среди своих? Беспокоила и еще одна проблема - как бы не наскочить на красноармейские засадные пулеметы. Ведь операция проводилась в строгой тайне. Ни одна часть, ни одно подразделение Красной Армии не были предупреждены. Даже в бригаде Котовского на первом этапе очень немногим было известно о проводимой операции.

Пехотные части обошли удачно. На рассвете въехали в деревню. Настороженную, тихую. Теперь все зависело от Эктова. От его первого шага. Он может, вроде бы честно выполняя установки чекистов и Котовского, незаметно дать какой-либо условный сигнал, и бандиты устроят эскадрону ловушку.

Свирепые волкодавы рвут цепи за высокими заборами, мычат застоявшиеся коровы. Хлопнул, как револьверный выстрел, кнут пастуха на противоположном конце деревни, еще сильней взъярились цепные псы, но не спешат хозяева открывать калитки и выгонять скот, боятся. А Эктов уверенно ведет эскадрон к дому богатого кулака, владельца двух мельниц, спешивается и стучит в ворота.

И вот деревня меняется. Стоило только узнать мужикам, что прибыли казаки-повстанцы с Кубани и Дона, да еще с Эктовым (многие антоновцы знали его в лицо), чтобы соединиться с Антоновым, ожили дома, улица заполнилась коровами и овцами, и запылило стадо на выпас.

Бандитская милиция и представители комитета союза трудового крестьянства послали своих связных к Матюхину. Вернулись те к вечеру и объявили - встреча, назначена в лесу ночью. К месту встречи они проводят.

Долго ехали по темному тревожному лесу вслед за проводниками. Наконец эскадрон неспешно выехал на лесную поляну к одинокому дому.

- Приехали, - негромко сказал один из проводников. - Сейчас с Михаилом Сергеевичем встретитесь.

Михаил Матюхин! Брат главаря, начальник бандитской милиции. Хитер Иван, осторожен.

На другой конец поляны из леса выехали бандиты. Всадников восемьдесят. Остановились, не подъезжая к дому. Выжидают.

- Поехали, - бросил Котовский Эктову и зарысил к бандитам.

Эскадрон остался у дома.

Лихо осадив коня перед строем бандитов, Котовский

отрекомендовался:

- Войсковой старшина Фролов. Командир кубано-донского повстанческого отряда! - И добавил с нотками нетерпения, как человек, уважающий себя, которого несправедливо обижают недоверием: - Я предлагаю соединить наши силы. И -вместе ударить по большевикам, а не отсиживаться в лесу.

Котовский передал Михаилу Матюхину письмо для брата. В письме - просьба о встрече и предложение о соединении сил для совместной борьбы против Советской власти.

- Встретимся завтра, - назначил время Михаил Матюхин, и, пожав друг другу руки, всадники разъехались.

Котовский повел эскадрон к бригаде, в обход пехотных частей. Бесшумно, но спешно. Всего один день на подготовку, а рядовые бойцы бригады еще ничего но знают, только штаб и снабженцы подготовили бараньи шапки, папахи да материал для лампасов.

Как заправский атаман повел Котовский эскадрон мимо красноармейских заслонов и засад, и к рассвету бойцы были у своих.

Когда все собрались, Котовский приказал уничтожить у личного состава все знаки красноармейского отличия, спрятать знамена, 1-му полку нашить красные лампасы, 2-му надеть бараньи шапки и папахи. Предупредил: все делать в полной тайне, чтобы ни один местный житель не видел и не знал. Бойцам до времени не раскрывать, ради чего такой маскарад.

День прошел в хлопотах. Котовский и Борисов сами следили за тем, как идет подготовка к ночному маршу. И конники, еще не зная предстоящей задачи, понимали, что будет она нелегкой.

И снова двинулись ночью котовцы за своим командиром. Едут молча. Даже лошади, которым всегда передается настроение всадников, почти не фыркают, собранны и настороженны.

- Сто-о-ой! - передается негромко от эскадрона к эскадрону. Кавалеристы осаживают коней и терпеливо ждут новой команды.

- Комбриг говорить будет, - пронеслось по колонне, и эскадроны молча перестраиваются.

- Станичники! - обратился Котовский к своим бойцам, переждал, пока недоуменный говорок затихнет, и повторил: - Станичники! Отныне вы донские и кубанские казаки повстанческого отряда. А я - войсковой старшина Фролов. Мы прорвались в Тамбовскую губернию для соединения с Антоновым. Встреча с четырнадцатым и шестнадцатым полками Ивана Матюхина назначена на завтра. Завтра те полки должны прекратить свое существование. Нелегкое дело, но по плечу нам,

красным конникам! Я надеюсь на вас, мои боевые друзья!

Не пронеслось по рядам громкого «ура!», лишь несколько уверенных голосов ответило: «Ясно. О чем говорить?!» - и Котовский понял: бойцы сделают все, не упустят Матюхина, отомстят за своих товарищей, погибших в боях с бандитами.

Получасовой инструктаж в эскадронах о поведении в бандитском логове, постановка конкретной задачи - и в путь. Перелесками и оврагами, пахотными полями, заброшенными, истосковавшимися по плугу и сохе…

В Кобылинку въехали на рассвете. Забрехали собаки, загремели цепями, где-то, перекрывая злобный лай, прокукарекал петух, но ни одна калитка не скрипнула. Будто, кроме петухов и собак, в деревне никого нет.

- Странно, - с недоумением проговорил Котовский, повернувшись к Борисову, который ехал рядом. - Что-то хитрит Матюхин.

Подъехали к тому же дому, где останавливались в первый раз. Хозяин ворчливо, словно был недоволен, что его разбудили в такую рань, сообщил:

- Иван Сергеевич людей с письмом оставил. Велел передать.

- Сам, что ли, жаловал? - спросил Котовский. - Отчего не дождался?

- Стало быть, не стал вот. Письмо только… - Давай его, - потребовал Котовский, но хозяин ответил с ухмылкой.

- За ним ехать следует.

Котовский рассерженно (отчего но доверяют?) потребовал проводника, чтобы сейчас же ехать за письмом, но хозяин, будто не заметив недовольства войскового старшины, посоветовал:

- Коней покормите. Передышку им дать нужно.

Затянулась та передышка до самого вечера. Как выяснилось, с письмом Матюхин оставил четырех командиров дивизионов, но те, как только Матюхин уехал из деревни, тоже решили особенно не рисковать. Укрылись в глубокой лощине в километре за селом, и Котовский весь день вел с ними переговоры через представителей Союза трудового крестьянства. Лишь на исходе дня пришло долго-ладанное согласие передать письмо. Но условие: за письмом должны приехать только Фролов и Эктов.

- Они сказали, - передал предупреждение бандитов посыльный, - если больше приедут, уйдут в лес.

Ну что же, еще раз (какой по счету?) придется испытать судьбу.

За селом, в поле, Котовский предупредил Эктова:

- Вы понимаете, стоит вам попытаться бежать или

разоблачить меня, я тут же расстреляю вас.

Эктов промолчал.

Пересекли поле. Вот и лощина. Вся в густом мелколесье. Разве отыщешь здесь бандитскую четверку? А она наверняка видит их отлично. Может, на прицел уже взяла.

- Держитесь рядом, - приказал Котовский Эктову и направил коня в лощину, но тут же натянул поводья - бандиты сами выехали навстречу. Вооружены они были до зубов, не для дружеской беседы подготовились.

Но обменялись паролями, оглядели испытующе друг друга и тронулись в обратный путь. И как ни хотелось Котовскому поскорее выяснить, что задумал Матюхин, с расспросами не стал спешить, письмо тоже не распечатал. Сделал это только в доме.

Иван Матюхин приглашал повстанцев-казаков в лес. Выскочили из леса, погуляли по селам и деревням, пожгли, пограбили, поубивали и вновь укрылись в густом, с непроходимыми болотами лесу. Лучшего и не пожелать войсковому старшине со своими полками. Но бригаду Котовского это совершенно не устраивало. Бандиты лес знают куда лучше, и, если схватка произойдет в нем, трудно сказать, кто победит.

- Да, трусоват Матюхин, - усмехнулся Котовский, кивнув в сторону Эктова. - А утверждали - герой. Последнее письмо напишу - пусть решает. Уйдем иначе на Дон. Бить большевиков нужно, а не по лесам прятаться! Да и несподручно моим тачанкам боевым в лесу. Обоз тоже не бросишь…

С письмом, которое подписали Котовский и Эктов, поедали к Матюхину комиссара полка Захарова и командира взвода Симонова. Сопровождал их один из четырех бандитов.

Теперь оставалось одно - ждать за столом, уставленным самогонкой и закусками, слушать пьяные откровения бандитов.

Уже двенадцать часов ночи, а посланцы еще не вернулись из своей опасной поездки. Котовский встревожен, но старается спрятать свое беспокойство. Нужно быть очень осторожным, чтобы каким-нибудь случайны»! словом не выдать себя.

В три часа ночи посланцы вернулись с ответом Ивана Матюхина. В нем сообщалось, что 14-й и 16-й бандитские полки во главе с командованием и политотделом под командой самого Ивана Матюхина стоят от села в двух верстах и что Матюхин требует, чтобы Фролов явился к нему для личных переговоров только с Эктовым.

Оседлав Орлика, Котовский поехал к Ивану Матюхину с Эктовым и двумя товарищами, отвозившими второе письмо.

…Из темноты выскочила группа всадников, около пятидесяти

человек. Они стали радостно пожимать руки Эктову, а затем пригласили ехать дальше. Вот наконец большая группа всадников, вытянутая колонной по шесть. Перед колонной небольшая кучка главарей во главе с Матюхиным.

Подъехав к Матюхину, Котовский жмет крепко ему руку и начинает упрекать в том, что он теряет дорогое время на пустые разговоры вместо того, чтобы бороться против красных частей. Затем резко поворачивает лошадь и приглашает следовать за собой. Раздается команда: «Справа по три, шагом марш!» - и банда трогается.

Матгохин и Котовский поехали рядом. За ними, в нескольких шагах, двигалась вся верхушка матюхинской банды. Григорий Иванович бросает быстрый взгляд на Эктова, у того на лице выражение мучительной внутренней борьбы. «Нужно напомнить о предупреждении», - решает Котовский и сильно нажимает его ногу. А палец правой руки, которая сжимает в кармане рукоятку нагана, невольно ложится на спусковой крючок.

Нервное напряжение огромно, но силой воли держит себя Котовский в руках и ведет спокойный разговор. Раздается наконец окрик одной из выставленных бригадой застав: «Стой! Кто едет?»

Деревня вся оцеплена заслонами фроловцев, и Иван Матюхин, узнав о том, что сквозь них не пролетит ни одна муха, не то что красные части, отдает распоряжение разместиться своим бандитам по домам. А командиры л политработники следуют за Котовским к штабу повстанческого отряда казаков.

У штаба - полуэскадрон станичников. С неподдельной радостью встречают они своего атамана. Живого и здорового, в окружении «дорогих» гостей.

Налиты и выпиты стаканы, налиты еще и еще. Пора открывать совещание. Котовский встает:

- Слово члену ЦК партии левых эсеров…

Поднимается Борисов, расправляет листки и, немного волнуясь, начинает читать резолюцию «всероссийского повстанческого съезда». Трескуче-красивый набор слоя. Написана резолюция перед первой поездкой в Кобылинку Котовским и Борисовым. Но в этой трескучести была заложена мысль о необходимости отказа вооруженной борьбы с Советской властью. Написано это было для того, чтобы вызвать бандитов на спор, а в ходе спора выведать, где укрылся Антонов, не осталась ли в лесах часть матюхинских полков.

И хитрость удалась. Матюхин начал с возмущением отвергать подполье и заявил, что ближайшая задача его полков свергнуть

Советскую власть.

А Борисов подливает масла в огонь, и спор разгорается. Вскоре становится ясно: Антонов укрылся так, что сами бандиты не знают где, а на первую роль в мятеже теперь претендует Матюхин. Все полки его в деревне. В лесу никого не осталось.

А в окна уже пробивается утренний свет, и Котовский решает: «Пора кончать». Слово он предоставляет своему земляку Гарри, представителю Махно, по внешности типичному махновцу и хорошему оратору.

Затаив дыхание слушают бандиты смачный рассказ о «геройствах» махновцев. Родная стихия - насилие, грабеж, садизм.

- Сегодня выступаю! - кричит Матюхин. - Сегодня!

И Котовский, словно тоже охмеленный призывными речами, встает, вынимает из кармана наган и стучит им о стол, призывая к вниманию. Это сигнал. Руки котовцев на рукоятках револьверов. Вот он - решающий миг.

- Долой комедию! Расстрелять эту сволочь! - крикнул Котовский и вскинул наган.

«У всех бандитов страшный перелом, - вспоминал позже Котовский, - переход от радости к безумному ужасу, особенно охватывает он Матюхина, человека-зверя, выкручивавшего собственноручно красноармейцам головы. В ужасе он закидывает назад голову и закрывает ее обеими руками. Я хочу убить его, но новый наган дает подряд три осечки. В это время раздается залп со стороны моих командиров, и несколько убитых бандитов падают на пол. Я бросаю наган, отскакиваю к стене и начинаю отстегивать свой маузер. Из-под стола, где успел спрятаться один из бандитских комиссаров, раздается выстрел, и пуля раздробляет мне правую руку у плеча».

Цена осечки оказалась весьма дорогой. Воспользовавшись замешательством, Матюхин выпрыгнул в окно и бежал в лес. К нему вновь потянулись враги Советской власти, и вскоре отряд его уже насчитывал около сотни человек. Эта банда делала вылазки всегда неожиданно, и отличались они невероятной жестокостью. В бой с подразделениями Красной Армии банда не ввязывалась, всегда умело ускользая в свое логово, и, чтобы уничтожить Матюхина, вновь пришлось провести чекистскую операцию.

Однако то, что Матюхину удалось ускользнуть от котовцев, не умаляет значения операции, которую провела бригада во главе со своим командиром. Ведь в результате той «встречи» банда Матюхина понесла невосполнимый урон, и за успешные боевые действия по ликвидации антоновских банд 185 бойцов и командиров бригады были награждены орденами Красного

Знамени, а Григорий Иванович получил самую высокую награду Советской Республики - Почетное золотое оружие РСФСР с наложенным на эфесе орденом Красного Знамени.

Сколь высока была та награда, можно судить по тому, что она, учрежденная декретом Президиума ВЦИК, присуждалась лишь высшим начальствующим лицам за особые боевые отличия, проявленные в действующей армии. Получил эту награду всего лишь 21 военачальник. Среди них М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов…

Но узнает Котовский и бригада о наградах Родины позднее, к осени. Позднее и сфотографируется Григорий Иванович, гордо сжав золотой эфес в своей мощной руке, а тогда бойцы бригады уложили раненого командира на тачанку и помчали к ближайшей железнодорожной станция.

15

Бригада продолжала ликвидацию остатков антоновских банд, раненого же Котовского спешно увезли в Тамбов. Рана оказалась серьезной, тамбовские врачи даже предполагали ампутировать руку, но Ольга Петровна, встретившая в Тамбове мужа и ни на минуту не отходившая от его постели, настояла, чтобы Григория Ивановича отправили на операцию в Москву. С ее мнением согласились. И она сама повезла раненого мужа в московский военный госпиталь.

Потянулись трудные дни лечения. За то, чтобы рука осталась целой, боролись и врачи, и сам Котовский. Рана еще не затянулась, а Григорий Иванович, вопреки запрету лечащего врача, начал тренировать руку по разработанной совместно с Ольгой Петровной системе. Ему нужна была крепкая рука. Од надеялся еще рубить врагов.

Дело постепенно шло на поправку. Григорий Иванович уже поднимал раненой рукой небольшую гирьку, хотя врачи еще не сняли с нее повязки. Из писем Григорий Иванович знал, что бригада получила новое задание и начала подготовку к погрузке в эшелоны, чтобы отправиться в распоряжение командующего войсками Украины и Крыма. Григорий Иванович считал, что он вполне уже может вернуться в строй, и всеми силами пытался доказать это врачам. Кроме зарядки и специальных упражнений для руки, Котовский очень много ходил, стараясь вовсе днем не ложиться в постель.

И вот наконец пришел день выписки. Григорий Иванович с Ольгой Петровной начали сборы, чтобы как можно скорее ехать к своим боевым товарищам, но чемоданы им пришлось на время распаковать - Котовского вызвали в Реввоенсовет к Троцкому.

Вернулся он расстроенный. Предреввоенсовета, оказывается, намеревался оставить его в Тамбове командовать дивизией. В беседе он дал понять, что в случае согласия Котовский быстро пойдет вверх по служебной лестнице. Григорий Иванович на это ответил, что готов ехать туда, куда пошлет партия, но считает, что на Украине, где хорошо знает обстановку и местность, принесет больше пользы. Разговор остался неоконченным, Троцкий мог своего решения не изменить, и это удручало Григория Ивановича.

Но что предпринять? Предреввоенсовета вправе расставлять военные кадры по своему усмотрению, а приказ для солдата - святая святых. Если он будет отдан, тогда уж не откажешься. Просто нельзя будет отказываться,

Котовскому, как он считал, повезло. Пока решался его вопрос о месте дальнейшей службы, в Москву из Харькова приехал М.В. Фрунзе, и Григорий Иванович сразу же обратился к нему за помощью. И, как вспоминала позднее Ольга Петровна, только благодаря настойчивости Михаила Васильевича Котовский вернулся на Украину.

Его бригада к тому времени расквартировалась в Таращанском и Богуславском уездах Киевской губернии. Ее ввели в состав 9-й Крымской кавалерийской дивизии имени СНК УССР, а командиром дивизии назначили Г.И. Котовского. Бригаду же вновь возглавил Н.Н. Криворучко.

Обстановка на Украине оставалась весьма сложной. Недобитые банды разных ориентации и наименований, но с единой антисоветской направленностью продолжали орудовать в глухих уездах. И чем более укреплялась Советская власть, тем коварней становились методы их борьбы, тем более жестоко расправлялись они с коммунистами и советским активом. Кулаки саботировали все мероприятия Советской власти на селе, вели активнейшую пропаганду словом и обрезом среди крестьян за отказ от выполнения поставок по продналогу. Со всеми этими контрреволюционерами, объединенными в банды или замаскированными под лояльных хуторян, и предстояло вести борьбу дивизии Котовского. Сам он был назначен начальником Таращанского уездного участка по борьбе с бандитизмом.

В приказах подчеркивалось, что при организации борьбы с бандами следует в каждом полку выделить особые летучие отряды, силою не менее полуэскадрона под командой надежных командиров, а летучим отрядам действовать смелыми атаками и преследовать врага до полного уничтожения. Предлагалось также вести непрерывную войсковую разведку, а в районах расположения войсковых частей иметь надлежащее охранение, а также поддерживать связь с органами местной Советской власти и ЧК и начать систематическую борьбу против маскировки бандитов, прикрывающих свои преступления идейно-националистическими лозунгами.

Страшная засуха, а за ней голод поразили центральные районы России. Зерно, собранное на богатейших полях Украины, не могло быть доставлено в голодающее Поволжье. Паровозы стояли на станциях с потушенными топками. Не было угля, не было дров. И Центральный Исполнительный Комитет Украины обратился ко всем гражданам Советской Украины с призывом напрячь все силы н обеспечить железнодорожный транспорт топливом. На этот приказ ЦИК Украины Котовский откликнулся

со свойственной ему ответственностью и горячо взялся за организацию заготовки дров силами бойцов дивизии. Курсантов дивизионной школы он назначает десятниками, которым подчиняет по 18 бойцов, вооруженных тремя пилами и несколькими топорами. Ежедневный урок такой группы - три кубические сажени дров.

Вывозили дрова дивизионными обозами, а также подводами, мобилизованными у крестьян, предприятий и учреждений по решению местных советских органов. Причем Котовский требовал от командиров бригад, полков и эскадронов до минимума ограничить использование гужевого транспорта для нужд дивизии. Подводы для перевозки дивизионного груза могли быть выделены только с визой начдива и начштадива.

И ожили десятки паровозов, эшелоны с хлебом потянулись в голодающие города и села России, в Поволжье.

Специальные эскадроны громили кулацкие банды по всей Киевской губернии, охраняли народное зерно от поджогов и хищений.

На ногах все время были и дивизионные, бригадные, полковые разведки. Данные, которые они добывали, настораживали. Серьезную опасность представлял штаб недобитого Петлюры, который разместился в Ровно. Он, по сути дела, был организатором бандитизма на Украине, оттуда пробирались в села и города эмиссары контрреволюции для организации саботажа, формирования бандгрупи. Их конечная цель - поднять кулацкое восстание по всей Украине в тот момент, когда петлюровские войска начнут наступление.

И вот в ночь со 2 на 3 ноября банда Тютюнника численностью до двух тысяч человек перешла границу. Сминая по дороге небольшие отряды советских войск, расстреливая пленных, взрывая мосты, банда успешно начала продвижение на Коростень. В селах и городах Украины вновь полилась кровь.

Перед атаманом Тютюнником была поставлена определенная задача: пополняя свою «армию» за счет кулачества и загодя сформированных бандитских отрядов, захватить Киев и провозгласить Украину «независимой». В тютюнниковском обозе даже ехали министры будущего петлюровского правительства.

Тютюнниковская банда сформировалась с таким расчетом, чтобы передвигаться быстро. Ее не отягощали ни крупный обоз, ни тяжелое вооружение. Коней она имела резвых, ухоженных и выносливых. Кроме того, Тютюнник избегал встречных боев и, маневрируя, упорно приближался к Киеву.

Ликвидацию тютюнниковской банды поручили 9-й кавдивизии, выделив ее из состава 3-го конного корпуса.

Руководство проведением операции возложено было на Котовского. И вот подняты по тревоге эскадроны, и красные конники несколькими колоннами двинулись по большакам и проселкам, раскисшим от долгих осенних дождей.

А, тут еще, словно испытывая бойцов на прочность, налетела снежная буря. Все вокруг замело снегом. Но котовцы нашли выход - быстро переоборудовали обоз и тачанки, поставив их на полозья. Это позволило даже ускорить темп движения. Но радость красных конников длилась совсем недолго: наступило резкое потепление, полил дождь, и вновь раскисли дороги. Пришлось спешно заменять полозья на колеса. Снова скорость движения намного убавилась.

А нужно успеть перехватить Тютюныика. И Котовский приказывает оставить в тылу все, что сдерживает темп движения, и шлет одну за другой мелкие разведгруппы, чтобы нащупать врага и навязать ему решительный бой.

Вот наконец обстановка прояснилась, маршрут банды определен, теперь можно диктовать ей свои тактические условия. Замысел Котовского был прост: силами 1-й бригады прикрыть направление Новгород - Волынск - Житомир, 3-й бригаде выйти в район Менжировки для нанесения главного удара, 2-й же бригадой идти по пятам банды, вынуждая ее двигаться точно на Межировку.

Не все шло по разработанному Котовским плану. Когда 3-я бригада, которую возглавил сам Григорий Иванович, вышла к Межировке, банда уже обошла ее и находилась в районе станции Тетерев. Тогда, дав небольшой отдых людям и коням, Котовский повел бригаду в район Тетерева. 2-я кавбригада тем временем настигла банду в селе Заньки, развернулась в конную атаку, но Тютюнник, оставив лишь заслон, стремительным броском оторвался от преследования. Однако ненадолго. Теперь разведка не упускала врага из виду и, как только он остановился на ночлег в Голубовичах, сразу же оповестила и 2-ю и 3-ю бригады.

Снова бой в районе села Олизаровка, жестокий, длившийся более двух часов. Но и на этот раз Тютюннику удалось увести от полного разгрома свою банду. После боя Тютюнник больше уже не помышлял о захвате Киева, а повел свои отряды глухими лесными дорогами на запад, чтобы вновь укрыться под крылышком панской Польши и королевской Румынии, зализать раны и снова напасть на Советскую Украину.

Котовский, получая данные разведки, разгадал хитрый маневр Тютюниика. Ведь и прежде только хитростью он смог выскользнуть из рук котовцев, под прикрытием белого флага.

Пытался уйти небитым и на сей раз. Но теперь Котовский был намерен во что бы то ни стало полностью разгромить банду. Приказав 2-й кавбригаде продолжать преследование, но особенно не наседать, чтобы не торопить бандитов, он повел 3-ю бригаду на Волынщину, к Большим и Малым Минкам.

Снег по колено, мороз и ветер. Красноармейцы совершили поистине героический бросок, и хотя не успели выйти банде наперерез, но арьергардный бой все же навязали.

Тютюнник вновь пытается уйти от решающего боя. Оставив заслон, он главные силы спешно уводит по лесным дорогам к деревне Звездиль. Он надеется на то, что красные не станут атаковать его, имеющего значительный численный перевес, пока не подойдет подкрепление. А за это время отдохнут измученные кони, и вновь можно будет оторваться от преследования.

Но Тютюнник ошибался. Котовский принял рассчитанное на внезапность решение - 1-м полком обойти слева, 2-м - справа и, зажав в клещи, атаковать бандитские колонны, не дав им возможности перестроиться в боевой порядок и занять оборону. 2-ю бригаду он не стал ожидать. Один полк он повел сам, второй полк приказал возглавить комбригу Криворучко.

Успех операции теперь решала стремительность. Но едва красные конники начали обходный маневр, разделившись, как 1-й полк попал под пулеметный огонь оставленного Тютюнником заслона. Завязывать бой с заслоном? Терять драгоценное время? Нет, это не входило в тактический замысел Котовского, и он, оставив для уничтожения противника несколько тачанок и небольшую часть полка, поспешил сам в обход, чтобы закольцевать главные силы атамана Тютюнника.

Огонь пулеметов с тачанок, стремительная атака конников приводят к успеху - заслон сбит и бежит вдогонку за своим атаманом. Шесть пулеметов и много другого оружия осталось в руках красноармейцев.

Этот, хотя и скоротечный, бой задержал полк, и теперь нужно было спешить. Ведь если не удастся выйти Тютюннику наперерез, он вновь может выскользнуть.

Красноармейцы успели обойти Звездиль и опередить противника. Криворучко тоже успешно обошел банду с юго-востока. Теперь она была полностью окружена. Но расчет начдива на то, что противник не успеет принять боевые порядки и будет атакован в колоннах, не оправдался. Бандиты встретили котовцев сильным ружейно-пулеметным огнем. Они дрались с отчаянием обреченных, они надеялись еще на то, что удастся красных обескровить, а затем вырваться из окружения.

Реальней всех, видимо, оценил обстановку сам атаман

Тютюнник. Как только котовцы спешились, чтобы не нести лишних потерь от пулеметного огня, и начали сжимать кольцо окружения, Тютюнник с небольшой группой преданных ему всадников проскочил на стыке полков и бежал. Это бегство сильно повлияло на ход боя. Бандиты, начавшие его с ожесточением, как только узнали, что атаман бросил их, стали сдаваться целыми подразделениями. Поход Тютюншша на Киев, длившийся семнадцать дней, окончился полным крахом.

Поздравить Г.И. Котовского с блестящей победой приехал в Тетерев М. В. Фрунзе. Командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир издал специальный приказ. В нем не только отдавалось должное доблести бойцов 9-й кавдивизии и их командиру Г.И. Котовскому, который еще раз доказал свою необычную выдержку, настойчивость, беззаветную храбрость и непреклонность в достижении поставленной задачи, но и высоко оценивался тактический маневр, предпринятый Григорием Ивановичем для ликвидации банды. Главное внимание было уделено активной разведке, и ее данные позволяли точно устанавливать местонахождение банды, подтягивать все свои силы в нужный район к моменту атаки и рядом комбинированных ударов с непосредственным окружением уничтожать противника.

Командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир от имени Реввоенсовета округа объявил благодарность Г.И. Котовскому и всему составу 3-й и 2-й бригад 9-й кавдивизии и приказал представить к наградам всех отличившихся в этой операции.

Приказ требовал, чтобы все войсковые начальники обратили внимание на характерный прием - уничтожение банды путем окружения на месте боя - и приняли его к неуклонному руководству и применению в будущем.

Бойцы и командиры дивизии принимали поздравления трудящихся, партийных и советских органов, котовцев охотно приглашали рабочие на митинги, крестьяне - на сходки. Сам Котовский тоже выступал перед рабочими и крестьянами, на партийном собрании Печерского района Киева, давал интервью представителям прессы.

Григорий Иванович за успешно проведенную операцию был награжден, по представлению М.В. Фрунзе, третьим орденом Красного Знамени. Награды получили десятки бойцов и командиров дивизии.

Полки вернулись в свои казармы. Наступили армейские будни, заполненные боевой и политической учебой, строевыми занятиями. Необходимо научить конников метанию гранат, писал в приказе Котовский, как показал опыт последнего боя,

применение ручной гранаты приобретает все большее значение.

По совету Котовского совершенствуются препятствия для конной подготовки, усиливается физическая закалка самих конников. Все это, как справедливо считал начдив, поможет в предстоящих боях с врагами революции переносить трудности походов, вести успешный бой с противником.

21 декабря 1921 года произошло важное событие в жизни дивизии, в жизни 3-й кавбригады. Бывшую кавалерийскую бригаду Котовского за заслуги перед революцией выделили из состава 9-й кавалерийской дивизии как отдельное боевое соединение. Григорий Иванович Котовский становится с того момента и начдивом, и командиром Отдельной кавалерийской бригады. На фронтах гражданской войны вырос и окреп его военный талант, ярко проявились недюжинные способности блестящего тактика. Новое назначение, безусловно, основательно прибавило хлопот. Нужно было решить незамедлительно вдруг возникшие организационные вопросы, внести коррективы в снабжение бойцов обмундированием, продовольствием и фуражом, ибо помнил Котовский, в каком тяжелом положении оказалась его Отдельная бригада, когда была выведена из состава 45-й дивизии без надлежащего организационно-хозяйственного подкрепления.

Котовский успевал делать все, что требовало то лихорадочное время. Не упуская ни одного вопроса, связанного с жизнью дивизии и Отдельной кавбригады, охраны сахарных заводов, ссыпных пунктов, хлебных складов, он столь же оперативно и заинтересованно помогал местным органам власти проводить работу по сбору продналога, по заготовке топлива. 30 декабря 1921 года Григорий Иванович Котовский подписывает приказ, в котором требует от командиров, политработников и всех бойцов оказывать всяческую помощь уездным, волостным и губернским Советам в сборе продналога.

А через несколько месяцев он вновь пишет циркулярный приказ, в котором подчеркивает, что работа помощи голодающим на Украине не дает тех результатов, которые вызываются настоящим положением.

По выработанному твердому плану каждые 20 человек Украины должны прокормить одного голодающего, что должно составить 300 тысяч пудов хлеба. За январь, однако, выполнено только 12 процентов всего задания.

И это беспокоит Котовского. Он требует от партийной организации усилить напряжение в работе по оказанию помощи заготовительным органам.

Котовский предписывает обсудить циркуляр во всех частях и

подразделениях и принять надлежащие меры по их выполнению. Работу по оказанию помощи голодающим он требовал рассматривать как важную партийную обязанность. От командиров и политработников Котовский требовал, чтобы они поддерживали тесный контакт с местными советскими и партийными органами, действовали бы согласованно и целеустремленно, использовали бы самым активнейшим образом печать для информации о ходе работы по оказанию помощи голодающим России, для агитации населения сделать все возможное, чтобы облегчить участь тысяч голодающих братьев по классу.

1 мая 1922 года - памятный день для бригады. Бойцы в тот день принимали присягу. А вскоре им пришлось подтвердить клятву Родине боевыми делами - 9-я кавалерийская дивизия и Отдельная кавбригада были направлены в Подолию для ликвидации крупной банды Левченко, которая насчитывала более 300 клинков, и других мелких бандгрупп, продолжавших терроризировать население подольских городов и особенно сел.

До осени эскадроны дивизии и Отдельной бригады очищали Подольскую губернию от бандитов, а осенью Котовский доложил по команде, что приказ выполнен, бандитизм в Подолии ликвидирован полностью.

На этом и 9-я кавдивизия, и прославленная бригада Котовского закончили боевые действия.

Бригада прошла с боями в годы гражданской войны тысячи километров, уничтожила несколько десятков тысяч вражеских солдат и офицеров, разгромила десятки банд. Народ и партия высоко оценили подвиг бригады Котовского - она была награждена Почетным революционным знаменем ВЦИК, двумя орденами Красного Знамени. Свыше 400 бойцов и командиров бригады получили орден Красного Знамени, а около 100 человек были удостоены этой награды дважды.

Блестящую оценку боевой деятельности бригады дал К. Е. Ворошилов: «В годы гражданской войны, в непрерывных боях с врагами рабочих и крестьян, бригада Котовского покрыла себя подлинной славой беззаветного героизма, отваги, железной большевистской организованности и дисциплины. Острые сабли и меткие пули котовцев без промаха разили врагов пролетарской революции».

16

Котовский еще раз перечитал приказ командующего войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе о формировании кавалерийского корпуса и назначении его командиром. Григорий Иванович поднялся из-за стола и энергично заходил по кабинету.

Его 9-я Крымская кавдивкзия укомплектована и не потребует особых забот. И командир назначен опытный - К.П. Ушаков. А вот 3-ю Бессарабскую кавдивизию нужно не только сформировать, но и сплотить. Костяк, правда, сильный - Отдельная кавбригада. И командир там опытный - Н.Н. Криворучко. Но в нее вливается Красногусарская бригада и кавалерийские полки 24-й и 51-й стрелковых дивизий. Что они собой представляют? Каков уровень их боевой готовности? Какова дисциплина? Высока ли у них политическая сознательность?

«Нужно принимать новые части самому, - думает Григорий Иванович. - Только самому!»

Он понимал, что это займет много времени, но считал, что если он с первого же дня хорошо знает положение, то легче будет создавать целостное боевое, мобильное соединение.

Котовский выехал в Одессу, чтобы принять кавполк 51-й стрелковой Краснознаменной Перекопской дивизии, прославившейся в годы гражданской войны под руководством В.К. Блюхера. Теперь дивизией командовал герой революции П.Е. Дыбенко. У него и принимал полк Г.И. Котовский.

В других частях большой процент составляла молодежь, еще не втянувшаяся в службу, необстрелянная, и Котовский не жалел сил для обучения бойцов. Он сам показывал, как нужно рубить лозу, преодолевать препятствия, работать с конем в манеже. Либо ложился за пулемет, чтобы прошить длинной очередью цепочку мишеней, метал гранаты далеко, ловко и точно, а то вбивал в черный круг все пули из карабина, хозяин которого жаловался, что тот плохо пристрелян.

День ото дня эскадроны и полки становились более мобильными и сплоченными, и вот, когда подошло время испытания, бойцы корпуса выдержали его успешно.

Учения начались в районе Винницы осенью 1923 года. «Противник» у корпуса Котовского оказался весьма трудный - 1-й корпус червонного казачества, командовал которым В. Примаков. Григорий Иванович высоко ценил командирский талант Примакова. Они не раз вместе, плечом к плечу, били врагов революции, и вот теперь им предстояло «скрестить клинки».

Тщательно разведав обстановку, уточнив с помощью

активной разведки место сосредоточения «червонцев» для наступления, Котовский оставил перед фронтом «противника» небольшую часть корпуса, которая должна была создавать видимость сосредоточения главных корпусных сил и приковать к себе тем самым внимание «червонцев», а в это время сам повел кавалерийские дивизии в тыл «врагу».

Ночью, скрытно переправившись через Буг, кавкорпус сделал стремительный бросок и внезапно ударил по примаковцам с тыла. «Противник», как определили строгие посредники, потерпел полное поражение.

Разбор учения провел М.В. Фрунзе. Он же и принимал парад.

Интересные воспоминания оставил о том параде командир 13-го кавполка 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии Н.С. Осликовский. Он писал, что котовцы не только продемонстрировали высокую боевую выучку, но и блеснули строевой выправкой на параде.

В те годы сносное обмундирование было мечтой многих бойцов и командиров Красной Армии, а корпус Котовского выстроился для парада в добротном суконном обмундировании, в суконных фуражках разной расцветки для каждой из двух дивизий. Командный состав - в шинелях кавалерийского образца и красных галифе тонкого сукна. Кони упитаны, ухожены, снаряжение в образцовом порядке…

Котовский любовался бойцами. Это с ними, пестро одетыми, плохо вооруженными, прошел он от первых партизанских отрядов до сегодняшнего радостного дня.

На смотре-параде корпус тоже занял первое место. Это радовало и вдохновляло, но и налагало определенную ответственность. Трудно завоевать первое место, но еще труднее его удержать. Котовский при каждом удобном случае напоминал об этом командирам, политработникам да и бойцам.

Как писал в 1925 году «Вестник физической культуры», Котовский стоял у истоков создания основ физической подготовки красноармейцев, создания системы физического воспитания советской молодежи. Он ввел ежедневную физическую зарядку, на которую в обязательном порядке выходили все - бойцы, командиры и политработники. Сам он, если не выезжал из корпуса по общественным делам, непременно выходил на зарядку.

Котовский требовал, чтобы в каждом полку были оборудованы гимнастические залы, спортивные городки, предложил построить в Умани стадион и сам привлек к этому строительству школьников, допризывников и красноармейцев Уманского гарнизона. Общими усилиями стадион построили за

несколько месяцев. Открытие его прошло торжественно. На митинге командир корпуса отметил:

- Раньше спорт был привилегией буржуазных классов, располагавших свободным временем, а теперь стал необходимостью, так как дает нам силы для защиты Советской власти.

После состязаний Котовский поздравил победителей.

Организация учебы командного состава корпуса требовала от Котовского тоже немало сил и внимания. Григорий Иванович читал много марксистской литературы, изучал труды В.И. Ленина. Читать Григорию Ивановичу было трудно - сказывалась контузия. Котовский быстро утомлялся, у него начинались боли в глазах.

Ольга Петровна всячески старалась облегчить ему работу, просматривала журналы и газеты, отбирала нужные статьи, а иногда читала их вслух.

Писать сам не любил, не хватало терпения сидеть на одном месте, чаще всего он диктовал жене, шагая по комнате. Его деятельная натура требовала постоянного движения…

Да, ему было более свойственно лететь впереди своих орлов в конную атаку, нежели писать конспекты, готовиться к семинарским занятиям, сессиям, лекциям и докладам, но и тут он все же старался быть впереди - учился заочно в военной академии и на высших стрелково-тактических курсах, под его председательством работало в корпусе военно-научное общество; он ежедневно ходил на занятия, которые проводились с командным составом, и, анализируя ход учебы, искал и находил новые, более совершенные формы.

В августе 1923 года Котовский создает при корпусе высшие курсы переподготовки. Он сам отобрал для них 80 лучших командиров, имевших большой боевой опыт, но нуждавшихся в теоретической подготовке.

Почти одновременно были созданы трехмесячные курсы штабной службы. На курсы были отобраны по 4 человека от каждой дивизии. Преподавать пригласили бывшего профессора академии Генерального штаба полковника Ухач-Угаровича, который в то время жил в Умани. Для чтения лекций по тактике и стратегии, по военному искусству Котовский приглашал видных военных специалистов из Харькова, Киева и Москвы.

В каждой дивизии были созданы секции военно-научного общества, в полках - библиотеки. Неделя книги, начавшаяся в марте 1924 года, прошла в корпусе весьма успешно. Полковые библиотеки пополнились новыми книгами, которые дарили кавалеристам шефы. Создавались даже библиотеки в эскадронах,

и почти все красноармейцы стали активными читателями этих библиотек.

В феврале 1923 года у Григория Ивановича и Ольги Петровны родился сын. Известие об этом застало Котовского в Москве. Получив телеграмму, Григорий Иванович срочно выехал домой, но ему не повезло: из-за сильных заносов железнодорожное сообщение было прервано. Не стал, однако, Котовский ждать, когда расчистят пути, и добрался до Умани на лошадях.

Бережно взял он сына на руки, долго смотрел на него, а затем сказал:

- Назовем его Григорием. Если пуля сразит меня, пусть не радуются враги, будет второй Григорий Котовский.

Так в доме Котовских стало два Гриши. Забот Ольге Петровне прибавилось, и Григорий Иванович, сколько позволяло ему время, помогал жене. Когда же мальчик подрос, игры их стали шумными, и трудно было сказать, кто больше увлечен игрой.

Такие минуты бывали нечасто. Обычно Григорий Иванович вставал летом в 5 часов, зимой в 6 утра, делал утреннюю зарядку, обливался холодной водой и записывал в блокнот планы дня. В эти планы наряду с корпусными делами вписывались и такие пункты:

- проверить ход контрактации свеклы;
- проверить торговлю военно-кооперативных лавок;
- в президиуме горсовета поднять вопрос о восстановлении кирпичного завода;
- рассмотреть жалобу крестьян на неправильные действия сельсовета;
- о постройке городского стадиона;
- об агрономической школе;
- о детском саде…

Конечно, все это в обязанности комкора не входило, но к нему обращались с просьбами люди, и он не мог не откликнуться. А пункты об агрономической школе, о торговле военно-кооперативных лавок и контрактации свеклы появились потому, что в те годы в Красной Армии создавались военно-потребительские общества, которые становились как бы частью проводимого в жизнь ленинского кооперативного плана, и Котовский энергично взялся за создание ВПО в корпусе. Это стало второй, если так можно сказать, важнейшей заботой комкора.

На организационном совещании Котовский поставил перед командно-политическим составом такую цель - добиться, чтобы ВПО выполняло не только роль снабженца, но и само производило товары. Для этого он рекомендовал создать

подсобные хозяйства, предприятия и мастерские, а полученные товары, изделия и продукты реализовывать через широкую сеть лавок как в гарнизонах, так и по всей территории юга Украины и Приднестровья, где дислоцировались части и подразделения кавалерийского корпуса.

Председателем военно-потребительского общества Котовский назначил К. Ф. Юцевича, друга и соратника, с кем прошел не один десяток верст по фронтовым дорогам гражданской войны и которому верил как самому себе; заместителем - комиссара корпуса Г.Г. Ястребова.

Первый шаг в работе ВПО - восстановление сахарного завода в Перегоновке, близ Умани. Он бездействовал давно, часть оборудования уже пришла в негодность. Котовский поехал на тот завод сам. Осмотрел его, свекловичные поля, поговорил с крестьянами и пришел к выводу, что восстановить завод стоит. Ко своими силами, без привлечения крестьян, сделать это было невозможно, да, кроме того, нельзя начинать столь большое дело, не имея твердых гарантий на поставку сырья, и Котовский разрабатывает проект договора между ВПО и крестьянами на контрактацию посевов сахарной свеклы. Договор этот предусматривал обоюдные интересы и пришелся по душе крестьянам. Его подписали в селах Перегоновка, Семидубы, Вербовое, Троянка, Метеричи.

Восстанавливали сахарный завод сообща - красноармейцы и крестьяне. Сообща и трудились на нем. И вот успех: 170 тысяч пудов сахара за первый сезон.

После расчета с крестьянами и рабочими завода, в распоряжении ВПО осталась прибыль - 30 тысяч пудов сахара высшего сорта. Это уже заметный оборотный капитал.

Об этом успехе ВПО корпуса говорилось на совещании работников сахарных заводов в Москве. Председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский ставил в пример работу Перегоновского завода.

Так же удачно начал работать хмелеводческий совхоз «Рея» - почти полтора миллиона рублей прибыли, 300 тысяч из которых остались в распоряжении ВПО. На эти деньги для бойцов купили кровати, тумбочки, посуду для столовых, сукно для обмундирования…

С каждым месяцем деятельность военно-потребительского общества расширялась. Во всех частях корпуса начали работать лавки, где бойцы и командиры могли приобретать для себя все необходимое. Лавки и киоски открывались в городах. Только в Умани их стало 42. Военно-потребительское общество успешно торговало на Нижегородской ярмарке, где имело свой павильон. Вообще же общество заготавливало сено, дрова, откармливало

скот, выпекало хлеб, производило колбасы, мыло, кожу и все это продавало по невысоким ценам, заставляя тем самым спекулянтов тоже снижать цены на продукты и товары.

Нужды общества заставили Котовского обратиться к М.В. Фрунзе с просьбой помочь наладить твердое обеспечение предприятий и торговых точек керосином и другими нефтепродуктами. Михаил Васильевич порекомендовал Григорию Ивановичу съездить в Баку и написал письмо председателю правления Азербайджаннефть и в ЦК КП(б) Азербайджана С.М. Кирову: «Податель сего письма является командир 2-го конного корпуса (член Российской Коммунистической партии и член ВУЦИКа) Котовский, прибывший в Баку по делу приобретения нефтепродуктов, необходимых для производственных предприятий корпуса. Тов. Котовский в смысле политическом и деловом пользуется абсолютным доверием и авторитетом у командования. Прошу Вас оказать всяческое содействие по удовлетворению просьб тов. Котовского. С товарищеским приветом М. Фрунзе».

17

В 1923 году в Москве на встрече с Буденным и Фрунзе Котовский рассказал о проекте письма в ЦК партии с предложением создать Молдавскую республику.

- Мечтаю поговорить с Владимиром Ильичем. Я глубоко уверен, что Ленин поймет чаяния молдаван и поддержит нас, - говорил Григорий Иванович.

В конце 1923 года на съезде Советов Киевской губернии Котовского избирают делегатом на Всесоюзный съезд Советов. Он готовился к выступлению на съезде и к беседе с В.И. Лениным. Но 22 января 1924 года Котовский шел в скорбной очереди к Колонному залу, а на следующий день стоял в почетном карауле у гроба вождя партии.

После съезда Григорий Иванович обращается за поддержкой и советом к Фрунзе. Михаил Васильевич порекомендовал изложить свои предложения в письме в Центральный Комитет партии и обещал всяческое содействие. И вот 4 февраля 1924 года письмо с предложением создать Молдавскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Приднестровье было направлено в ЦК РКП (б), а 29 июля 1924 года Политбюро ЦК приняло постановление «О Молдавской АССР», которым определялось создание Молдавской АССР в составе УССР. Западная граница автономной республики устанавливалась по реке Прут.

Во исполнение постановления ЦК РКП (б) Одесский губком утвердил организационную комиссию, на которую возлагалась вся подготовительная работа по созданию республики. Григорий Иванович вошел в эту комиссию. Он создает группу политработников и топографов для определения границ республики. Выезжает в Балту, Ананьев, Бирзулу, в села Крутые, Кодыма, Липецкое и другие, где выступает перед рабочими и крестьянами, разъясняя суть и значение постановления Политбюро ЦК РКП (б) и призывая единодушно его поддержать. Такие собрания всегда заканчивались принятием резолюций, в которых горячо одобрялась идея создания Молдавской автономной республики.

Весть о том, что в Приднестровье в ближайшем будущем будет образована Молдавская республика, проникла в отторгнутую Румынией часть Молдавии, и трудящиеся обрели там как бы второе дыхание в борьбе с оккупантами и эксплуататорами. Особенно крупное восстание разгорелось на юге Бессарабии в районе Татарбунар. Началось оно в середине

сентября 1924 года, вначале имело успех, но затем было жестоко подавлено.

Известие о жестокой расправе над братьями по крови и по классу вызвало гнев трудящихся Левобережной Молдавии, сплотило их, еще единодушней они стали высказываться за создание своей республики.

6 октября 1924 года в Бирзуле (ныне Котовск Одесской области) начал работу съезд учредителей республики. В клубе железнодорожников делегаты от городов н сел Приднестровья и Одессщины заполнили все ряды, стоят в проходах. Выступающих за создание автономной республики поддерживают дружными аплодисментами. Особенно часто прерывали овациями выступление Котовского. Он говорил о светлом завтрашнем дне своего народа, и люди верили ему.

Съезд принял решение в поддержку создания Молдавской АССР в составе Украины. 12 октября 1924 года на III сессии Всеукраинского ЦИКа было торжественно провозглашено о свершившемся историческом акте - рождении новой республики. Вся полнота власти до созыва I Всемолдавского съезда Советов передавалась в руки ревкома, в состав которого вошел и Г.И. Котовский.

С созданием Молдавской автономной республики многие командиры и политработники-молдаване из корпуса перешли на работу в партийные, государственные и хозяйственные органы республики. Все основные и оборотные средства военно-потребительского общества корпуса но решению правления были переданы республике. Котовский принимал активное участие в работе ревкома, который решал вопросы и экономические, и земельные, н бытовые, вел большую подготовительную работу по созыву I Всемолдавского съезда Советов, проводил разъяснительную и воспитательную работу.

В декабре 1924 года состоялась первая Всемолдавская конференция большевиков. В состав обкома партии был избран и Г.И. Котовский.

19 апреля 1925 года I съезд Советов Молдавской АССР принял решение о создании республики, избрал Центральный Исполнительный Комитет.

Мирная жизнь все настойчивей входила в свои права, начиналось массовое увольнение красноармейцев в запас. Но стояли в мертвом безмолвии заводы и фабрики, ржавели на запасных путях паровозы и вагоны, бездействовали шахты и рудники… Где найти работу?

Помытарится иной боец, да и не выдержит, пойдет на поклон

к нэпману. И пропал человек для революции. А чтобы не случилось такое, чтобы верил в завтрашний день и боролся за него, теперь уже на хозяйственном фронте, каждому увольняемому в запас давали в корпусе памятку-наказ. Написал ее Котовский:

«Дорогой товарищ! Уходя из наших красноармейских рядов, постоянно помни наши боевые традиции, нашу революционную преданность Советской власти и всем трудящимся.

Помни, что стальные ряды нашего корпуса неизменно остаются грозными для наших классовых врагов. Про пашу боевую отвагу, про удаль наших кавалеристов, про бесстрашие в боях с врагами ты разнеси молву повсюду, куда бы тебя ни кинула судьба, воспитывая этим боевой революционный дух у рабоче-крестьянской молодежи… Не забывай своей части и поддерживай с ней связь письмами и через наши газеты. Чувствуя эту связь, мы еще с большей энергией будем охранять границы наших трудовых республик от хищников мирового капитала. Если все это ты исполнишь, будешь достоин носить славное имя красного воина и гражданина Советской Республики, будешь действительно активным строителем нашей страны и ее вооруженной мощи - Красной Армии…»

Но памятка памяткой, наказ наказом, а об устройстве бывших бойцов надо думать. Григорий Иванович обращался за помощью в партийные и советские органы, к руководителям заводов и фабрик, писал рекомендательные письма, а иным бойцам, пока те не найдут работу, предоставлял свой кров. Подходило, однако, время увольнения из армии служащих старших возрастов, и нужно было вопрос трудоустройства решать кардинально. И тогда решили создать коммуну.

Место приглядели - Ободовку, бывшее имение магната Сабанского, где был расквартирован 17-й кавалерийский полк и находился совхоз ВПО корпуса. Понравилось Котовскому это место давно, когда приезжал сюда инспектировать полк. Но после того как задумали создать коммуну, поехал еще раз, чтобы все осмотреть.

Миновав знаменитую «екатерининскую аллею», которая посажена крепостными крестьянами по приказу Потемкина, проехав через Старую и Новую Ободовки, разделенные небольшим прудом, поднялся Григорий Иванович на высокий холм. Старинный дворец с узорчатой зубчатой башенкой. Вековые каштаны и дубы между конюшнями, каретным двором и другими подсобными постройками, словно старались отгородить их от мира своими могучими густыми ветвями.

Выслушав доклад командира полка, Котовский начал осматривать все постройки, делая необходимые расчеты и записи. И лишь вечером, на совещании командиров и политработников, комкор рассказал о своем замысле.

- Я думаю, - заключил он, - эта коммуна станет образцовым общественным хозяйством и впитает в себя всех уволенных в запас молдаван и тех, у кого гражданская война отняла дом и семью.

В первых числах августа 1924 года в Ободовке состоялось первое организационное собрание. Коммуну решили назвать «Бессарабской», председателем избрать В.Ф. Левицкого, одного из организаторов Хотинского вооруженного восстания 1919 года, незаурядного политработника и организатора.

Начало оказалось трудным. Коммунары собрали весь инвентарь и закручинились: неисправная молотилка, пять, тоже негодных, культиваторов, шесть плугов и три разбитые телеги. Тягловая сила - четыре полуслепые от старости клячи. Зерна для озимого посева ни грамма. Денег нет. Продукты корпус на первое время выделил, но надолго ли их хватит?

Однако надо браться за дело. Принялись пахать и боронить, приводить в порядок постройки, телеги, молотилку. На нее в особенности большую надежду возлагали. Думали летом подряжаться обмолачивать хлеб у единоличных крестьян, а за работу брать зерном. Для посева…

В сентябре в коммуну приехал Котовский. Собрались все под кряжистым дубом, и коммунары принялись рассказывать: восстановлен водопровод, оборудованы жилые помещения, а самое важное - пущена в ход молотилка и уже приносит доход - посевное зерно. Изрядно уже и пашни вспахано.

- Много сделано, верно, - похвалил коммунаров Котовский. - Только без поддержки долго вам на ноги становиться… Вот что, - немного подумав, продолжил Григорий Иванович, - направляйте в Тульчаны нескольких человек за лошадьми. Там выбраковка строевых коней идет. Зерно и фураж будут вам выделены из фондов корпуса.

Тут же договорились, кому ехать за лошадьми, кому за зерном и фуражом.

- А теперь на поле, - предложил Котовский. - Посмотрим пахоту.

Двое суток жил в «Бессарабской» Григорий Иванович. Проверил качество вспашки, помог разработать систему оплаты труда на принципах сдельщины, побывал в Ободовском райкоме партии, где состоялось совещание об оказании помощи

коммунарам. А вечерами беседовал Григорий Иванович с бывшими своими бойцами об агротехнике и севооборотах.

Те вечерние беседы бывшего агронома, вспоминал впоследствии секретарь партийной организации коммуны Н.А. Гажалов, были очень полезны и нужны для коммунаров. И кроме того, они сближали людей, ибо походили на семейные вечера. Особенно довольны были тем, что в Тульчанах купили 60 лошадей. Пойдут теперь дела в гору, наберет силы коммуна. Ведь когда приехали в Тульчаны, то оказалось, что там на аукционе наличными нужно платить за каждую лошадь. Но где их взять - наличные? Хотели было уже возвращаться, да на всякий случай, дали телеграмму комкору. Надеялись, что, может, на пяток лошадей выделит денег из общественных фондов корпуса. А вышло иначе, хорошо вышло - Котовский телеграфировал выбраковочной комиссии: «Отдать лошадей под векселя». Обрадовались коммунары, 60 лошадей взяли.

А вскоре в «Бессарабскую» прибыло три «фордзона», закупленных, в США. И снова коммунары благодарили Григория Ивановича за столь щедрую помощь. Справедливо благодарили, ибо Котовский добивался покупки этих тракторов через председателя ВУЦИКа Г.И. Петровского. Да, на таком уровне в те годы решались вопросы механизации сельского хозяйства. Даже не всего, а лишь отдельных коммун. Для всей Украины, для всей страны покупать тракторы просто было не по карману.

При поддержке Петровского Григорий Иванович «выбил» для коммуны динамо-машину, и «Бессарабская» засветилась яркими электрическими огнями на зависть окрестным деревням, где не в каждой хате могли тогда позволить себе зажечь керосиновую лампу со стеклом, где чаще всего чадили коптилки либо дедовские лучины.

Хозяйство коммуны, не в пример единоличному, шло в гору уверенно. Приехавший из Киевского сельскохозяйственного института молодой агроном А. Петиков и Котовский разработали десятипольную систему севооборота, в которой 70 процентов занимали зерновые и зернобобовые, 20 процентов - сахарная свекла, 10 процентов многолетние травы. Это сразу же сказалось на урожаях. Уже на второй год в коммуне смогли ввести денежную оплату труда, причем гарантированную, организовать бесплатное общественное питание во время полевых работ, а также открыть бесплатные ясли.

Разрасталась «Бессарабская», крепла экономически. Коммунары взяли в аренду ободовскую мельницу, открыли макаронную фабрику, наладили сушку фруктов, изготовление повидла, а затем и фруктовых вин; заработал в Ободовке

молочный завод - все это приносило хорошие доходы, позволяло увеличивать не только общественные фонды коммуны, но и денежную оплату труда коммунаров. Потянулись к «Бессарабской» крестьяне-незаможники с просьбами принять в коммуну. И принимали иных, по чаще советовали и помогали создавать такие коммуны у себя.

Та цель, которую ставил перед собой Григорий Иванович, создавая «Бессарабскую», была выполнена. Увольняемые в запас красноармейцы, кому некуда было податься, теперь не мотались по селам в поисках работы и крова; а коммуна, и это не менее было важно, стала маяком, освещающим путь прогресса для незаможника и середняка. Довольный успехами своего детища, Г.И. Котовский в июле 1925 года пишет коммунарам письмо: «Очень рад слышать о ваших успехах. Рад, что вы оправдали все ожидания…»

Письмо это Григорий Иванович написал перед отъездом в дом отдыха, где ему предстояло пройти серьезный курс лечения.

Только Ольга Петровна знала, что могучий организм Григория Ивановича начинал понемногу сдавать, и огромные физические и нервные нагрузки ему уже становились к тягость. Все чаще и чаще беспокоил желудок. Тогда Ольга Петровна стала настаивать на серьезном обследовании, но Григорий Иванович всякий раз отмахивался:

- Чуть кольнет, и уже к врачам бежать? Время где для этого?

Но вот один из таких приступов случился в Киеве, и Котовский волей-неволей оказался в руках врачей. Консилиум вынес решение - провести обследование. Котовский, однако, сбежал, и тогда втайне от мужа Ольга Петровна сообщила о состоянии здоровья Григория Ивановича командующему Украинским военным округом.

Подчиняясь постановлению военного совета округа, Котовский выехал в Москву на обследование и лечение. Диагноз врачи поставили неутешительный - невроз кишечника. Требуется длительное лечение в клинике, а затем в санатории. Но Котовский вопреки настоянию врачей наотрез отказался от санаторного лечения и согласился лишь, по совету М.В. Фрунзе, поехать на короткое время в совхоз «Чебанка», где был небольшой, всего на 30 человек, дом отдыха.

В Чебанке Григорий Иванович продолжал жить как привык - хлопотно. Поднимался с рассветом, до завтрака обязательно купался, а затем садился за книги. Перед обедом шел на прогулку к совхозным рыбакам либо на поля или совхозные фермы. И только вечером, после ужина, он позволял себе сыграть партию-

другую в крокет с отдыхающими, а то и потанцевать. Танцы, кстати, он часто организовывал сам. Но бывало и так, что и вечер оказывался занятым - приходилось идти на встречу то с рабочими совхоза, то с пионерами, которые отдыхали в Лузанке и в других прибрежных селах.

На одной из таких встреч Григорий Иванович был принят в почетные пионеры.

Регулярно с докладами о делах как в корпусе, так и в «Бессарабской» приезжал в Чебанку Н. Н. Криворучко. Беседы их, как правило, были долгими, утомительными. Ведь корпус есть корпус. Жизнь его сложна, многообразна и не всегда так гладка, как хотелось бы. И Григорий Иванович, не считаясь с требованием врачей, с требованием Ольги Петровны не волноваться, не нервничать, принимал близко к сердцу и добрые известия, и неприятности.

Да, он жил полной жизнью. До своего последнего дня. Вечером 5 августа 1925 года он был на костре у лузановских пионеров. Затем провел какое-то время с отдыхающими на вечере, а когда возвращался домой к жене и сыну, его жизнь оборвала пуля, выпущенная безжалостной рукой из маузера.

«Из приказа Революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик с извещением о смерти Г.И. Котовского.

№ 830

г. Москва , 6 августа 1925 г.

…Имя т. Котовского и руководимые им части красной конницы пользуются широкой известностью в армии и стране, в особенности же среди трудящихся Украины, где он в борьбе с германскими оккупантами, петлюровскими бандитами, Деникиным и белополяками вписал в историю гражданской войны и красной конницы ряд геройских подвигов. И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов… Революционный суд воздаст должное преступнику. Но он не вернет стране и армии того, чье имя было грозой врагов, чья шашка была надежной защитой советской земли.

Красная Армия и красная конница потеряли одного из лучших командиров. Союз Советских Социалистических Республик лишился преданнейшего делу революции бойца.

Прощай, дорогой товарищ!

Красная Армия сохранит о тебе память навсегда. На твоих боевых подвигах воспитывались сотни командиров. Они будут и впредь примером для бойцов Красной Армии в грядущих битвах за рабоче-крестьянское дело.

В увековечение памяти т. Котовского 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии, организатором которой был т. Котовский, присвоить его имя и впредь именовать: «3-я Бессарабская кавалерийская дивизия имени т. Котовского».

Народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР М. Фрунзе».

Страна узнала о трагедии, которая произошла в Чебанке из сообщения «Правды», которая поместила 9 августа 1925 года телеграмму Совнаркома Украины о гибели Г.И. Котовского.

Похоронили Григория Ивановича Котовского по решению ВУЦИК и ЦИК МАССР в Бирзуле (ныне Котовск), откуда начался его боевой путь - путь командира Красной Армии.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.И. Котовского

1881 г., 12 июня - родился в м. Гапчешты (ныне Котовск) Кишиневского уезда.

1895 г. - учеба в Кокорозенском сельскохозяйственном училище.

1905 г., декабрь - организовал партизанскую группу для борьбы против помещиков.

1906 г., 18 февраля - арестован в Кишиневе;

31 августа - побег из кишиневской тюрьмы;

24 сентября - арест.

1913 г., 27 февраля - бежал с каторги.

1916 г., 25 июня - арест;

4 октября - приговорен военным судом к смертной казни через повешение;

18 октября - замена смертной казни вечной каторгой.

1917 г., май - освобожден из Одесской тюрьмы;

май - июль - участвует в деятельности одесской Красной гвардии, выполняет отдельные поручения Одесского Совета рабочих и солдатских депутатов;

4 августа - прибыл на Румынский фронт, в VI армию.

1918 г., январь - февраль - организует в Тирасполе кавалерийский партизанский отряд;

июль - работает в большевистском подполье в Одессе.

1919 г., апрель - организует кавалерийский отряд в Приднестровье;

3 июля - назначается командиром 2-й стрелковой бригады 45-й советской стрелковой дивизии.

1920 г., 12 января - назначен командиром кавалерийской бригады 45-й советской стрелковой дивизии;

март - октябрь - участие в боях против белополяков;

31 декабря - принял командование 17-й кавдивизией.

1921 г., 18 июня - награжден орденом Красного Знамени за освобождение Одессы;

3 июля - награжден орденом Красного Знамени за ликвидацию петлюровщины и III армии Врангеля под Волочиском;

1 сентября - назначен начальником 9-й Крымской кавдивизии;

20 сентября - награжден Почетным революционным оружием РСФСР за разгром банд Антонова и Матюхина.

1922 г., октябрь - назначен командиром 2-го кавкорпуса;

4 декабря - избран членом Киевского губернского исполкома.

1924 г., январь - избран делегатом на II Всесоюзный съезд Советов;

декабрь - избран членом Молдавского областного партийного комитета КП(б)У.

1925 г, май - на IX Всеукраинском съезде Советов избран членом ЦИК УССР;

май - на III Всесоюзном съезде Советов избран кандидатом в члены ЦИК УССР;

6 августа - убит в совхозе «Чебанка» Одесской области.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 31, с. 156; т. 4, с. 437.

Ленин В.И. Военная переписка (1917-1920). Ленинский сборник XXXIV. М., 1956.

Котовский Г.И. Моя краткая биография. Исторический архив.

История КПСС, т. II. М., Политиздат, 1966,

т. II. М., Политиздат, 1968,

т. IV. М., Политиздат, 1970.

История гражданской войны, т. 1, М., Госиздат, 1938,

т. II, М., Госполитиздат, 1947,

т. III, М., Госполитиздат, 1957, 1958,

т. IV, М., Госполитиздат, 1959.

История Украинской ССР, т. I. Киев, АН Украинской ССР, 1953.

История Молдавской ССР, тт. I-II. Кишинев, 1951.

Барсуков М. Н. Коммунист-бунтарь. М. - Л., 1926.

Барсуков М. Н. Котовский. Харьков, 1930.

Вторая профессия полководца. Кишинев, 1972.

Герои гражданской войны в СССР. М., 1938.

Гарри А. М. Рассказы о Котовском. М., 1959.

Домбо В.И. Никогда не забыть. М., «Красная новь», 1924.

Бсауленко А.С. Г.И. Котовский в годы 1-й русской революции. Кишинев, 1955.

Есауленко А.С. Легендарный комбриг. Кишинев, 1967.

Есаулеико А.С. Интернациональный характер Великого Октября и революционное движение в Молдавии. Кишинев, 1967.

За Республику Советов. Воспоминания партизан. М., 1970.

Ильбнтенко К.И. Г.И. Котовский. М., 1960.

Котовский Г.И. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1956.

Котовский Г.И. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1961.

Котовский Г.И. Документы и материалы. Кишинев, 1956.

Котовская О.П. Котовский. Киев, 1950.

Коновалов В.Г. Герои Одесского подполья. М., 1960.

Морозов Е. Рассказы о котовцах. М., 1975.

Мокрицкий С.И. Бессарабская коммуна. Кишинев, 1958.

Молдавский республиканский музей Г.И. Котовского и С. Т. Лазо. Кишинев, 1960.

Новохатский М. Путь в легенду. Кишинев, 1976.

Розанов М. Народный герой Г.И. Котовский. Л., 1941.

Рыцари стального клинка. Воспоминания о Г.И. Котовском.

Кишинев, 1969.

Солоноп Е.Г. Г.И. Котовский. Л., 1930.

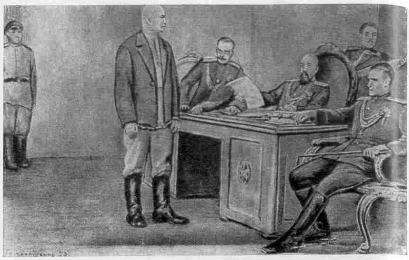
IIIтырляев В.И. Очерки по истории 9-й кавдивизии имени Совнаркома УССР. Харьков, 1923.

Шейдеман Е.С. Котовский Г.И. Биографический очерк. Киев, 1935.

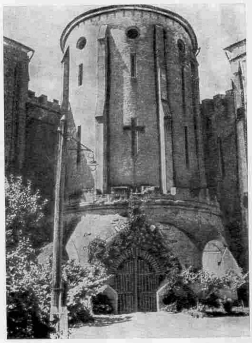
Шмерлинг В.Г. Котовский. М., 1951.

Четвериков Б.Д. Котовский. М., 1961.

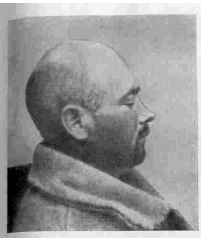
Фотографии



Допрос в царской охранке. 1906 г. Рисунок Л. Григорашенко.



Главные ворота тюрьмы в Кишиневе.



Узник кишиневской тюрьмы. 1906 г.

Г. И. Котовский в пути на каторгу. С рисунка Л. Григорашенко.

Казнь большевиков немецкими оккупантами. Екатеринослав, 1918 г.

Через Буг. 1920 г.

МАНДАТ.

Общий

Апреля

Дан сей тов: КАТОВСКОМУ в том, что он назначен Военным Руководителем Ольвиопольскаго Военнаго Комиссариата.-

Советским учреждениям оказывать всяческое содействие в организации тов КАТОВСКИМ Ольвиопольскаго Военнаго Комиссариата.-

ВОЕННОМ

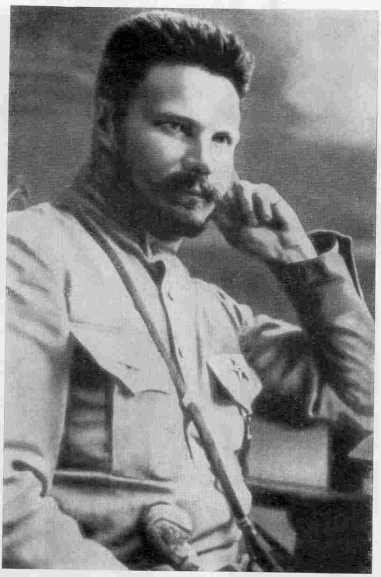
ВОЕНРУК

Начальник Канцелярии

Красноармейцы у костра. Украина. 1919 г.

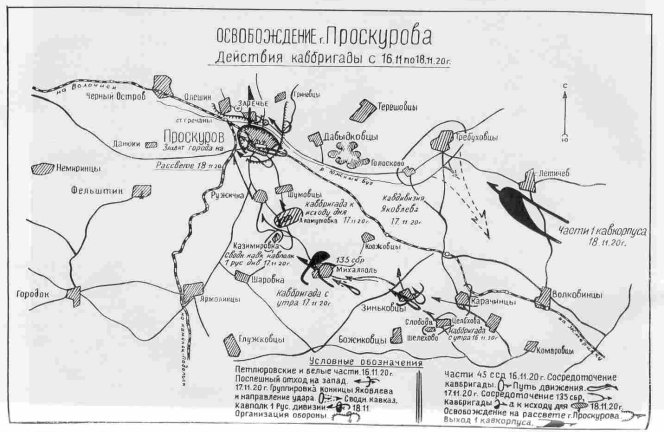
М. И. Калинин и М. В. Фрунзе на Южном фронте. 1920 г.

Начальник штаба бригады К. Ф. Юцевич.



М. В. Фрунзе

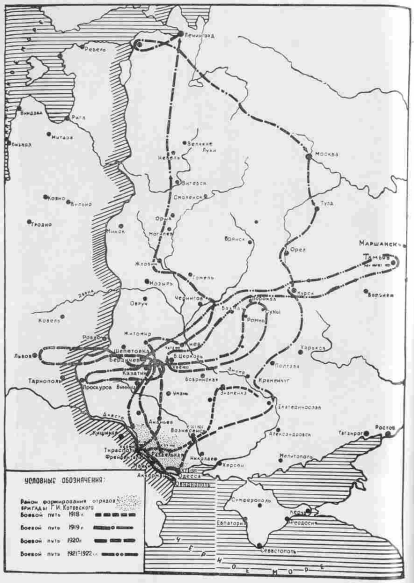
Г. И. Котовский на польском фронте. 1920 г. ▶



М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный на польском фронте. 1920 г.

Г. И. Котовский. С картины К. Китайко.

Г. И. Котовский после вручения Почетного революционного оружия. 1921 г.


Условные обозначения:
Район формирования отрядов бригады Г. И. Котовского
Боевой путь 1918 г.
Боевой путь 1919 г.
Боевой путь 1920 г.
Боевой путь 1921-1922 гг.

Карта-схема боевого пути бригады Г. И. Котовского.

Г. И. Котовский выступает перед бойцами.

Г. И. Котовский с комиссаром полка А. С. Захаровым и начальником штаба бригады К. Ф. Юцевичем (слева).

На физзарядке Г. И. Котовский и комсостав корпуса.

Г. И. Котовский с участниками I организационного собрания по образованию Молдавской республики, г. Бирзула. 1924 г.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Революционный Военный Совет Республики.

По уполномочию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов Революционный Военный Совет Республики постановил занести Р. К. К. А. тов. Котовского Григория Ивановича за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества 11 октября 1921 г. под д. Минькн и объявить награждённому орденом „Красное Знамя“ — символом мировой социалистической революции.

Знак ордена „Красное Знамя“ носится на груди.

В удостоверение изложенного и выдана настоящая грамота.

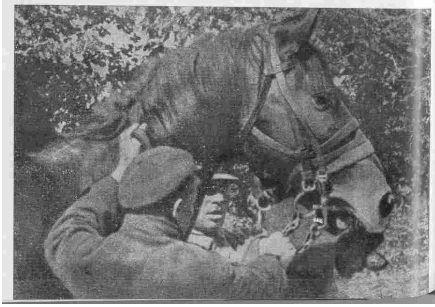
Заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики

№ 2[illegible]

[illegible] 19[illegible] года.

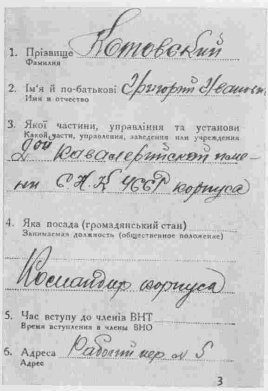
г. Москва.

Сын Г. И. Котовского Гриша.



Конь Г. И. Котовского.

Г. И. Котовский, С. М. Буденный, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов на заседании РВСР. 1925 г.



1. Прізвище Котовський
Фамилия

2. Ім'я й по-батькові Григорій Иванович
Имя и отчество

3. Якої частини, управління та установи
Какой части, управления, заведения или учреждения
До кавалерійської дивізії ім. С.М.К УСРР корпуса

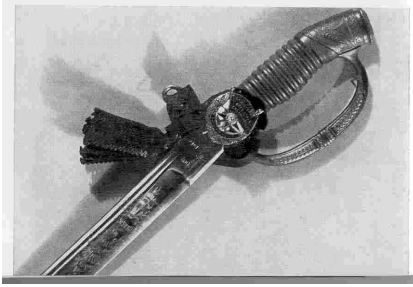
4. Яка посада (громадянський стан)
Занимаемая должность (общественное положение)
Командир корпуса

5. Час вступу до членів ВНТ
Время вступления в члены ВНО

6. Адреса Раевский пер. 5
Адрес

3

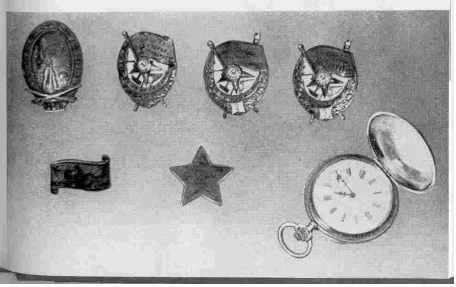
Удостоверение командира корпуса.



Почетное революционное оружие Г. И. Котовского.

Г. И. Котовский.

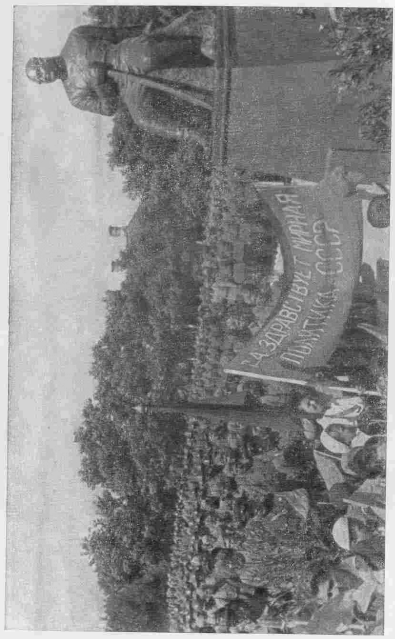
Награды Г. И. Котовского.



Г. И. Котовский.

Жена Г. И. Котовского Ольга Петровна. ▶

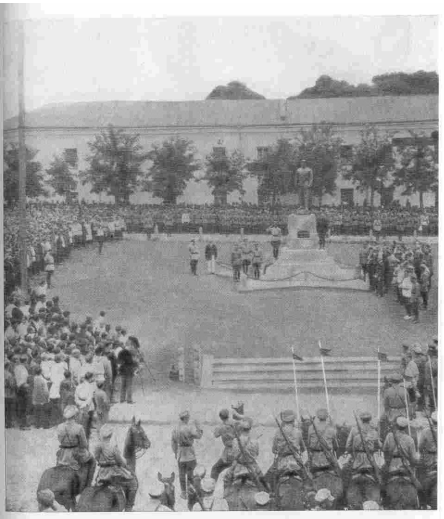
Сестра Г. И. Котовского Софья Ивановна в Ганчештах. 1940 г.



На открытии памятника Г. И. Котовскому в селе Ганчешты. 1940 г.

Памятник после разгрома фашистов. 1944 г.

Венки от боевых друзей и трудящихся.



На открытии памятника Г. И. Котовскому в Умани.

Памятник Г. И. Котовскому в Умани.

Дом, где родился
Г. И. Котовский.

Г. И. Котовский
после побега
с каторги.

[1] Ленин В.И. ПСС, т. 50, с. 298.
[2] Ленин В.И. ПСС, т. 38. с. 51.
[3] Ленин В.И. ПСС, т. 39, с. 230-231.
[4] Ленин В.И. ПСС, т. 43, с. И.